

Дарья
Волкова

Малыш, который живет под крышей

ВООБЩЕ-ТО, МНЕ БЫ
БОЛЬШЕ ХОТЕЛОСЬ ИМЕТЬ СОБАКУ,
ЧЕМ ЖЕНУ.

Двух людей сводит дорога. Несколько часов со случайным попутчиком — и они снова расходятся в разные стороны. А потом многомиллионный город дарит им еще одну встречу. Но они по-прежнему считают себя случайными прохожими на обочине жизни друг у друга. Каждый из этих двоих привык гулять сам по себе и жить по своим правилам. Но что-то снова и снова возвращает их друг к другу, словно заставляя остановиться. Присмотреться. Подумать. Понять. Что же это «что-то»? Судьба? Автор? Законы жанры? Или, как обычно — любовь

Дарья Волкова

Малыш, который живет под крышей

Объект первый: Трасса Е-95

Слушай, что-то мне вдруг так домой захотелось...

В какой-то рекламе, то ли шоколадных батончиков, то ли жвачки, в общем, того, что мигом решает все проблемы персонажей телевизионных роликов — так вот, там, после бурной ссоры, молодого парня выкидывает из машины длинноногая блондинка. Он гордо применяет по назначению рекламируемый объект — то ли шоколадный батончик, то ли жвачку (но не прокладки и тампоны — это вот точно!), и его тут же подбирает с обочины другая длинноногая красотка — еще краше, ногастей и блондинистей предыдущей. И они уезжают на красном спортивном автомобиле по прямой дороге, уходящей в горизонт.

Вот бы в жизни так.

Гребаный март. Гребаный ветер. Гребаная грязь на обочине. И расчудесная трижды гребаная Яночка, которая выкинула его. Выкинула из его собственной машины!

Макс бы уверен, что она вернется за ним. Ну, подумаешь, поругались. Ну, подумаешь, он назвал ее... Разнообразно назвал. И даже пару раз очень грубо. И подумаешь, что это именно он орал, что она его достала и чтобы остановила машину. Что с того? Это же не повод бросать его где-то районе Бологого в марте месяце, на грязной обочине. В джинсах, рубашке и кедах.

Жидкая грязь хлюпала под ногами. Кеды промокли насквозь. Проезжающие фуры щедро обдавали Макса ледяными брызгами все той же грязи из-под колес. И никакого намека на блондинку на красном спорткаре. Или хотя бы на гребаную Яночку на его «Вольво».

Макс шлепал в промокших кедах по обочине трассы федерального значения Е-95, ежась под порывами сырого ветра, и зло рассуждал. Все предельно ясно. Выделяется Яночка. В последние несколько месяцев это все более явно сквозило в ее поступках — поставить его, Макса, в положение выбора. Когда он должен показать, что она для него значит. Дождлся. И то, что он оказался в такой идиотской ситуации — всего лишь следствие этой дурной тенденции. Яночке подружки и маменька все уши прожужжали. А она ему, соответственно. О необходимости серьезных отношений. О том, что пора переходить на новый уровень. Перешли. Зашибись.

Он изначально не хотел ее брать с собой. Деловая поездка, исключительно деловая. В одно проектное бюро в Подмоскowie, совсем недавно еще бывшее ведомственным и немножечко закрытым. Встреча с серьезными людьми, пусть и в гражданском, но в чинах не ниже подполковника. И то, что Макс и его проекты заинтересовали таких людей — уже чертовски для него важно. До Яночки ли тут? Но она вцепилась голодным клещом. Измором взяла. Ревновала, что ли? В общем, поехали вдвоем. И все было до определенного момента неплохо. До обратной дороги.

Встреча прошла не так, как Макс ожидал. Не совсем провально для него, но определенное разочарование имело место быть. А Яночка только подливала масла в огонь. В ресторане их недостаточно быстро обслужили — все потому, по мнению Яночки, что Макс не слишком солидно выглядел. Он сразу после окончания встречи переделся из приличного костюма, который теперь аккуратно висел в машине на вешалке, закрепленной сзади переднего пассажирского сиденья. Переделся в джинсы и кеды. Из того, в чем он ходил на встречу в проектное бюро, на нем осталась только нежно-розовая (подарок все той же

Яночки) рубашка. И именно из-за его внешнего вида Яночке привиделись недочеты в обслуживании. Она долго пила кофе и фыркала. Принесшей счет девушке высказала все, что думала об уровне сервиса, самом заведении и официантке лично. Та снесла все молча, что еще больше завело Яночку. А Макс какого-то лешего и, собственно, явно в пику Яночке, оставил чаевые раза в три больше общепринятого.

Из ресторана они вышли, уже ругаясь. Правда, потом Яночка поутихла — в машине. Ластилась, заигрывала, удостоила чести визита ширинку на его джинсах, шепотом, на ухо, обещала оральные радости — по возвращении, разумеется. Но, посопев пару минут, удовольствие все же пришлось прервать — не время и не место: около трех часов дня на парковке ресторана. Однако настроение у Макса несколько приподнялась. Оба настроения приподнялись. Поэтому, когда Яночка робко попросилась за руль, наглаживая Максу затылок — он великодушно согласился. Машину она водит неплохо. Для женщины неплохо. А он за сегодня реально затрахался. Они поменялись местами. И это было очень сильно зря.

Потому что то, что сам Макс посчитал щедрым жестом со своей стороны — он предпочитал никого не пускать за руль своей машины — Яночка восприняла как акт капитуляции. И принялась прессовать его всерьез. Они вместе уже больше года. Из них последние пять месяцев живут вместе — в квартире Макса. И в голове Яночки явно уже не один месяц звучали свадебные колокола. Да вот беда — их слышала только Яночка. Ну, еще ее маменька и подружки. А Макс — нет. Он упорно игнорировал все намеки. «Ах, смотри какой красивый свадебный лимузин!». «Масюша, давай заведем собаку...». «А ты не хочешь переехать за город? Там чистый воздух». Дудки. Свадебные лимузины — пошлость. От собаки — шерсть, и ему некогда с ней гулять. И он хочет жить в пентхаусе с видом на Финский залив. И когда-нибудь он именно так и будет жить.

Слово за слово они разругались в дым. Так, что перекрикивали Вилле Вало из динамиков. А в итоге Макс проорал, что не может находиться в одной машине с такой тупой курицей, «Вольво» с визгом затормозила, и он от души хлопнул дверью, предварительно бросив на прощание в салон: «Дура набитая! Достоинство одно — сосешь хорошо!». И его тут же обдало грязью из-под колес. И это было только начало.

Теперь он был в серых пятнышках грязи весь — и нежно-розовая рубашка, и светло-голубые джинсы. И синие кеды, в которых так удобно нажимать на педали, промокли насквозь. И лицо, наверное. Ни денег, ни телефона — все это осталось в машине. Ни самой машины, собственно. Только грязная обочина трассы «Е-95». Зашибись. Гребаная Яночка. Гребаный придурок он сам, что оказался выброшенным из собственной машины без денег и телефона.

Трасса пошла на поворот, и Макс вместе с ней. Глупо идти вперед. Не пойдет же он пешком до Питера? Но стоять холодно, а подбрасывать его никто не торопился. Можно было встать и проголосовать. Но Макс отчего-то брел вперед. Наверное, потому что думалось ему на ходу всегда хорошо. А сейчас подумать было о чем.

За поворотом ему гостеприимно сверкнула яркими огнями заправка. Господи, он никогда так не радовался автомобильным заправкам! Там тепло и можно согреться. Там туалет, куда уже очень сильно хочется, а справлять малую нужду на улице воспитание не позволяло. Макс прибавил шаг.

Он успел прошмыгнуть мимо охранника в туалет. Но дураком Макс не был и понимал — все против него. С камер заправки явно видно, что он притопал пешком. Да и внешний вид у Макса тоже... тот еще.

Он подержал ладони под горячей водой. Здорово-то как... Ручка двери дернулась. Ну да, конечно. Хорошего понемножку. Если он не выйдет — с них станется и дверь выломать, потому что все это выглядит явно весьма подозрительно. А, может, рассказать охраннику все как есть, попросить телефон? Ну, люди же они, не звери. Позвонить Косте, тот поедет за ним и часа через три или четыре, как повезет выскочить из города, будет тут.

Макс представил, как его друг и деловой партнер Костя Драгин будет ржать над ним. Нет, Костян, несомненно, приедет. И обязательно выручит. Но житья же потом не даст, и будет ржать и подкалывать его этой ситуацией по поводу и без. Ручка двери в туалет еще раз дернулась. «Эй, парень!» — послышалось с обратной стороны. Не звери, люди? Наверное, но явно не очень благорасположенные к нему люди.

Охранник за дверью уже держал руку на дубинке на поясе.

— Все, все, уйду, — как мог миролюбиво пробормотал Макс.

— Вали, давай, и быстро! — ответили ему совсем недружелюбно.

Вот так вот меньше чем за час ты превращаешься из успешного человека на собственном авто в того, на кого подозрительно косится охранник на заправке. Головокружительная смена социальных ролей, что тут скажешь.

Мартовский ветер показался ему еще холоднее. Ну, что делать будем? Падение ниц перед персоналом заправки, просьба позвонить и Костян в роли Чипа и Дейла в одном лице — это вариант реальный. Но пусть он будет крайним.

От заправочной колонки, утробно рыкнув, отъехала машина. Отъехала и встала недалеко от выезда на трассу. Вылезшая из серого «субаря» фигура принялась протирать фары. А Макс понял, что нужно сделать.

Еще когда отогревал руки в туалете, глянул на себя в зеркало. И увидел кое-что, о чем забыл. Нагрудный карман рубашки, а в нем — паспорт. В бюро был вход по паспортам, да потом так и остался документ в рубашке. Стало быть, Макс — человек. Потому что у него документ есть. И, соответственно, есть шансы. У него есть шансы и природное обаяние. Сейчас пойдет и уболтает парня на сером «субаре» подбросить его до Питера. Давай, Макс, соберись. Это лучше, чем полгода по любому поводу слушать «гыгы» от Костяна.

И Макс решительно двинулся вперед.

— Привет.

Протиравший фары парень разогнулся. И оказался девушкой. Черт! Вот как так-то?! Хотя обмануться издали было несложно — немелкий рост, волосы прикрывает бесформенная темная шапка, наличие или отсутствие бюста затрудняет определить стеганый жилет. Но глаза — большие, черные и подкрашены. Губы женские, хотя само лицо немного угловатое. Нет, все равно девушка.

— Привет, — прокашлялся и повторил.

— По воскресеньям не подаю, — и голос у нее низкий и с хрипотцой. Но все же женский. А она снова нагнулась и принялась тереть фару. Задница в синих джинсах поджарая. Тьфу, о чем он думает и куда смотрит?!

— Мне подачки не нужны.

— Ну вот и отвали.

Начало разговора вышло неудачным.

— Давай помогу.

— Руки убери от моей машины.

Продолжение тоже неудачное. Макс вдруг начал злиться. Он с утра вел переговоры с двумя полковниками и целым одним генералом! А теперь стоит и улымавает какую-то кикимору, которую с первого взгляда и за девушку-то сложно принять.

— Слушай, ну хотя бы женское добросердечие в тебе есть? Или любопытство?

— Бита у меня есть. В багажнике. Для девушки — незаменимая вещь. Отойди.

— Послушай. Пожалуйста. Я попал в неприятную ситуацию. Мне нужна помощь.

— Ты глухой? Говорю же — не подаю по воскресеньям! Уйди с дороги.

— Да не нужны мне деньги!

— Да ну? — она обернулась от водительской двери. В глазах промелькнула слабая тень любопытства. — А чего надо?

— Ты в Питер едешь?

— Ну. Предположим.

— Довези. Я заплачу!

— Так с этого и надо было начинать, — несговорчивая девица улыбнулась. — А ты мямлишь как баба.

Макс вздохнул. Абсурдный разговор. Абсурдная ситуация. Она с самого начала была абсурдная. И из всех водителей на этой гребанной заправке Макс выбрал самого неадекватного. Нет, ну а что? Вляпываться — так по-крупному.

— Только я тебе на месте заплачу. Как приедем.

— Неа, — покачала та головой. — Не внушаешь ты доверия, парень. Деньги вперед.

— Тут такое дело... У меня нет с собой денег. Ничего нет! Ни денег, ни телефона. С девушкой своей поссорился, с психу выскочил из машины, а она уехала. И не вернулась.

— Я б к такому тоже не вернулась.

— Слушай, — Макс вдруг почувствовал, как некстати засвербело в носу. Едва успел отвернуться и звонко чихнул. Ко всем своим радостям он еще и простыл. — Я тебе дам денег. Правда. Я вполне... состоятельный.

— Ты грязный, с красным носом и похож на бомжа, — услужливо сообщила ему девушка. — А не на состоятельного человека.

— Я, между прочим, вполне успешный архитектор! — совершенно не к месту возмутился Макс.

— ... и скульптор в кедах баскетбольных, — пробормотала его собеседница, окидывая его несколько более внимательным взглядом.

— Чего? — Макс опешил.

— ... и сидра пузырьки, и пена, и баклажанная икра! — продолжила говорить загадками девица в несуразной шапке. Нет, она явно над ним издевается!

— Терпеть не могу баклажанную икру. Я архитектор, а не скульптор. Архитектурный факультет Питерского ГАСУ. И кеды у меня не баскетбольные, а самые обычные, — отчеканил он.

— А это была цитата из Евтушенко.

— Ты не похожа на человека, знающего наизусть стихи Евтушенко! — Макса, что называется, «закусило».

— А это мама моя их любит, — неожиданно не стала ввязываться в конфликт черноглазая. — А я стихов не знаю, тут ты прав.

— Извини, — абсурдность ситуации зашкаливала за все допустимые пределы. Сейчас еще не хватало только со своей гипотетической спасительницей из-за Евтушенко поругаться. — Слушай, я тебе заплачу. Сколько скажешь, правда. Ты меня до дому только довези, и я тебе обязательно денег дам.

— А вдруг ты маньяк или насильник?

— И не мечтай! — после этих собственных слов ему захотелось вlepить себе подзатыльник. Или даже два. Что он несет? Владелица спасительного «субаря» тоже смотрела на него как на придурка.

— Паспорт! — неожиданно вспомнил Макс. — У меня паспорт есть! Держи, — вытащил из кармана рубашки книжку в тонкой черной кожаной обложке, протянул. Вообще, это категорически запрещено законодательством, но ему сейчас плевать. — Возьми. Отдашь, когда я тебе заплачу. Заодно убедишься, что я не маньяк.

— А что, там, у тебя в паспорте, так и написано: «Не маньяк»? — она не торопилась брать в руки его паспорт.

— Угу. Так и написано.

— Любопытно.

А потом она все-таки взяла его паспорт. Каким-то таким уверенным движением — словно делает это десяток раз в день. Похлопала паспортом по ладони. Усмехнулась.

— Ну-с. Посмотрим, что у нас тут за «Не маньяк», — открылась первая страница. Темная бровь выгнулась. — Максим, значит?

— Максимилиан.

— Валерьевич? — она явно сознательно игнорировала написанное на гербовой бумаге.

— Валерианович.

— МалЫш.

— МАлыш!

— Эко тебя угораздило, — сокрушенно покачала головой девица. — Совсем убогий. Что за фамилия нелепая?

— Нормальная польская фамилия, — буркнул Макс.

— Так господин — из панов? — его собеседница неожиданно развеселилась.

— Частично.

— Приятно познакомиться! — ему протянули руку — другую, в которой не было паспорта. — Моя фамилия — Сусанин.

Тут Макс не выдержал и расхохотался. А ладонь у «Сусанина» оказалось сухой, теплой и твердой.

— Ладно, — девушка совершенно непочтительно сунула его паспорт в задний карман джинсов. Макс вздохнул, но вякать не стал. — Так и быть, поехали. Три тысячи.

— Заметано!

— В дороге не спать!

— Хорошо.

— Анекдоты рассказывать умеешь?

— Да чего там уметь?

— Ну, вот и хорошо. Будешь меня развлекать. А то меня что-то срубить уже стало.

В машине на Макса вдруг напал озноб. Вроде бы в тепло попал, после сырого мартовского ветра, а, вместо того, чтобы согреться, его стала вдруг бить дрожь — крупная, и не унималась никак.

Черноглазая молча прибавила печку, вентилятор загудел сильнее, нагнетая теплый воздух. Дрожь стала понемногу отпускать.

— Если можно, включи поток в ноги, — промокшие кеды противно леденили стопы.

— Не вопрос, — девушка еще раз щелкнула тумблерами печки. — Значит, ты — Мальш?

— А ты, стало быть, Карлсон? — в тон ей ответил Макс, шевеля пальцами в кедах. Скорее бы тепло пошло...

— А что? Дикое, симпатичное и с мотором... — задумчивым тоном, перестраиваясь в левую полосу. А потом, вдруг неожиданно: — Ты ноги сегодня мыл?

— Я сегодня весь мылся. А к чему эти интимные подробности? Телом расплачиваться не буду!

— Размечтался, — припомнила ему «Карлсон». — Снимай кеды. Все равно они мокрые, а ты так не согреешься. Вон трясешься так, что у меня вибрация по рулю идет. Но учти — если начнет вонять...

— Не начнет!

Грех было не воспользоваться таким щедрым предложением. Мокрые шнурки с трудом поддавались пальцам, но Макс их все-таки победил. Стащил кеды, носки, все это задвинул подальше, под поток горячего воздуха. И, правда, сразу стало теплее.

— Ты всегда так ездешь? Или передо мной выпендриваешься? — наверное, он слегка обнаглел. Но она его уже не высадит, Макс был уверен.

— Чего мне перед тобой выпендриваться, — они, как мимо стоячей, пролетели мимо очередной фуры. — Я тебя вижу в первый и в последний раз в жизни. Просто домой хочу. Очень.

— Дорога мокрая... — с тоской пробормотал Макс. Он так себе не позволял ездить. По крайней мере, не по мокрой трассе. Не в сумерках.

— Резина хорошая, за рулем профессионал. Спокойствие, Мальш, только спокойствие. У меня права десять лет.

На это Макс предпочел не отвечать. Он сам получил права шесть лет назад и считал себя опытным водителем. А тут какая-то девица...

— Ну, давай, рассказывай.

— Что рассказывать? Ты хоть тему обозначь — что тебе интересно.

— Как космические корабли бороздят Большой театр. И почему ты все-таки Мальш.

— МАЛЫШ — обыкновенная польская фамилия. У меня отец — поляк. Валериян МАЛЫШ.

— Я догадалась. А мать?

— Русская.

— Вот как? А дальше? Ну, что я из тебя по одному слову вытаскиваю? Обещал развлекать — развлекай.

— Давай, я тебе лучше анекдот расскажу, — выкладывать всю историю своей семьи Макс совершенно не хотелось.

— Давай, — легко согласилась чернявая.

Анекдотов и баек Макс знал много — спасибо Костяну, регулярно просвещал. Так что

следующие полчаса прошли в непринужденной обстановке. А потом в возникшей паузе у Макса вдруг некстати заурчало в животе. Зря он модничал в ресторане в Москве — то небольшое, что он там съел, бесследно сгорело в адреналиновой топке при марш-броске по трассе.

— На заднем сиденье пакет.

— И что?

— Достань.

Велено — сделано.

— Там баночка с энергетиком — это мне. А себе там бутерброды распакуй, и бутылка с компотом должна быть.

Макс послушно пощуршал содержимым пакета. Достал потребованный энергетик.

— Слушай, но это же сплошная химия.

— Химия, не химия, но без этого я засну за рулем. Давай сюда. И бери бутерброды.

— А ты?

— Я не буду. Мне родственники в дорогу насобирали. Но я все равно есть не буду. Иначе в сон потянет. А я и без этого...

Макс вредничать не стал. Развернул пищевую пленку и, недолго думая, впился зубами. Вкусно. Или это просто он голодный?

— С чем бутерброд? — он с трудом подавлял желание урчать от удовольствия.

— Понятия не имею, — «Карлсон» поставила баночку в специальную подставку-держатель. — Тетя делала. Я все равно есть не собиралась. Вкусно?

— Вкусно! — и не слукавил. Белый хлеб, майонез, какое-то мясо и тонко порезанный огурец. С голодухи — просто нереально вкусно. Главное — не чавкать.

— На здоровье. Тете передам, что бутерброды ей удались, — хмыкнула девица. А потом вдруг что-то пикнуло, музыка стихла и «Карлсон» произнесла совершенно другим голосом: — Привет, мам.

— Здравствуй, Кирочка, — донесся из динамиков энергичный женский голос. — Ты как?

— Нормально, мам. Через пару часов буду дома.

Макс с любопытством покосился на свою «водительницу». Оказывается, простенькая с виду «субара» оборудована системой громкой связи. Да и смена тона и самой манеры общения интриговала. Но бутерброд интриговал больше.

— Как дядя Боря?

— Молодцом, мам. Он держится. Тетя Люба — тоже, — Макс показалось, что тон черноглазой, как выяснилось, Киры, стал чуточку торопливым. — Передавали тебе привет.

— Ох... Надо было с тобой ехать. Ладно, — женщина в динамиках саму себя остановила. — В другой раз. Кирюша, ты едешь аккуратно?

— Конечно. Сто километров в час, мам, я знаю правила.

Макс подавился бутербродом от такого вопиющего вранья. Закашлялся.

— Кира... — голос в динамиках похолодел. — Кто с тобой в машине?

Кира бросила на Макса вполне красноречивый взгляд. Очень красноречивый.

— Я взяла пассажира. Он оплатил бензин.

Макс машинально отметил прошедшее время.

— Кирочка... — голос в динамиках зазвучал угрожающе проникновенно. — Тебе озвучить статистику по пропавшим без вести по Питеру и Ленобласти? А по найденным

неопознанным трупам?

— Мама!

— Не «мамкай»! Кто он?!

— У меня его паспорт! Он нормальный!

— Что значит — «нормальный»? Кого ты там подобрала на трассе? Алкаша какого-то?

— Мама, он совершенно нормальный! — Макс практически физически чувствовал, с каким нажимом произносится каждое слово. — Он архитектор. Из Питера.

Какое-то время динамики молчали.

— Архитектор? Паспорт видела, говоришь? Диктуй данные, я проверю. Как раз за компьютером.

— Мам, ты на работе, что ли?

— Да. Николай Васильевич попросил выйти, кое-что сделать нужно срочно. Диктуй.

Его данные продиктовали. Из динамиков явственно слышались щелчки клавиатуры.

— Нет. Ни одного Малыша нету. Чисто. Кира?

— Да?

— Ты его паспорт хорошо рассмотрела? — голос в динамиках стал немного другой. Заинтересованный.

Кира-Карлсон издала неразборчивое мычание.

— Сколько ему лет?

— Примерно мой ровесник, — тон девушки был странно мрачен.

— Что там со страницей «семейное положение»? Кольцо на пальце есть?

— Мама, перестань, пожалуйста!

— Что — «перестань»? У тебя в машине молодой, возможно, неженатый мужчина интеллигентной профессии. Он симпатичный?

— Немочь бледная. Тощий и страшный.

Тут Макс не выдержал. И подал голос.

— Я вполне симпатичный. И не женат. Если вас это интересует. Здравствуйте... кстати.

Кира покрутила пальцем у виска. Макс не выдержал и дернул ее руку обратно на руль. Сам покрутил пальцем у виска. Кира в ответ показала ему язык. Детский сад. Динамки угрожающе молчали.

— Значит, молодой, симпатичный, неженатый архитектор... — наконец, задумчиво произнес женский голос.

«А я еще я вышивать умею. И на машинке строчить» — у Макса хватило ума не произнести это вслух.

— Вы — петербуржец? — продолжился допрос.

— Коренной.

— Чем на жизнь нынче архитекторы зарабатывают?

— Дома проектируем. Перепланировка. Реконструкция. В общем, никакой работой не гнушаемся, — Макс, против своей воли, начал улыбаться.

— Почему до сих пор не женаты?

От прямоты вопроса Макс снова закашлялся. А, может, это простуда уже началась.

— Да как-то... знаете... не сложилось. Работа, карьера, бизнес собственный недавно открыл. Но я не теряю надежды.

Кира сделала характерный жест, будто сворачивает кому-то шею. «За руль держись» — почти беззвучно прошептал он в ответ.

— Ну-ну, — задумчиво протянул голос из динамиков. — Значит так, молодой человек. Слушайте меня внимательно. С вами говорит капитан полиции Биктагирова Раиса Андреевна, заместитель начальника экспертно-криминалистического отдела главного следственного управления города Санкт-Петербурга. Мне известно ваше имя. Я знаю, что вы едете в одной машине с моей дочерью. И если через два часа она не появится дома...

— Через два с половиной, мам.

— Хорошо. Так вот. В этом случае через два часа тридцать две минуты по адресу вашего постоянного проживания выедет группа быстрого реагирования. В бронежилетах и с автоматами. Вам все ясно?

Смешно. Да не очень. Резковаты переходы от маньяка к потенциальному жениху и обратно.

— Так точно, товарищ капитан. Буду беречь вашу дочь как зеницу ока. Пыль с нее сдувать.

— Вольно. Кирочка, как подъедешь — позвони. Выйду, помогу сумки донести. Люба там, поди, насобираала солений-варений, да?

— Да, мама. Обязательно позвоню, как подъеду.

Снова что-то щелкнуло, вновь заиграла музыка. И какое-то время, кроме гитарных басов и ударных, не было слышно ничего. Макс смотрел на ее руки, лежащие на руле. Черные кожаные перчатки с неровно обрезанными пальцами. Руки у нее крупные, пальцы длинные. Барабанят по рулю. Молчит и пальцами барабанит. И тут Макс понял, что удары пальцев по рулю не просто так, а ровно в такт несущейся из динамиков музыке. Ритм быстрый, сложный, а она попадает. Вот поди же ты...

— Сволочь ты неблагодарная, Малыш. Я тебя подобрала, обогрела, накормила. А ты...

— Извини.

— Кто тебя за язык тянул?! Ты мог жевать молча?

— Что, сильно тебя подставил?

— Да мне теперь месяц житья не будет! — Кира шлепнула ладонью по рулю. — Симпатичный холостой архитектор! Мечта, а не мужчина! О! Придумала. Скажу маме, что ты — гей.

— Скажи, — согласно кивнул Макс и принялся снова за бутерброд. — Это же у нас теперь не уголовно наказуемое деяние? А то опять — автоматчики, бронежилеты...

— Статью за мужеложество отменили лет двадцать назад. Хотя маменька моя полагает, что совершенно зря.

Макс хмыкнул. Краткого и шапочного знакомства с Раисой Андреевной хватило, чтобы не удивиться такому обстоятельству.

— А она что — действительно криминалист?

— Самый настоящий эксперт-криминалист. Университет МВД, факультет криминалистики, следственный комитет.

— Круто, — а Макс раньше думал, что у него маменька — дама суровая. Раиса Андреевна, судя по всему, дала бы Нине Федоровне Горенко сто очков вперед. — А ты, значит, Кира? — ответа не последовало. — Кира Биктагирова?

— «Артуровну» пропустил, — машина сбавила ход, перестроилась в правый ряд, вниз поползло стекло, а Кира щелкнула зажигалкой. Макс поморщился — терпеть не мог табачный дым, но не в его положении сейчас фыркать. Девушка затянулась, выдохнула дым в щель. — Раз уж у нас пошел такой интим, изволь величать по полной форме. Кира

Артуровна Биктагирова.

— Внушает, — и в самом деле внушает. Звучит у нее имя. Звучит и «рычит». — Встает закономерный вопрос о национальности.

— Отец — татарин. По его собственному утверждению... матери он так рассказывал... Из бухарских ханов, — Кира как-то недобро усмехнулась.

— Бухарский — от слова «бухать»?

— Вроде того. Не умел, но любил. Ну и допился, в конце концов.

— Извини.

— Ерунда. Я его все равно почти не знала, он ушел, когда мне чуть больше года было.

Они какое-то время помолчали. Кира докурила, упаковала окурок в пепельницу.

Закрыла окно.

— А в каком звании Кира Артуровна? — молчать было странно.

— В гражданском. Где там твои анекдоты, Максимилиан Валерианович?

* * *

Город встретил их дождем и рассосавшимися к вечеру воскресенья пробками.

— Тебя по тому адресу, что в паспорте?

— Угу. На Васильевский.

Уже минут пять, пока машина ехала в сторону Благовещенского моста, Макса грызла мысль. А если Яночке хватило ума не поехать к нему? Вот приедут они сейчас к его дому на Шестой линии, а там нет никого. А он ведь денег Кире должен. А какие деньги, если там не будет Яночки? Ключей-то у него нет.

Облегчение, когда он высмотрел свои окна на шестом этаже с зажженным светом, было практически физически ощутимым. Ну, вот, невыполнимая миссия исполнена. Человек, выброшенный из машины на трассе «Е-95», вернулся домой. Сам. Злой.

— Вторая парадная. Ага, здесь. Я быстро.

— Подожди, — Кира приподнялась на сиденье, достала из заднего кармана его паспорт. Слегка изогнутый, принявший форму девичьей попы — как некстати подумал Макс. — Держи.

— Но... деньги...

— Надо доверять людям. Давай, шуруй за деньгами, Мальш. Одна нога здесь, другая там. А то я так устала...

— Я сейчас.

* * *

— Макс! — Яночка кинулась к нему на шею. — Я так переживала! Так переживала, ты не представляешь! Прости меня, я...

— Где мой бумажник? — убрал ее руки со своей шеи.

— Зачем тебе бумажник? Ты что, думаешь, я тебя ограбила, что ли? Макс, ты совсем с ума...

— Где? Мой? Бумажник?

— Да вон, на полке! Макс, что происходит? Ты... с тобой все...

Макс не слушал. Молча забрал кошелек, ключи. И вышел, от души хлопнув дверью. А серого «субаря» у парадной не оказалось.

Странно все это. Макс сел на мокрую лавочку, даже не поморщившись холоду деревянных плашек. Дождь едва капал.

Нет, ну странно, правда же. Паспорт отдала. Денег не дождалась. Зачем? Почему? Где логика? И откуда это нелепое чувство разочарования? А, впрочем, баба с возу — кобыле легче. И три тысячи сэкономил.

Макс поднялся со скамейки. Ладно, это все уже в прошлом и пустяки. Главное — он дома. И сейчас кое-кто будет перед ним извиняться. Потом еще раз извиняться. А потом кое-кто упакует свои вещи и свалит из его квартиры. Но это уже — завтра. На ночь нет никакого желания скандал устраивать. Сейчас — горячая ванна, ужин и минет. Да, именно в такой последовательности.

* * *

— Наелась?

— Да, мам, спасибо, — Кира отодвинула тарелку с остатками противоречащего всем нормам здорового питания позднего ужина.

— Слушай, Кира... — Раиса Андреевна забрала тарелку, заменила ее чашкой. — Зеленый?

— Угу.

— Так вот, Кирочка... А что там тот молодой человек в машине? Максим, кажется?

— У него дурацкое имя — Максимилиан. Да высадила его у подъезда, денег... денег он сразу дал. Так что все «ок».

— Телефонами обменялись?

— Мама!

— Что — «мама»? Ты же сама сказала — архитектор, холостой, симпатичный...

— Симпатичный — это он сам про себя так сказал!

— Так что — урод?

— Да нет, в принципе, — Кира пригубила чаю, вздохнула. — Обычный. Нормальный. Глаза зеленые.

— Вооот! Глаза рассмотрела! Значит, понравился.

— Ничего он мне не понравился. И у него девушка есть.

— Девушка — не стенка. Отодвинуть можно.

— Мама, ты...

— Что — «я»?! — Раиса Андреевна встала за спиной дочери, принялась легко массировать плечи. А потом наклонилась и заговорила негромко, в темноволосую макушку. — Кирюш, у тебя тридцатник не за горами. В твои годы у меня ты уже в школу ходила.

— Мама, сейчас другое время.

— Время другое, а люди — те же. Ты у меня — умная, красивая, порядочная девочка. Тебе положено быть замужем.

— Так то порядочным положено...

Слова Киры прозвучали тихо. Но Раиса Андреевна расслышала их очень хорошо. Пальцы ее сжались на плечах дочери.

— Кирочка, доченька, ты вбила себе в голову какую-то ерунду. То дело прошлое, давным-давно быльем поросло, да и...

— Мам, я спать пойду, ладно? Завтра вставать рано.

— Да выспалась бы с дороги. Ты же человек не подневольный, как я. Чтобы «от» и «до», и по звонку.

— Воли у меня тоже не так уж и много — вон хоть у Оксаны поинтересуйся. И потом, у меня завтра сделка в десять. На Выборгской.

— Ну, тогда иди, конечно. Отдыхай, хорошая моя. И не придумывай себе глупости.

— Спокойной ночи, мам.

Объект второй. Васильевский остров

Вообще-то, мне бы больше хотелось иметь собаку, чем жену.

— Чего это мы такие грустные, Максимилиан Валерианович? — Костя спросил, не оборачиваясь, рисуя маркером что-то невидимое Максу на напольной доске. Как диагноз «грустный» поставил — непонятно.

— Я не грустный.

— Ты из-за встречи в Москве расстроился, что ли? — упорно допытывался Костя, все так же занимаясь невидимым художеством. — Да не бери в голову. Сразу было понятно, что так просто они не клюнут.

— Я лично считаю, что результат встречи скорее положительный, чем отрицательный. Есть там перспективы, — Макс развел руки, поднял вверх и потянулся.

— Вот и я так считаю! — Костик, наконец-то, обернулся. — Так что тогда с настроением, шановный пан?

На доске за спиной Кости красовался заяц. Этими зайцами — однообразными и страшными до невозможности Драгин просто изводил своего партнера и совладельца архитектурно-строительного бюро «Малыш и К». Макс и рисовал, и чертил прекрасно — образование обязывало. А Костя умел выбивать деньги из банков, чують своим длинным носом выгодные проекты и рисовать страшных зайцев.

— Да не выпался просто, — Макс демонстративно зевнул.

— Ай, Яночка, ай баловница.

— Баловница — не то слово.

Костя нахмурился мрачному тону друга и отсутствию реакции на очередного зайца.

— А ну-ка, выкладывай. Поругался с Яночкой?

— Нет. Не поругался. Яночка сегодня утром получила команду «С вещами на выход».

— Вон оно что... — Костя сел к столу и подпер ладонью щеку. — Суров ты, царь-батюшка. Чем не угодила?

— Всем, — лаконично отвечивал Макс. — Достала.

— Ага-ага... — Дрыгин взъерошил волосы на затылке. — Чую, был поставлен ребром вопрос: «Или я веду ее в ЗАГС, или она ведет меня к прокурору».

— Без «или», — Малыш пружинисто встал, подошел к окну, отвел в сторону жалюзи. — Пусть валит на все четыре стороны и ищет достойный экземпляр для осчастливливания. Я — пас.

— Радикально.

— Честно, — Макс обернулся. — Я попробовал. Мне не понравилось жить с кем-то. Особенно если этот «кто-то» маниакально хочет за меня замуж. Не мое. Я лучше один.

— Зачем ты вообще на это решился — жить с ней?

— Не знаю. Наверное, я латентный мазохист. И разнообразия захотелось. Попробовать — как это: жить с кем-то? Эксперимент признан неудачным.

— Ну, тогда — да здравствует возвращение холостой жизни Макса МАлыша! — Костя отсалютовал стаканом для карандашей. — Это надо отметить как в старые добрые времена. В клуб и пара-пабабам!

— Успеется, — усмехнулся Макс. — Яночка будет еще неделю мне мозг выносить,

минимум. Это въехала она моментально. Выезжать будет долго. Будет забывать любимые туфли, зарядник для мобильного, крем для бровей.

— Не бывает крема для бровей, — неуверенно произнес Костя.

— Ну, какая-то хрень для бровей бывает. Может, не крем. Да какая разница. В любом случае, это тема не быстрая. Вот как последние туфли заберет — так и завалимся в клуб.

— Договорились!

* * *

— Кира, где ты была? Почему не предупредила, что задерживаешься?

— Здравствуй, Оксана. У меня регистрация сделки была. И я...

— Кира, в офисе я — Оксана Сергеевна!

Ага, сейчас, как же. «Сергеевна». Может, еще «Вашим королевским величеством» называть — как во время игр в детстве? Детство кончилось, дорогая сестрица.

— Оксана, повторяю еще раз. Я была в регистрационной службе. И Владиславе Юрьевича я об этом в пятницу предупреждала. А ты не хочешь, дорогая моя, спросить меня, как там дела у дяди Бори? Как Лиза и Семка? Они и твои родственники, между прочим.

— Ладно, — Оксана поджала губы. — Пойдем в мой кабинет.

Сколько гонору, блин. Кабинет. Будка собачья. Зато персональный закуток с табличкой. «Камышина Оксана Сергеевна, заместитель директора». Все те же детские игры в королеву и ее служанку.

— Сейчас, только схожу покурю.

— Кира!

— Прости, хочу курить — умираю, — Кира сладко улыбнулась. Сама тоже как ребенок — не может не дразнить двоюродную сестру. — Я быстро. Или могу в твоём КАБИНЕТЕ покурить.

— Возле входа не кури, — после паузы безглаголиво ответила Оксана. — Клиентов распугаешь.

— Конечно-конечно. Я возле помойки курю.

Оксана закатила глаза и уплыла в свой кабинет. А Кира пошла курить к мусорным бакам. На помойку. Туда, где, по мнению ее распреkrасной кухни, Кире самое место.

* * *

Как и следовало ожидать, Яночка явилась вечером. Скромный макияж, закрытая одежда — сама поруганная невинность и погрязшее достоинство. Однако дверь открыла своим ключом — как к себе домой.

— Макс, а я тебе вчера ravioli приготовила... твои любимые — с шампиньонами. Они в морозилке.

— Можешь и их забрать тоже.

— Ты что — серьезно? — она подошла к нему совсем близко. — Макс... Ну, Мааакс... Прости меня! Я же извинилась! И не один раз. Мы же с тобой вчера так славно помирились, нет разве?

— Нет. Тебе показалось, — это был прощальный минет, но Макс не стал этого говорить вслух.

— Ты все еще сердишься? Признаю — я была очень неправа. И больше так не буду, честно! Не знаю, что на меня нашло, но я обещаю, что больше не...

— Ян, не надо. Я все решил.

— Ты все решил? А я? А мои чувства? Ну, Масюша... — она потянулась к нему губами, но Макс увернулся.

— Я начал собирать твои вещи. Помочь? Или дальше сама справишься?

У Яночки пухлые губы, и сейчас они очень эффектно задрожали.

— Ладно, не буду мешать. Пойду, пройдуся.

Дожил. Выставили из собственного дома. Сначала из машины выкидывают, теперь из дома. Но выносить это представление не было никаких моральных сил.

Далеко Макс не ушел — до набережной. Подумал — и пошел по мосту. На середине остановился. Смотрел на темную воду, в которой отражался свет фонарей с моста и Университетской набережной. Вдали виднелись линия огней Дворцового моста и круглая шапка Исакия. Постоял-постоял, потом замерз. И пошел в обратную сторону, на Васильевский. Что-то это просто его бич в последнее время — мерзнуть на улице. Тут некстати вспомнилась черноглазая и нелогичная Кира. Почему уехала, почему денег не дождалась — он так и смог придумать внятного ответа. Дойдя до конца моста, Макс свернул направо и пошел по набережной. У сфинксов спустился к воде. Час поздний, туристов уже нет, и можно постоять в одиночестве.

На город незаметно опустился вечер, и чернота воды сливалась с темнотой гранита ступеней. Сверху на Макса бесстрастно смотрел безбородый сфинкс, что когда-то, несколько тысяч лет назад, украшал вход в гробницу фараона — Макс, хоть убей, не смог бы сейчас вспомнить его имя. А когда-то ведь знал точно. Да какой только хренью не была забита его голова тогда, десять лет назад, когда он был еще студентом ГАСУ и каждое лето работал экскурсоводом по протекции тети Гали.

Макс запрокинул голову. Одна из городских легенд гласила, что с наступлением темноты у сфинксов меняется выражение лица. Спокойные и умиротворенные с утра, древние стражи египетских пирамид становятся безжалостными и даже угрожающими к вечеру. Макс прищурился. Ничего такого не углядел, да и видно плохо — только шея заболела. Макс погладил по макушке сидящего у подножия ближнего к мосту сфинкса грифона. Всем известно, что если положить грифону руку в пасть и потрогать зуб — то сбудется загаданное желание. Да, это тоже городская легенда. Макс задумчиво потер гладкую бронзу. У него нет особых желаний — всего, чего он хотел, он добивался сам. Его нынешняя мечта — собственная квартира. Не та, что досталась после отъезда матери в далекое Забайкалье с новым мужем. Эту квартиру Макс, конечно, привел в порядок и отремонтировал в соответствии со своими понятиями о комфорте. Нет, он мечтал о стенах. Вот, что ему нужно. Голые стены. Пол. Потолок. И панорамное окно с видом на Финский залив. Все остальное Макс сделает сам. Под себя. Ведь это его работа — проектировать пространство. А здесь он совместит работу и мечту. У архитекторов — своеобразные мечты.

— Кирочка, как успехи с нашим пентхаусом?

Кира очень хотела поморщиться, но не могла себе этого позволить.

— Все так же, Влад.

Оксана, сидевшая напротив нее, поджала губы. Ах, да, имя-отчество. Но директор и практически единоличный владелец бюро недвижимости «Артемиды», где трудилась риэлтором Кира, не был сторонником официального тона. По крайней мере, в отношении Киры. Настоятельно просил называть его по имени. Правда, Кира предполагала, что такая фамильярность не имела ничего общего с тягой к демократии. Скорее, это имело отношения к планам самого Владислава Юрьевича Козикова в отношении Киры. Но пока они не слишком явно проявлялись, планы эти. Поэтому, пусть будет Владом — раз человеку так хочется.

— То есть как — так же?

— То есть — никак.

— Кира! — голос кухни зазвенел негодованием. — Ты не можешь продать эту квартиру уже год! Шикарное место, экологически чистый район, парк в двух шагах, пятнадцать минут до метро, роскошный пентхаус удачного метража с видом на Финский залив. А ты не можешь...

— Раз это такая прекрасная недвижимость — продавай сама.

— Это не моя работа, — Оксана поправила светлый локон. — Это твоя работа, ты за нее деньги получаешь. Мы тебе доверие оказали, на работу приняли...

Оксана умело объединила себя и Козикова в одно «мы». Влад поморщился, но смолчал.

— Облагодетельствовали убогую... — мягко подпела Кира. — На помойке подобрали...

— Не передергивай! Но это работу тебе дали мы, и ты должна быть благодарна...

Надоело все это!

— Оксана, дорогая моя, скажи-ка мне, у кого из риэлторов «Артемиды» самое большое количество сделок за последний год? А общая выручка? А средняя выручка? Я пашу на вас как папа Карло, и если вас что-то не устраивает...

— Ну что ты, Кирочка! — поспешил вмешаться Влад. — Девочки, не надо ссориться! Но, согласись, Кира, время экспозиции объекта не лезет ни в какие ворота.

— За столько времени не продать такую квартиру... — снова начала Оксана.

— Сама продавай! — обычно Кире удавалось игнорировать выпады сестры, но сегодня отчего-то все бесило просто ужасно. — Снимите с меня эту квартиру! Или давайте что-то думать с ценой. За эту цену ее вряд ли кто-то купит. Она же завышена раза в полтора как минимум.

— Нет, — отрезал Влад. — Цена не обсуждается. Квартира мне обошлась дорого, и продавать себе в убыток я не буду.

— На «нет» и суда нет. Извините, господа директора, мне надо работать. И ждать идиота, который купит этот чертов пентхаус за ту цену, что вы назначили.

* * *

Кира спустилась с крыльца и сразу же закурила. Оксана ее сегодня умудрилась выбесить. Давно бы уже пора привыкнуть. С самого детства.

Они семь лет прожили под одной крышей. Не так много, если вдуматься. В Кириных

годах — с восьми до пятнадцати лет. Впрочем, в Оксаниных тоже — они были ровесницы. После смерти родителей, с разницей в один месяц, сестры Раиса и Наталья, в девичестве — Быковы, оказались владелицами двухкомнатной квартиры на Выборгской стороне, в районе Сосновки. Их старший брат, Борис Быков, к тому времени окончательно перебрался в Москву, и на квартиру не претендовал. А вот сестры — очень даже претендовали, ни у Раисы, ни у Натальи не было собственного жилья. Мужей тоже не было, обе были в разводе, зато по одному ребенку наличествовало. Разменять крошечную двухкомнатную хрущевку пусть и в неплохом районе на две однокомнатные благоустроенные квартиры не на задворках мира не получилось. В лучшем варианте — квартира и комната в общежитии или коммуналке. Никто из сестер не захотел поступиться собственными интересами. Так и прожили семь лет вместе — две одиноких женщины и две девочки одного возраста. Одного возраста и совершенно разные по характеру и внешне.

Кира в детстве напоминала черта — невысокая, худая, угловатая, с черными волосами и острыми чертами лица. Прыгать в сугробы с гаражей, играть с пацанами зимой в снежки, а летом в футбол — такими были ее любимые забавы. Ну а когда забав во дворе не случалось — тогда она играла дома, с двоюродной сестрой. Игры у совсем не похожей на Киру русоволосой светлокожей Оксаны были однообразны. Она, Оксана — королева, принцесса, повелительница — в общем, главная и красивая. А Кира, непременно — служанка, камеристка (выучила новое слово после прочтения Дюма) — словом, прислуга. Кира пыталась привнести в игру элемент приключений — например, рвануть за подвесками в другую страну. Но Оксана была неумолима — Кире надлежало подавать принцессе изысканные напитки и кушанья, в роли которых обычно выступали молоко или морс, и печенье, восхищаться королевой и сочинять и приносить письма от таинственного возлюбленного.

А потом девочки выросли. И примирить их не могли уже даже игры. У Киры раньше Оксаны, намного раньше обозначилось грудь. Правда, потом справедливость для Оксаны восторжествовала — первый размер Киры, предмет зависти сестры в четырнадцать лет, так и остался первым. А вот у самой Оксаны все выросло значительно богаче. Но она все равно завидовала сестре. Длинным ногам — пожалуй, единственное достоинство, которое она признавала у Киры объективно. Способности трескать все подряд и не толстеть — самой Оксане приходилось тщательно следить за тем, сколько она ест. Легкости, с которой сестра находила общий язык с парнями — этому Оксана завидовала особенно. Этим парням в черных кожаных куртках, с наглыми прищуренными глазами и лохматыми головами, с которыми она видела Киру уже потом, когда они стали старше, и все-таки сложилось так, что Раиса и Наталья, в девичестве — Быковы, разъехались. Кириной маме дали, наконец-то, служебную квартиру. И двушку в районе Сосновки обменяли на однокомнатную с доплатой.

Смешно и, одновременно, нелепо, но эти детские обиды, зависть и непонимание никуда не делись. И когда жизнь Киры, совершив головокружительный кульбит, привела ее в «Артемиду», где Оксана значилась заместителем директора, а мнила себя еще и совладельцем — тогда вся эта детская возня в песочнице приобрела совсем иные масштабы. Оксана по-прежнему считала себя королевой. Но Кира больше не хотела изображать камеристку — даже в шутку. Какие шутки. Детство давно и как-то внезапно кончилось.

Докурила, бросила окурков в мусорный контейнер. Домой? Да, наверное, домой. Дела еще есть, но ничего срочного, что не могло бы подождать до завтра. Пиликнула сигналкой машины. Зазвонил телефон.

— Слушаю. Да. Конечно, помню. Завтра в три, как договаривались. До встречи.

* * *

Улицы города — это его вены и артерии. По которым течет поток — того, что наполняет город. Люди — в машинах, автобусах, маршрутных такси, троллейбусах и трамваях. Большой наземный круг кровообращения мегаполиса. От сердца, которое бьется в центре — на Сенатской, на Невском, на стрелке Васильевского острова, на шпиле Адмиралтейства — наружу, к спальным районам, к рабочим окраинам. *Парадиз мастерских и аркадия фабрик, рай речных пароходов.* Какой же петербуржец не читает наизусть Бродского?

Кира прибавила громкости. Сегодня в ее машине играет радио, «Серебряный дождь». Гарантированно никакой попсы. За окнами пролетают колонны при въезде на Троицкий мост, мелькают уже зажженные фонари. А потом ее всасывает в себя длинная кишка Каменноостровского проспекта. По нему пилить по пробкам до самого конца, потом налево, на Приморский. Три светофора — и Кира дома. Смотрит на часы на приборной панели. Приедет на полчаса, а то и минут сорок раньше матери. Может успеть. Мама не возражает. Мама любит слушать, как дочь играет. Но мама знает, что если Кира ни с того, ни с сего берется за дарбуку^[1] и играет в одиночестве, для себя — значит, дочери тоскливо. Зачем маму расстраивать?

* * *

Соседи, вешайтесь, подонки. Впрочем, обычно, не жаловались. Сосед сверху, алкаш дядя Толя даже просил ее иногда сыграть. Можно сказать, что у Киры есть преданный поклонник ее музыкального дара. Наскоро схватив из плетеной корзинки со стола яблоко и укусив его за румяный бок, Кира открыла шкаф и выкатила дарбуку — подарок матери, привезенный из Турции. Пристроилась на стуле, барабан зажала между колен, а яблоко между зубами. Что-нибудь попроще для начала. *Центр — правой с краю. Справа-слева-справа. И снова, сильно и низко — центр. Справа-слева-справа. Справа-слева легко.* Вытащила яблоко, отложила на стол. А теперь то же самое, но быстрее.

Ритм увлекает за собой, держит, заполняет собою все. И не остается места дурным мыслям. На какое-то время значение имеет только одно — держать ритм. Пока ты играешь на барабане, в жизни все четко и правильно. *Центр. Справа-слева-справа. Справа-слева легко. И снова сильно — центр.*

* * *

В окнах горел свет. А это значило одно из двух. Нет, если быть реалистом, это значило одно — Яночка еще не ушла. Ну не торчать же ему до позднего вечера на улице? Кофе с яблочным штруделем он уже испил. Хотелось домой. Черт возьми, это его дом!

Яночка скорбно сидела на чемодане. В прихожей стояла еще пара объемных пакетов.

— Я вызвала такси, — подбородок вздернут. — Ты же меня не повезешь?

— Я помогу отнести тебе вещи, — демонстративно бодро ответил Макс.

Тут очень удачно тренькнул ее телефон, оповещая о прибытии такси. В лифте спускались молча. Заговорила Яночка только возле машины.

— Что, ничего не скажешь на прощание?

— Ключи отдай, пожалуйста.

— Это все? — она с размаху шлепнула связкой ключей о его ладонь.

— Желаю счастья в личной жизни, — все тем же демонстративно бодрым тоном отрапортовал Макс, убирая ключи в карман куртки. — И сбывчи мечт.

— Скотина!

Эта фраза ответа не требовала, и поэтому Макс просто улыбнулся — как мог широко и жизнерадостно. Как тебе будет угодно, дорогая Яночка. Только свали из моей жизни.

Объект третий. Инженерный замок

Наш телефон 223 322 223 322.

— Хочешь, порадую? — Константин отвратительно деловит.

— Попробуй, — кисло усмехнулся Макс. Отчего-то вся эта история с Яной, их расставание, дурно сказались на его настроении. Нет, он не жалел о сделанном. Но отсутствие утром горячего завтрака и минета оказалось вдруг не самой лучшей переменной в жизни. Все-таки в совместном проживании с Яночкой были свои плюсы. Вкусная еда и регулярный секс, причем и то, и другое объективно весьма разнообразно. А теперь надо вспоминать кулинарные азы. А заодно навыки съема девиц в клубах и барах. Как-то быстро он расслабился и потерял форму — всего каких-то полгода совместного проживания с постоянной девушкой.

— Мне кажется, я случайно нашел идеальный вариант для тебя.

— Излагай.

— Излагаю.

* * *

— Кирочка, я сделал за тебя твою работу! — Влад сладко улыбнулся.

— Похвально, Владислав Юрьевич. Выпишите себе премию.

Улыбка сползла с лица директора «Артемиды». Поджал губы, но игривый тон отставил, продолжил сухо и деловито.

— Я нашел перспективного покупателя на пентхаус в «Суоменлахти».

— Отлично.

— Он ждет тебя в четыре на месте.

Кира метнула взгляда на часы на стене директорского кабинета.

— Это через полчаса!

— Тогда почему ты еще здесь?

* * *

Кира опаздывала уже на двенадцать минут. Всю дорогу проклинала Влада, пролетала перекрестки на желтый, грубо подрезала и показывала средний палец в окно. Терпеть не могла опаздывать на встречи с клиентами и потом извиняться. Она вообще привыкла все делать качественно.

Не исключено, что покупатель вообще уже уехал. А у нее не хватило ума... точнее, просто не успела — взять у Влада его телефон. Однако стоящая на парковке перед домом одинокая мужская фигура с засунутыми в карманы короткого пальто руками уверила в обратном. Скорее всего, он. Значит, дождался. Придется извиняться за опоздание. Пятнадцать минут — никуда не годится.

На стоянку Кира влетела с визгом шин — надо же продемонстрировать, как она

торопилась на встречу. Мужчина обернулся на звук подъехавшего автомобиля, проводил взглядом, пока Кира парковалась. И, когда она вышла из машины, он уже был рядом.

Вот это сюрприз.

Темно-серое короткое пальто, почти в тон — костюм. Рубашка голубая, не розовая. На ногах вместо кед — приличные черные туфли, которые выглядят так, будто их владелец по земле не ходит, а парит, не касаясь грязного мокрого асфальта с фракциями недавно завершённой стройки. Волосы аккуратно причесаны, а не встрепаны ветром, как в их предыдущую встречу. В свете тусклого дня на носу и скулах у него едва, но все же заметны несколько бледных веснушек. А глаза зеленые, как она и запомнила.

— Здорова, Малыш.

— Привет, Карлсон.

На этом диалог застопорился. Они стояли и рассматривали друг друга. Кира некстати подумала о том, что на голове у нее, наверное, воронье гнездо — спасибо Владу, времени на «посмотреть в зеркало» у нее не было, разве что — в зеркала заднего вида, но не для того, чтобы поправить причёску или макияж.

— Не ожидал, — нарушил молчание Макс, качнув головой. — Отчего же вы денег не дождались, Кира Артуровна?

— Отпущенные вам два с половиной часа истекали, Максимилиан Валерианович. Я беспокоилась за вашу безопасность. Раиса Андреевна такими вещами, как автоматчики в бронежилетах, не шутит. Вынуждена была торопиться.

— Польщен.

Снова повисла пауза — неловкая.

— Ну что, пойдём смотреть квартиру?

— Пойдем.

На ней брючный костюм, вполне строгий, под ним бадлон, пальто до колен, с поясом в талию, папка с документами в руках. Такая типичная дама-риэлтор — только причёска слегка растрепана, а глаза тревожные. Но Макс почему-то все равно видит девицу в несуразной шапке, синих джинсах и черном пуховом жилете на клетчатую рубашку. Словно два разных человека. И, в то же время — один.

— Лифт работает, — хмыкнула Кира, вдавливая кнопку. — Ты везучий.

— Неужели бы пошла пешком? На двадцать четвёртый этаж?

— Мне не привыкать, — пожали плечами Кира. — Прошу, — двери лифта разъехались.

— Только после вас.

* * *

Ей хватило пяти минут, чтобы понять — он ее не слушает. Нет, хуже. Он сам может ей все рассказать про эту квартиру. Вот еще только немного побродит из угла в угол, безошибочно находя все косяки жилплощади, о которых она так старательно умалчивала при показах, фокусируя внимание на достоинствах квартиры — реальных и мнимых. А господин Малыш, словно рентген — точно увидел все проколы архитекторов и строителей.

— Козиков обнаглел, — Макс подошел к стоящей у панорамного окна Кире. — Это вот за ЭТО он просит ТАКУЮ цену?

— А что тебя не устраивает? — надо же что-то было сказать в ответ.

Макс посмотрел на нее задумчиво, потом усмехнулся.

— Что не устраивает? По пунктам, — поднял левую руку, загнул большой палец, — Во-первых...

На «в-третьих» Кира скисла окончательно, а на «в-седьмых» поняла, что не все знает о жилплощади, которую продает уже год. Чертов архитектор! Офигенно перспективный клиент, блин.

— Все, достаточно, — на «в-десятых» Кире надоело. — Убедил.

— В чем?

— Во всем, — вздохнула Кира.

— То есть, ты признаешь, что цена завышена?

— Вот вопрос цены лучше обсуждать с Владом, — торопливо ответила Кира. — То есть, с Владиславом Юрьевичем. Ты же знаком с ним, я правильно поняла?

— Так, пересекались пару раз, кажется. А ты чего напряглась-то, Карлсон?

— Я не напряглась.

— Напряглась, напряглась. Не переживай. Если буду говорить с твоим шефом за цену — ничему ему не скажу.

— Что ты ему не скажешь? — Кира прищурилась.

— Что мы с тобой знакомы были до сегодняшней встречи.

— Тоже мне, криминал.

— И что ты не поливала меня сиропом и не облизывала — лишь бы мне понравилась квартира.

— Она тебе и так понравилась.

Макс широко улыбнулся.

— Верно. Мне цена не нравится.

— Все вопросы — к Козикову!

— Я подумаю. И, может быть, даже задам. Слушай, — Макс поправил воротничок рубашки, — а у тебя сегодня еще встречи запланированы? Показы квартир?

— Неа. Но иногда оно случается внезапно и незапланированно. Даже чаще всего.

— Понимаю. И все же предложу. Давай поедем, поужинаем где-нибудь?

Темные брови сдвинулись, между ними залегла морщина.

— Поужинаем? Мы с тобой?

— Угу. Я хотел бы еще кое-что прояснить по поводу квартиры.

— Это можно сделать здесь.

— А можно и не здесь. У меня рабочий день закончился. У тебя, условно — тоже. Нам есть что обсудить. А еще я должен тебе денег, и хочу угостить тебя ужином. Тебе мало аргументов, Карлсон?

— Эх... — вздохнула Кира. И, неумело подражая голосу Василия Ливанова: — В вашем доме научишься есть всякую дрянь. Поехали.

* * *

Салон собственной машины вернул уверенность, которую ощутимо подкосила личность «перспективного клиента». Бывают же в жизни совпадения. А ведь Кира была уверена, что больше они не увидятся. Именно поэтому и уехала, кстати. Это было какое-то странное

предчувствие, сиюминутный порыв — что им не стоит больше видеться. Что вот так исчезнуть из жизни друг друга — это правильно. А оказалось, что нет. Неправильно. Наверное.

МАльш на своем чистеньком «вольво» впереди — такое ощущение, что машина передвигается от автомойки до автомойки — ехал очень аккуратно, дисциплинированно показывая все поворотники и соблюдая скоростной режим. Она даже не спросила, куда они едут. А если бы знала — сейчас бы обогнала его зализанную блестящую бежевую «вольву», обдав грязью, чтоб неповадно было — и умчалась бы вперед. Хотя — нет. Нельзя так. Это не тот Макс, которого она подобрала на заправке, и над которым могла себе позволить прикалываться в дороге. Потому что моя машина — мои правила. Нет, теперь это «перспективный клиент». А клиент, как известно, всегда прав. И поэтому она едет с ним в ресторан. Именно поэтому он ее туда пригласил, собственно. Чтобы расставить правильные приоритеты в их отношениях и свести на «нет» обстоятельства знакомства. Ему непременно нужно показать, что теперь хозяин положения — он. МалЫшу нужно утвердиться в собственной мужественности — он не подобранный на трассе подкидыш, а вполне успешный мужчина на собственной машине, который ведет женщину в ресторан. Кто девочку платит, тот ее и танцует. Господи, мужики все одинаковые.

Машина впереди притормозила на светофоре, и Кира из вредности подъехала почти вплотную, бампер в бампер. Сквозь заднее стекло «Вольво» было видно, как Макс помахал ей рукой. Еще и улыбается, наверное, самодовольно. Кира показала язык — все равно он не видит. И прибавила громкости магнитолы.

* * *

МАльш привез ее в «Борисовский». Кира не раз слышала про этот ресторан от Влада — он регулярно там встречался с партнерами или просто ужинал. Негласное место встреч архитектурно-строительной элиты Питера на набережной Фонтанки, напротив укутанного в зеленых мох реставрационных лесов Михайловского замка. Ну, хоть посмотрит — что это за легендарный «Борисовский» или, как его называли сокращенно — «Бориска».

Час еще довольно ранний — только начало шестого. И посетителей было немного. Поэтому, как их встретили и проводили, Кира поняла, что Макс тут — частый гость. Диалог из серии «Вам, как всегда? А что порекомендуете? А что-то-там сегодня исключительное» только подтвердил это. Господин МАльш изо всех сил распушал хвост. Ну и ладно. Клиент всегда прав.

— Не опасаясь за мой выбор? — Макс отложил меню. — Может, стоило самой?

— Доверяю твоему вкусу, — пусть получает удовольствие по полной программе.

— Чем успел заслужить такое доверие?

— Ты на заправке выбрал мою машину. По-моему, это говорит о многом.

Макс рассмеялся, одновременно расправляясь с салфеткой.

— Железный аргумент. Спорить не буду. Знаешь, — он откинулся на спинку стула. — Я бы ни за что не подумал, что ты — риэлтор.

Кира хотела припомнить ему, что он при первой встрече тоже не походил на успешного архитектора, но вовремя прикусила язык. Клиент. Клиент. Помни, Кира, это клиент.

— Я очень хороший риэлтор! И на кого я похожа, если не на риэлтора?

— Нет, сейчас-то как раз очень похожа. А вот тогда... — он демонстративно ее разглядывал, и у Киры появилось безотчетное желание поправить прическу. Ворот бадлона. Или еще что-нибудь. — Я бы подумал, что ты... автомеханик. Крановщица. Наемный убийца.

— Не забывай, что из нас двоих маньяк — ты!

Макс снова рассмеялся. У него приятный смех, а еще он постоянно ее подначивает. Специально? Зачем? У них новые роли, и они теперь уже не те люди, что ехали две недели назад в одной машине по Московской трассе.

— Неужели бывают крановщицы? — Кира попыталась вернуть разговор в нейтральное русло, пока официант расставлял на столе тарелки с заказанными салатами. — Я думала, что это чисто мужская профессия.

— Отнюдь, — МАлыш отправил в рот первую порцию травы, по недоразумению называемой салатом, деликатно похрустел. — Большинство работающих на строительных кранах — женщины.

— Почему?

— Причин, я думаю, несколько, — он пожал плечами. — Работа физически не очень тяжелая. Не слишком высоко оплачиваемая. И не забывай о главном биче строек.

— Это о каком?

— Пьянство, — неожиданно серьезно ответил Макс. — Крановщицы не пьют. Как правило. Поэтому на эту работу женщин с удовольствием берут. Знаешь, есть такой анекдот. Крановщица шестого разряда Евдокия Кузнецова забрала ребенка из детского сада, не выходя с рабочего места.

Кира рассмеялась.

— Я смотрю, ты не все анекдоты мне рассказал в прошлый раз.

— Не успел. Ты слишком быстро ехала.

Может, он хотел ее упрекнуть. Но Кира это восприняла как комплимент.

— Не думала, что архитекторы настолько в курсе того, что творится на стройках, — Кира повозила вилкой по тарелке. Есть траву с вкраплениями каких-то микроскопических сухариков, редиса и чего-то фиолетового совершенно не хотелось, несмотря на голод. Хотелось мяса. А вот МАлыш траву трескал как заправский пони.

— Странная мысль. Я, между прочим, не просто архитектор. Последние два года отпахал как ГАП^[2], отвечал головой и жо... в общем, всеми частями тела и за все. Так что на стройках бывали-с. Неоднократно.

— Гап-гап, ура! — Кира отсалютовала бокалом с минеральной водой. — А как называется твоя фирма?

В принципе, об это можно узнать и от Влада, но надо же о чем-то говорить? А мужчины очень любят разговоры о себе, любимых.

На стол легла темно-синяя визитка со стилизованной крышей. Кира прочитала название и не выдержала — рассмеялась. *Архитектурно-строительное бюро «Малыш и К» — рисуем ваши крыши, стены, пол и потолок.*

— Кто такой МАлыш — ясно. А кто же этот загадочный «К»?

— «К» — значит «Костя». Константин Драгин, мой партнер по бизнесу. Бюро принадлежит нам пятьдесят на пятьдесят. Это он меня, кстати, на Козикова вывел. Он его хорошо знает.

— Угу, — Кира отвлеклась на принесенное горячее. Наконец-то, еда! Куриные рулетики

с грибами. Ты рассказывай, рассказывай. Все очень интересно. И вкусно. Угу.

— А ты где на риэлтора училась?

Вот зачем ты вопросы задаешь, а? Рассказывал бы и рассказывал о себе драгоценном. А я бы поддакивала и ела. Кира дожевала кусочек нереально вкусного рулета — теперь понятно, почему тут Влад часто бывает: кухня просто отличная.

— Специально на риэлторов нигде не учат — в ВУЗах точно. Крупные агентства сами себе персонал обучают. А вообще, это Дар Божий — впаривать фигню.

Он снова засмеялся. Ну просто Весельчак У!

— А какое у тебя образование?

И с чего это мы устроили допрос?

— Сомневаешься в моем профессионализме?

— Нисколько, — Макс аккуратно промокнул губы. — Просто интересно. Технар? Гуманитарий?

— Три класса церковно-приходской школы.

— Ну а если серьезно?

О, так мы серьезно? Вот с такой улыбочкой?

— Кира... Тебе трудно сказать? Что за секретность?

— Вот-вот. Разведшкола ГРУ. Как научили.

МАлыш закатил глаза.

— В конце концов, я могу спросить у Козикова.

И то правда. В личном деле все указано.

— Обещай, что не будешь смеяться, — отчего-то потребовала Кира.

— Как это не буду? — Макс сложил руки на груди. — Обязательно буду. Но не очень громко — мы все-таки в приличном заведении.

— Нет у меня высшего образования. Среднее специальное, — Кира вздохнула и замолчала.

— Ты меня пугаешь, — МАлыш уже откровенно веселился. — Цирковое училище? Кулинарный техникум?

Кира свирепо выдохнула. И прошипела сквозь зубы:

— Техникум библиотечных и информационных технологий, — и после паузы добавила: — Специальность «Библиотечное дело».

Свинский МАлыш не засмеялся. Заржал — словно забыл свое обещание про приличное место.

— Библиотекарша! Сюрприз на сюрпризе.

А у нее на тарелке, между прочим, еще половинка рулета осталась. А ты можешь смеяться сколько угодно. Клиент всегда прав.

Киру спас звонок телефона. Причем не ее — Макса. Вот где, когда надо, эти чертовы клиенты и прочие демоны, которые имеют обыкновение звонить ей в самые неподходящие моменты? Сейчас как вымерли все. А было бы кстати.

МАлыш посмотрел на экран, поморщился и сбросил звонок. Впрочем, трель тут же повторилась. Макс сбросил его и во второй раз. После третьего ругнулся вполголоса.

— Да возьми ты трубку, — от всей души посоветовала Кира.

Короткое резкое — даже не «Да?», а раздраженное «Ну?!» — удивило. Это с кем это весь из себя такой благовоспитанный архитектор разговаривает?

— Нет, не дома. Буду поздно. Дела у меня, дела! Слушай! — он раздраженно взъерошил

волосы. — Ты за три раза не могла забрать все вещи?! Хорошо, — вздохнул. — Я понял. После девяти буду дома. Если тебе не поздно — приезжай.

Телефон он на стол бросил раздраженно — не сдержался.

— Если у тебя дела... — начала Кира проникновенно. — Я все понимаю.

— Ничего важного, — буркнул Макс.

Но разговор как-то расклеился. Они обсудили еще несколько технических моментов по квартире и распрощались, по-деловому пожав друг другу руки. А потом каждый сел в свою машину и поехал своей дорогой.

* * *

Яночка явилась в пять минут десятого — трогательная пунктуальность. Словно ждала под дверью. Макс приглашающе махнул в сторону спальни. Что там она еще забыла забрать? Какие-то рамки с фотографиями? «Счастливый» лифчик? Ему плевать. Быстрее бы.

— Чаем угостишь? — Яночка показалась в дверях кухни, где Макс устроился с планшетом.

Мелочность — это некрасиво.

— Тебе какой? — Макс вздохнул. — Черный, зеленый?

— Ты успел забыть, что я люблю зеленый с жасмином? Наверное, выкинул уже?

Самое благоразумное — промолчать. Ну так нет же!

— Отчего же? — чайник недавно кипел, Макс залил горячей водой пакетик в кружке. — Я не терял надежды, что ты заглянешь как-нибудь. На чашку чаю.

— Где ты был?

Он устал. Умнее всего — молчать или отделяться нейтральными репликами. И еще многозначительно поглядывать на часы. Но благоразумие куда-то делось.

— Ужинал.

— Где?

— В «Бориске».

— Один?

Ответы и вопросы следовали быстро. Не к добру. Ох, не к добру. Благоразумие сделало ручкой окончательно.

— Ее зовут Кира.

— Быстро же ты... — медленно протянула Яночка. Чай так и оставался нетронутым. Макс вдруг весь этот спектакль опротивел резко. Поднялся с места.

— Слушай, Ян, поздно уже. Я устал жутко, день суматошный. А Кира — это риэлтор, и у нас был деловой ужин.

Дальнейшее его не удивило. Ни то, что Яночка подошла, ни то, что обняла и прижалась. Ни ее поцелуй в шею, ни рука в волосах. Удивила собственная реакция. Точнее, эрекция. Ударило в паху, в застёжку узких джинсов, сильно и даже болезненно. Зашибись. Всего две недели без секса — и он готов послать к черту все свои решения относительно места Яночки в его жизни, и спустить в унитаз все достигнутые успехи по изгнанию скорбного призрака отвергнутой девы из собственной квартиры. А она ведь точно знает — как ему нравится. И, судя по довольному вздоху — почувствовала. Не успел перехватить ее руку — и все стало еще хуже. Или лучше? Сейчас завалиться с ней в постель — отличное средство сбросить

нервное напряжение этого дня. Позволить себе — хочется же. И ей позволить... продолжить делать вот так...

Резко шагнул назад.

— На каком языке тебе сказать «нет», чтобы ты поняла? Нашла, что забыла? Тогда давай прощаться.

Она смотрела на него пристально, исподлобья.

— Знаешь... вот мы столько времени знакомы. А оказывается, я тебя совсем не знаю. Не предполагала, что ты такой жестокий.

— Яна... — Макс не смог сдержать вздоха. — Давай без мелодрам, а? Мы же разошлись. По-хорошему. Все. Правда — все.

— По-хорошему? — тут она всхлипнула. — Это ты называешь — по-хорошему? Выкинул меня как вещь! Что я скажу подругам?!

Охренительный аргумент. Наверное, по-хорошему действительно не получится.

— Скажи спасибо, что я не забрал подаренный тебе айфон. Планшет. Колечко. Сережки. Что там еще было...

— Ты еще и жадный!

— Был бы жадный — забрал бы, — ровно, на остатках терпения, ответил Макс. — А я тебе прямо говорю — забирай. Все, что считаешь своим. Только уйди. Пожалуйста.

Спустя минуту входная дверь оглушительно хлопнула. Прекрасно. Просто прекрасно. Со стояком теперь что делать?

* * *

— Кира, тебе суп греть?

— Нет, мам, спасибо, я поела.

— Где это ты поела?

— У меня был деловой ужин в ресторане.

— Он симпатичный?

Кира рассмеялась. Такие вопросы — ритуал.

— Очень. Очень симпатичный и уютный ресторан. И кухня отличная. Такие рулеты куриные — пальчики оближешь.

— Как его зовут? — Раису Андреевну не так-то просто сбить со следа — профессионал.

— Бориска.

— Бориска — это Борис?

— Это название ресторана. «Борисовский». А была я там... — и Кира неожиданно решила сказать правду. — С Максимилианом.

На память капитан Биктагирова никогда не жаловалась.

— Значит, вы все-таки обменялись телефонами с тем симпатичным молодым человеком... Он архитектор, кажется?

— Он совершенно точно архитектор. И он покупает у нас квартиру. Наверное. Так что наша встреча носит случайный характер.

— Один раз — случайность, два раза — совпадение, три раза — закономерность, — уверенно ответила Раиса Андреевна. А потом взяла дочь за руку. — Кирюша, что у тебя с маникюром? Нужно срочно исправить. Безобразие!

— Мама!

— И к парикмахеру надо — прическу освежить.

Кира закатила глаза.

— Мама!

— Отставить «мамкать»! Завтра запишу тебя к Настеньке. Весна на дворе, моя девочка должна быть красивой! И, знаешь, я вчера видела такой замечательный сиреневый шарфик...

У товарища капитана не забалуешь. Сказала, сиреневый шарфик — значит, сиреневый шарфик.

Объект четвертый: Петроградка

*Ну нет, это я не ем — один пирог и восемь свечей.
Лучше так — восемь пирогов и одна свечка!*

— Кирочка, как прошел показ?

— Нормально, — Кира облизала ложечку, которой размешивала кофе. Если начальство хочет ее допрашивать до инъекции кофеина — это проблемы начальства, а не ее.

— МАлышу понравилась квартира?

— Да.

— Как думаешь, Кирочка — купит?

— Думаю, нет.

— Почему?! — такое ощущение, что этот чертов пентхаус мешает Оксане лично.

— Потому что дорого, — преувеличенно размеренно ответила Кира, параллельно шурша фантиком от конфеты. Да-да, дорогая сестричка. Мне можно, а ты, как обычно, на диете.

— Ты все ему показала и рассказала, как положено?

— Естественно. Только что стриптиз не станцевала.

— Так надо было станцевать. Может быть, это бы помогло, — фыркнула Оксана. — Хотя... сомневаюсь. Было бы на что смотреть.

— Девочки, а ну прекратите! — поморщился Козиков.

— Если мне повысят процент комиссионных — то хоть стриптиз, хоть цыганочку с выходом. Любой каприз за ваши деньги, — невозмутимо ответила Кира. Период усталости и слабости прошел, и она снова готова огрызаться и ставить дорогую и любимую Оксаночку на место.

* * *

— Неужели она настолько хороша? — Костя крутанул за спинку кресло, разворачивая Макса лицом к себе.

— Она идеальна, — картинно закатил глаза МАлыш. Цокнул языком. — Совершенна. Мечта.

— За чем дело стало? Бери, пока свободна.

— Деньги, — Макс закинул ноги на угол стола. Рабочий день закончился и можно позволить себе потрындеть с Костяном за жизнь. — Все, как обычно, упирается в деньги.

— Не прикидывайся бедненьким-несчастненьким Буратино, — Костя отодвинул жалюзи и распахнул окно. В кабинет ворвался шум машин и апрельский вечерний ветер Петроградской стороны. — Продашь квартиру. Тряхнешь кубышку. Возьмешь ипотеку, в конце концов.

— Да это все как раз понятно, — поморщился Макс. — Но цену твой Козиков заломил совершенно неприличную.

— А что сказала риэлторша, которая показывала тебе квартиру?

— Она посылает к Козикову.

— Значит, надо торговаться, — Костя скинул ноги Макса со стола и сам уселся на угол. — Помочь тебе, интеллигенция недобитая?

— Я бы и сам попробовал, — Макс усмехнулся. — Но у тебя получится лучше.

— Конечно! — самодовольно подтвердил Драгин. — Я же — мозг. А ты — штангенциркуль.

Макс хмыкнул, но спорить не стал.

— А что я с этого буду иметь? — Костя перегнулся, вытянул лист бумаги из пачки и принялся что-то чиркать. Очередной заяц, как пить дать.

— Ну... — Макс прищурил один глаз. — Хочешь, я подарю тебе Яночку?

— На тебе, Боже, что нам негоже, — хохотнул Драгин. Развернул лист к другу. — Красиво?

— Пикассо бы удавился с зависти.

— Вот и я так думаю, — удовлетворенно кивнул Костя. — Ладно, завтра наберу Влада и пощупаю его на предмет алчности.

* * *

— Кира, я хочу с тобой поговорить.

— Слушаю, — Кира демонстративно не отрывалась от крайне увлекательного экселевского файла с аналитикой по ценам на пентхаусы в новостройках.

— Пойдем на улицу. Покурим. Поговорим.

Оксане все-таки удалось отвлечь Киру от ноутбука.

— Покуриить? — Кира откинулась на стуле. — Ты, что ли, тоже будешь?

— Ну да, — странно было видеть сестру какой-то... неуверенной. Она это прятала, но Кира видела — слишком хорошо и давно знала Оксану.

— А как же плохой цвет лица, желтые зубы и общая неэстетичность курящей женщины?

— Иногда можно.

Кира насторожилась. И забеспокоилась.

— Ксюш, — назвала сестру как в детстве. — Что-то случилось? С тетей Наташей? С Вадиком? — особо нежной любви ни к манерной тетке, ни к избалованному до безобразия племяннику Кира не испытала, но все равно это — семья. Родственники. — Что такое?

— Да ничего! — слегка раздраженно ответила Оксана. — Все в порядке. Поговорить надо. Ну, пошли?

— Пошли, — со вздохом согласилась Кира.

* * *

В компании заместителя директора можно курить и у крыльца — к мусорным бакам ее величество не пойдет. Кира затянулась и прищурилась на редкого гостя — яркое апрельское солнце. Погода шепчет, однако.

— Ну, говори.

Оксана выдохнула какой-то сладкий фруктовый дым. Персик, что ли? Ароматизированные сигареты вызвали у Киры стойкое состояние когнитивного диссонанса.

— Кир... А что ты думаешь о Владе?

— Я о нем не думаю. Он же не бином Ньютона, чтобы о нем думать. Нормальный начальник. Денег мог бы платить больше, — Кира пожала плечами. Такого предмета разговора она не ожидала.

— Но... Ты же не можешь не замечать... что он на тебя неровно дышит?

Это вот этот объект вызывает у ее самовлюбленной сестрицы такое смущение и неловкость? Кира чуть слышно фыркнула.

— Ну и пусть себе дышит. Я же не могу ему запретить дышать — хоть нервно, хоть ровно.

— А ты сама... как к нему?

— Индифферентно.

— Как?!

— Оксан, — Кира почесала рукой без сигареты кончик носа. — Что-то я тебя не пойму. Тебя и твои наводящие вопросы. Влад — мой начальник. У него жена и двое детей. Как я могу к нему относиться?

— То есть, как мужчина он тебя не привлекает?

Вот это внезапный вопрос. Кира уставилась на сестру. А ну-ка, откуда и куда ветер дует? Сигарета начал жечь пальцы, и она выбросила ее в урну.

— У него сиськи больше, чем у меня. Это весьма унижительно.

— Кира, ты можешь говорить серьезно?!

— Какого черта, Оксана? С чего он должен меня привлекать как мужчина?

— Ты ему очень нравишься! — сестра словно защищалась.

— Я и сама это вижу — не слепая. Если ты таким несвойственным тебе деликатным образом пыталась меня предупредить о возможных поползновениях в мой адрес — спасибо, конечно. Но я взрослая девочка, и сама все прекрасно понимаю. Пока он держится в рамках приличия. Надеюсь, так будет продолжаться и дальше. Все, вопрос исчерпан?

Оксана отправила свою сигарету вслед за Кириной и кивнула. Но у Киры осталось ощущение, что до сути разговора они так и не добрались.

* * *

— Кира, кофе нам принеси.

Вот это новости. А Кира гадала, чего Оксана вертится в «людской» — посреди опенспейса. А оно вон что. Важного клиента встречает самолично Оксана Сергеевна. А теперь, прихватив под локоток высокого темноволосого типа, чем-то отдаленно напоминавшего Буратино, снисходительно бросила фразу про кофе, увлекая типа в сторону кабинета Влада. Кофе, значит? Собственно, для этого есть Лерунчик, но сейчас ее нет, убежала с каким-то поручением — вот как бы не сама ее величество Оксана Сергеевна офис-менеджера и услала. Ну, кофе — так кофе. Смотрите, не подавитесь.

На Кире в кои-то веки юбка. Так, пояс подвернуть, чтобы ноги во всей красе показать. Балетки на ногах — это, конечно, совсем не в тему. А, вон, Леркины туфли под столом. Правда, влезла в них Кира с трудом, но ей же не марафон в них бежать. Пуговицы на блузке — раз, два, три. Нет, три — это уже порнография. Ах, да, и кофе.

Из-за двери кабинета слышался Оксанин смех. Кира стукнула для порядка и без паузы

нажала на ручку.

Влад поперхнулся на полуслове. Темноволосый с притаившейся в углу рта кривой усмешкой одарил ее восхищенным взглядом. Глаза Оксаны прожигали стену за спиной Киры. А она безмятежно расставила чашки и удалилась — походка свободная, от бедра, пластика пантеры перед прыжком. Лишь бы эта «пантера» не навернулась на десятисантиметровых шпильках. На пороге не выдержала — обернулась. Подмигнула улыбчивому. И, дождавшись, когда тот подмигнет в ответ, закрыла за собой дверь.

Чтобы там, за дверью, не сильно, но чувствительно огреть себя по лбу подносом. Взрослеть пора, Кира Артуровна. Пора взрослеть. Вернув на место Леркино имущество Кира почла за лучшее слинять из офиса. Ну а вдруг ей клиент позвонил? Потому что мало ли как этот товарищ с кривой улыбкой воспримет ее подмигивания. А ну как примет все за чистую монету? Нет-нет, от греха подальше лучше съездить в пару мест, все равно надо.

* * *

— Ну что, Максимчик, пощупал я твоего Козикова.

— А? — Макс оторвался от монитора. — Чего?

— Господи, шановный... Ты, когда из своих архитектурных дебрей вылезает, я тебя боюсь. Взгляд безумный, волосы торчком, — Костя растянулся на кожаном диване. — Говорю, был в «Артемиде», у Влада Козикова.

— Ну?

— Что ты «нукаешь»? — привычно огрызнулся Драгин. — В общем, Влад спит и видит, как бы продать эту квартиру. Она у него уже больше года продается.

— А по цене не скажешь.

— Да он дурака сам сваял — купил задорого. Теперь себе в убыток продавать не хочет.

— Ну да, — хмыкнул Макс. — Пусть лучше деньги заморожены будут в этой квартире. И год, и два. А деньги, — тут Макс поднял палец, — должны работать.

— Боже! — валяющийся на диване Костя прижал лапки к груди. — Что я слышу? Мое облагораживающее влияние наконец-то дает себя знать!

— В сухом остатке что? — Макс проигнорировал кривляния товарища.

— В сухом остатке, — Драгин резко принял вертикальное положение. — Мне нужна цена. Которую ты готов заплатить за эту квартиру. И я начну планомерную осаду Козикова.

— Хорошо, — кивнул Макс. — Я завтра с Пармоном съезжу еще раз на квартиру. Пусть он своим профессиональным взглядом оценит объем работ по исправлению всех косяков. Пол там жуткий, раствор десятками мешков уйдет. Да и все остальное... В общем, Федор мне точную картину скажет — и я тогда буду готов назвать цену. С учетом того, сколько мне еще придется вложить в квартиру. Лады?

— Лады. Должен мне будешь.

— Чего изволите? Хочешь, Яночку тебе подарю?

— Я смотрю, ты ее все забыть никак не можешь, — хохотнул Константин. — Яночка то, Яночка се.

— Вот она бы враз отучила тебя от клетчатых рубашек под костюм!

— Да что б ты понимал! — Костя подошел к зеркалу, поправил воротничок рубашки. — В нашем фирменном одесском стиле! Кроме того, я же не в банк ездил, не в мэрию. К Владу

можно хоть в джинсах. Так даже лучше — по сиротски. Чтобы цену сбить.

— Одессит, ты когда был в последний раз в Одессе? Лет двадцать назад?

— Неважно! Зато папу моего знала вся и Молдаванка, и Пересыпь! И вообще, не переводите разговор! Я тебе говорил о том, что ты мне должен. И ты пойдешь со мной в пятницу в «Барракуду». Яночку надо изгонять из головы. Клин клином. Тебе требуется радикальный экзорцизм.

— Пошли лучше на хоккей? В субботу «СКА» с «АК БАРСом» играют.

— Так! Слушай умного дядю Костю! Дядя Костя лучше знает. В пятницу в клуб, в субботу на хоккей.

— Давай только на хоккей?

— Угу. И в тренажерку. Руки-то качать надо — чтобы столько др*чить.

— Чего ты ко мне прицепился?!

— А то, свет очей моих Максик, — Костя сел рядом и приобнял друга за плечи. — Что хватит уже киснуть. Знаешь, что? В жизни каждого мужчины встречаются роковые мгновения... — продолжил Драгин проникновенно, рукой проводя в сторону — когда он беспощадно рвёт со своим прошлым, и в то же время трепещущей рукой сбрасывает таинственный покров будущего...

— Чего?

— Ты сегодня очаровательно тупишь! — Костя слегка хлопнул Макса по затылку и встал. — Это из любимой кинофильмы моей маман. Я, благодаря ей, это кино наизусть выучил. В общем, в пятницу идем в «Барракуду», и это не обсуждается.

— Только если ты не будешь в клетчатой рубашке.

— Вот какой ты занудный, а... — Костя снова залюбовался своим отражением. — Меня девушки любого любят. Твоя риэлторша мне сегодня так улыбалась, так улыбалась...

— Чего?

— Ты сегодня еще и поразительно однообразен в репликах. Вряд ли у Козикова в офисе есть две Киры. Значит, это она. Ноги у нее о-фи-ген-ны-е.

* * *

— Карлсончик, привет.

Она поперхнулась кофе, и свежераспечатанный договор купли-продажи оказался украшенным креативным скоплением коричневых пятнышек. Вот и предреченный матушкой третий раз.

— И вам... гхм... не кашлять... пан МАльш.

— Вы как сговорились с Костей, — вздохнул в трубке Макс. — Тот меня тоже вечно «шановным паном» величает.

— Уже заочно симпатизирую господину Драгину.

— Отчего же заочно? — хмыкнул Макс. — У вас, по-моему, симпатия очная и взаимная.

— Не поняла, — Кира потеряла пятно от кофе на рукаве рубашки.

— Константин у вас в «Артемиде» был вчера. Утверждает, что произвел на тебя неизгладимое впечатление.

Она нахмурилась. А потом картинка вдруг сложилась. И у Киры появилось странное

ощущение, что она сейчас покраснеет.

— А, так это был тот самый «К», — протянула как можно небрежнее. — Он не представился. Передай Константину привет.

— Обойдется. Слушай, я хочу еще раз посмотреть квартиру.

— Не вопрос. Давай. Когда тебе удобно?

— Сегодня получится?

Кира пошуршала ежедневником.

— Не. Я через час выдвигаюсь в город. И до самого вечера все плотно. Завтра давай?

— Завтра плотно у меня. Если только с утра.

— Конечно. Давай. Во сколько?

— В девять тебе не рано?

— Нет, отлично. Встречаемся в девять на месте.

— Карлсон, ты подозрительно милый и сговорчивый. В чем причина? — ей даже по голосу кажется, что он там улыбается.

— Карлсон вообще очень милый, — Кира допила остатки кофе. — До завтра?

— До завтра.

— Не забудь передать привет Константину.

Он едва слышно фыркнул перед тем, как повесить трубку.

* * *

Она выехала заранее — чтобы не опоздать. И с утра, пока не начался сумасшедший день успешного риэлтора, у нее еще вполне приличный вид — волосы лежат, макияж свежий. Это к концу дня она похожа на пугало огородное. И собственное отражение в зеркале, при выходе из квартиры, доставило удовольствие. Кира тряхнула головой, поправила сиреневый шарф — он действительно ей шел. К чему бы это проснувшееся стремление к самолюбванию?

Да плевать. Весна. Просыпаются все самые страшные звери, включая медведей и женское тщеславие.

* * *

Несмотря на то, что она приехала за десять минут до назначенного времени, Макс уже был на месте. И не один.

— Привет, красотуля. Заждались мы тебя уже.

Кира оторопело уставилась на спутника МАлыша. Треники, кожаная куртка, кепка, барсетка. Не хватало только пакета с семечками.

— Максим, кто это? — Кира была настолько ошарашена обликом приехавшего с Максом человека, что позабыла о нормах приличия. МАлыш рядом был серьезен и благоденствен. Лишь в зеленых глазах притаилась усмешка.

— Парамонов я, — слегка обиженно протянул тип в трениках таким тоном, будто это объясняло все. — Ну че, мы идем? Валерьяныч, меня там народ ждет...

— Пойдем, — кивнул Макс. — Кира, это Федор Парамонов, бригадир отделочников.

Мне нужно, чтобы он квартиру посмотрел.

— Хозяин — барин, — кивнула Кира, доставая ключи. — Пойдемте.

* * *

В пентхаусе Кире стало скучно. Бригадир отделочников, не упуская ноты «ля» и прочих чудных музыкальных созвучий «великого и могучего», объяснял, что нужно сделать. МАлыш включил диктофон на мобильном и задавал наводящие вопросы. В общем, мужчины были заняты делом. Кире хотелось курить, но в квартире этого делать не стоило. Наконец, мальчишки наигрались.

— Мы все, — Макс подошел к Кире. — Спасибо. Можем ехать.

— На здоровье, — пожал плечами Кира. — Косте не забудь привет передать.

МАлыш одарил ее странным взглядом, но ничего не сказал. Зато Парамонов высказался — снова на тему того, что его народ ждет. Начинался новый трудовой день.

* * *

— Ну что, шановный, — Константин ступил в кабинет как Наполеон. Как полтора Наполеона даже — если говорить о росте. — Я купил тебе квартиру твоей мечты.

— Как? — Макс невольно поднялся с места. — Козиков согласился на мою цену?

— Ага, — Костя убрал плащ в шкаф. — И ты меня завтра будешь холить, лелеять и спаивать в «Барракуде». А я... — мечтательно, — напьюсь. И усну на танцполе. Как в старые добрые времена.

— Да погоди ты с танцполом! — отмахнулся Макс. — Что там с ценой? И с квартирой?

— Что-что... — Костя стащил с плеч пиджак, кинул на спинку кресла. — Деньгами ты заплатишь столько, сколько назвал. И еще мы сверху доплатим векселями. До Козиковской цены. Ну, точнее, не совсем до его — я немного сбил цену, но все же...

— Смысл? — резко спросил Макс. — Вексель — это те же деньги. Дорого. Я не потяну.

— Да не будем мы оплачивать этот вексель. Влад нам его потом предъявит в качестве расчета за проектные работы.

Макс нахмурился. В отличие от Кости, подобные финансовые нюансы не давались ему так легко.

— То есть... Мы будем что-то проектировать для Козикова? Зачем ему это?

— Да он там задумал играть в великого инвестора. Собирается влезть в один проект в качестве со-инвестора. Вот его вкладом и будет архитектурно-планировочное решение. От нас. Вот и попроектируем для него.

— Бесплатно, — хмыкнул Макс.

— Не бесплатно. А на благо одного из владельцев бюро «Малыш и К». И во имя его светлого будущего в пентхаусе с видом на Финский залив.

— Слушай. Как-то это... — начал Макс неуверенно.

— Нет, вы посмотрите на него! — Драгин упер руки в пояс. — У нас три кабинета бездельников-мундисабелей. На несколько миллионов этой вашей техники дорогущей — принтеры цветные, плоттеры, шмоттеры. Техника все равно куплена, аренда платится, люди

работают, зарплату получают. Ну вот и пусть поработают немножко на твоё личное благо! Если это кого и должно волновать — то меня. А я, как видишь, — Костя развел руки в стороны, — не против. Кроме тебя, МАлыш, все не против.

Макс прокашлялся.

— Ну, так-то вроде бы... Нормальная схема.

— Конечно, нормальная! Кроме всего прочего мы засветимся лишней раз как проектировщики, — Костя присел на угол стола, отодвинув кипу чертежей. — А нам лишней раз себя показать — только на руку, только в плюс. Эх, Максимка... — Костя взял остро отточенный карандаш, и Макс спешно отодвинул стопку с чертежами подальше от зайцелюбивых лапок Драгина. — Жалко, что у нас не заваялось папы — заместителя мэра. Или мамы — председателя комитета по строительству. Все приходится самим делать, никто нам не помогает по-родственному, блюдечка с голубой каемочкой не протягивает. Почему мы с тобой такие беспородные, а, шановный?

— Зато мы умные, — Макс, наклонив голову, наблюдал за рождением очередного зайца.

— А если мы такие умные — чего ж мы такие бедные? — Костя полюбовался делом рук своих. — Ну да ничего, это временно. Так что? — протянул ладонь Макс. — По рукам? Даешь добро на подготовку сделки?

Колебался Макс недолго. Хлопнул Костю по протянутой руке.

— Добро. Спасибо.

* * *

Максу не спалось. Рядом сладко посапывал трофей из «Барракуды». Вероника? Вика? Ника? Черт, он вечно путает эти имена! И почему-то это почти беззвучное и невинное посапывание безумно раздражало. Нет, если быть честным с собой — раздражало инородное тело в собственной постели. Он быстро вернулся к привычке спать один. Это было классно. Но не выкидывать же девушку посреди ночи, даже пусть и сгладив это фразой «Я вызову тебе такси». Объективно, был хороший секс с симпатичной, ухоженной девушкой. Макс получил удовольствие. А Вика... или все-таки Вероника?... заслужила, чтобы ее не вытаскивали ночью из квартиры любовника — пусть и, скорее всего, временного, на одну ночь. Хотя она ничего и...

Макс резко сел на кровати. Желание уйти спать на диван в гостиную было нелепым, инфантильным. Но он чувствовал, что не заснет рядом с девушкой. Внутри образовалось какое-то странное чувство... гадливости, что ли. А раньше все было просто. Встретились в клубе, обмен взглядами, пара коктейлей, пара намеков, «К тебе или ко мне?». Красивое тело, никакихзаскоков в койке, отличный, комфортный секс. Чего не так, шановный?

«Сам не знаешь, чего хочешь!» — строго сказал себе Макс. Но спать в гостиную все равно ушел. Если эта Вика-Ника проснется завтра раньше него — объяснит ей, что храпит, как престарелый бульдог, и ушел в другую комнату, чтобы не мешать ей. Да, он очень милый и заботливый. И с придуриью, но ей он этого не скажет.

* * *

Ей приснился Лекс. Сны Кире давно не снились. Лекс не снился никогда. И вот, вдруг... В ее сне он курил, прищурился, небрежно выдыхал дым. Черная косуха, серая футболка с куриной лапкой пачки, голубые джинсы. На запястье руки, в пальцах которой зажата сигарета — кожаный напульсник. Лекс выдыхает дым. И вместе с ним — слова, немного нараспев, немного в нос, в своей обычной манере.

Потаску-у-у-ха... Бл*-а-а-адь... Шала-а-а-ава... Шлю-у-у-уха... Деше-о-о-о-о-вка...

Те слова, которые он ей никогда не говорил. Те слова, что говорила она себе сама.

Во рту сухо и гадкий привкус — привкус пробуждения посреди ночи после дурного сна. Кира резко спустила ноги с кровати, телефон на тумбочке показывает только начало второго. Глоток воды из-под крана, в прихожей натянула куртку прямо на пижаму, дверь балконную открыла осторожно — чтобы тихо, чтобы не разбудить маму. Зябко поежилась, закуривая — ночью в апреле на улице стыло.

Она не видела Лешу... давно. После того и не видела. Это, получается... Девять лет Почти десять. Спустя десять лет Лешка ей приснился. В гробу она видала такие приветствия из прошлого. Зачем? Забыла, затерла, вымарала те события из жизни. И вроде бы все хорошо. Все чисто. Все пристойно. Ох, Леха-Леха, зачем ты мне приснился?

Сон рассеивался, истаявал, как табачный дым перед ее лицом. И лицо Лекса, черты которого уже почти стерлись из ее памяти, тоже исчезали — сны вообще забываются быстро, если о них не думать, не вспоминать специально. Кира не будет. Но зачем-то вдруг вспомнилось другое лицо — зеленые глаза, вздернутый в усмешке угол рта.

Кира резко затушила окурок. Холодно. Спать. Все к черту.

Объект пятый: Фонтанка

Матильда, осторожно! Собака не стерильна!

— Кира, у нас сегодня ужин в «Борисовском».

— Флаг вам в руки. И приятного аппетита, — Кира отправила в рот остатки булочки. Собственных «булочек» считай, что нет, зато можно настоящие булочки трескать практически безнаказанно. Некоторые вещи в мире устроены очень честно и справедливо.

— Ты тоже идешь.

Кира изумленно уставилась на сестру. Скорбь в голосе понятна. Но сам факт...

— С какого перепугу? Чего я там забыла?

— Отмечаем сделку по пентхаусу в «Суоменлахти». Идем мы четверо — Влад, Макс, я и... ты.

На последнем слове Оксана явно поморщилась. Но Кира почему-то отметила другое. Макс. Не МАлыш, не Максимилиан, не Максимилиан Валерианович. А просто — Макс. Во оно как...

— Я не хочу идти.

— Я тоже не хочу, чтобы ты шла! — вдруг выпалила Оксана. — Это распоряжение Влада. И потом... Все-таки ты к этому имеешь некоторое отношение.

— Ну да. Некоторое. Самое опосредованное, — Кира вдруг разозлилась. — Это же не я готовила все документы — и по покупке пентхауса, и продажу квартиры МАлыша на Васильевском вытоже на меня повесили. Не я моталась по присутственным местам... Ааа... — махнула рукой. — Во сколько мероприятие?

— В семь.

Отлично. На часах — половина четвертого. У Киры еще три встречи. Едва успеет к семи в ресторан. Заранее ее предупредить — не царское дело.

— Буду к семи в «Бориске», — кивнула коротко.

— Не опаздывай, — Оксана была бы не Оксана, если бы не сказала чего-то колкого. Поправила упругий локон. — Я поехала в салон красоты. Надо подготовиться к встрече... с важным клиентом.

«Чтоб у тебя на носу прыщ вскочил от процедур в салоне!» — мысль была детской, но такой утешительной. Хотя это маловероятно. Увы, не все в мире устроено честно и справедливо.

* * *

— Ты точно не пойдешь?

— Чего мне там делать? — Костя снова валялся на стратегическом месте — в объятьях кожаного дивана. — Две бабы, два мужика — я там как пятое колесо в телеге.

— Это всего лишь деловой ужин в честь заключения сделки. К которой ты весьма весомо приложил руку.

— И, тем не менее... — Костя зевнул. — И потом, вчера Семен Семеныч из рейса вернулся. Как следствие мне сегодня светит семейный ужин.

— Товарищу старпому привет, — Макс улыбнулся. — От тебя привет передать кому-нибудь? Например, Оксане Сергеевне? — предельно невинным тоном.

— Свят-свят-свят! Никаких приветов Камышиной! С такими надо аккуратно. А ты сегодня ты ей привет, а она тебя завтра в ЗАГС. И ты будь аккуратней.

— Не учи батю детей делать. У меня с некоторого времени на дам с матримониальными планами обостренное чутье.

— Вот и умница. Вот и хороший мальчик. Кире Артуровне пальчики от меня нежно поцелуй.

— Сам целуй! — Макс не думал, но почему-то прозвучало резко.

— Так и сделаю, — самодовольно ответил Драгин. — Но в другой, более интимной обстановке. Тет-а-тет. Приглашу Кирышу в какое-нибудь интимное место, а не в «Бориску», где каждая рожа — знакомая. А чтобы свечи, аромат, полумрак и мы вдвоем...

— Ты ее в ваш гараж собрался приглашать?

— Чего? — Константин изволил сесть.

— Свечи зажигания замочены в ароматном уксусе, полумрак, потому что свету — одна пыльная лампочка. И только вы вдвоем. А, еще полуразобранный «волгарь» Семен Константиныча.

— Ностальгируешь по нашим пати в гараже? — расхохотался Костя. — Можем легко повторить. Волгарь все в том же состоянии.

— Можно будет попробовать, — туманно ответил Макс. — А что до Киры Артуровны, — неожиданно вернулся он к оставленной теме. — Не советую.

— Это почему это? — Костя изобразил трагическое недоумение.

— Потому что не даст. Сразу. А тебе, скорее всего — вообще не даст.

— Тю! Да быть такого не может — чтобы прямо вот «вообще». Но... — с неожиданным смирением, — попахать ради этого придется презрительно. Поэтому ограничимся поцелуем пальчиков. Нежным, ты понял, шановный?

— Как не понять — понял. Нежно поцеловать пальчики Оксане Сергеевне. От твоего имени.

— Убью, студент!

* * *

Как и следовало ожидать, она опоздала. На десять минут. Нет, могла бы прибыть вовремя. Но эти десять минут Кира потратила на то, чтобы минимально привести себя в порядок. Поправить прическу, припудрить нос, стереть остатки помады с губ и теней с век. Бледная, конечно, и вид задерганный, но хоть явных косяков нет — и то ладно. Кира вздохнула и открыла дверь машины. Два часа на все про все — так она для себя решила. Включаем обратный отсчет.

* * *

Кира мрачно отхлебнула томатного сока, кисло улыбнулась распинающемуся о новом проекте Владу и посмотрела на часы. Двадцать минут. Как же долго тянется время.

А напротив, с другой стороны стола на полную катушку разворачивалось шоу. Шла осада польской крепости. Даже прямо-таки взятие русскими войсками Перемышля. Ее величество ступило на тропу войны. У пана Малыша нет шансов. Ни одного.

Кира рассеяно слушала Влада, периодически кивая. Иногда сквозь самодовольный монолог Козикова доносились реплики Макса. Оксана блистала улыбками, прической и декольте. И, не прекращая, засыпала МАлыша вопросами. Макс был ответно улыбочив, любезен и словоохотлив.

Надо же, папа у нас — бывший атташе по культуре посольства Польши в России. И сейчас живет в Варшаве. Как бы у Оксаночки не случился публичный оргазм — родственники за границей! Это же ее давняя мечта — уехать из страны. Польша — это, конечно, не слишком дальняя заграница, но все-таки Евросоюз, все дела. Кира прямо-таки увидела, как акции пана МАлыша, и без того неплохие, резко пошли вверх. Держись, шановный. А я пойду перекурю — посмотреть тошно на это все.

В «Бориске» не было зон для курящих. В нем не курили — и все. Хозяину ресторана, в лихие девяностые годы известному как «Яшка-Космонавт», а ныне Якову Самуиловичу Либерману, было совершенно плевать на удобство клиентов и нюансы ресторанного маркетинга. Хочешь курить — вали на улицу. Правда, там был оборудован специальный портик для курильщиков. Туда Кира и отправилась.

Инженерный замок в начавших сгущаться сумерках выглядел особенно мрачно. Реставрационные леса скрывали красноватые стены, но от этого Михайловский не выглядел милее. Кира отвернулась.

— Скучаете? — ее обдало запахом вина. Компанию Кире составил подвыпивший субъект. Курил и совершенно беззастенчиво лапал ее. Пока только взглядом. Откуда в этом городе столько извращенцев? Зачем вам измученная сумасшедшим днем женщина-риэлтор почти без макияжа, у которой только одно желание — вывалить тарелку с салатом на колени любимой сестре?

— Такая красивая девушка не должна скучать! — продолжить сыпать «оригинальностями» любитель вина. — Давайте я помогу вам развлечься.

— Спасибо, — Кира выбросила окурок в урну. — Я лучше пойду еще в туалете поскучаю.

* * *

В дамской уборной на Киру из зеркала посмотрело настоящее приведение баньши. Бледная, волосы объявили бунт и торчат как палки. А глаза вообще с дурнинкой — допекла таки любезная Оксаночка, допекла. В отличие от нее Оксана была сегодня при полном параде — волосы идеально лежат, романтическая блузка нужной степени прозрачности в нужной степени облегает аппетитные формы, прямая юбка подчеркивает узкую талию и крутые бедра. У Оксаны масса достоинств, и она знает, как их подать. Тем более, и время, и возможность у нее были — в отличие от Киры.

Кира поясницей привалилась к раковине. Возвращаться в зал не было никакого желания. Пиликнул телефон. Кира достала аппарат и округлила глаза. Месседж от Малыша. Ну-ка, ну-ка...

Ты на кого меня бросила? Это нечестно.

Кира даже не думала — пальцы сами собой тыкали по экрану.

Это непорядочно — отвлекаться на телефон в обществе такой прелестной дамы.

Ответ пришел быстро.

Прелестная дама сбежала из-за стола покурить и пропала.

Кира ойкнула. И совершенно произвольно улыбнулась. Это что, Малыш ей комплимент отвесил? Да еще так изящно... Пока она переваривала этот удивительный факт, пришло еще одно сообщение.

Карлсон... Ты улетел. Но ты же обещал вернуться! Хватит отсиживаться в туалете.

Кира хихикнула. Настроение поползло вверх. От того, что Макс там, сидя за столом, в обществе Оксаны и Влада, строчит ей сообщения. Которые она читает тут же, за несколькими стенами, в женском туалете ресторана. Абсурд. Но отчего-то весело.

У меня расстройство желудка!

И снова — мгновенный ответ.

Трусиха)))) И врушка. Возвращайся.

Пришлось вернуться.

А там настроение снова испортилось. И даже форель в соусе из белого вина не исправила положение. Оксана вела себя просто неприлично!

Ах, Макс, ты так интересно рассказываешь!

Ой, а скажи еще что-нибудь по-польски!

Боже, ты столько всего удивительного знаешь!

И глазками — хлоп-хлоп. И ручка с идеальным маникюром уже ненавязчиво легла на серую ткань рукава мужского пиджака — да так там и осталась.

Кира что-то невпопад ответила Владу. И снова прислушалась к тому, что рассказывает Макс. Оказывается, варшавский папа МАлыш оставил дипломатическое поприще и сейчас владеет собственной турфирмой. Ой, зря ты ей это сказал, зря... Конец тебе, шановный. Полный конец.

Кира едва не подавилась соком, когда почувствовала, как на колено ей легла рука. И почему-то сначала уставилась на Макса. Нет, ну это нереально — он сидит напротив, у другого конца стола, и занят разговором с Оксаночкой. Разумеется, это Влад. Все. Терпение ее на сегодня исчерпалось!

Резко убрала ладонь Козикова. Резко встала.

— Извините меня, но я, пожалуй, поеду.

— Кирочка, куда же ты?! — Козиков снова пустил в ход руки — в этот раз взял ее за ладонь.

Она едва сдержалась, чтоб не вырвать пальцы из его руки — отняла, как смогла, спокойно.

— Кира, а как же десерт? — безмятежно полюбопытствовал Макс. Будто и не было тех сообщений.

— От сладкого портятся зубы и фигура!

И пусть ее поступок выглядит невежливо. Плевать. Вот сейчас уже точно плевать.

* * *

А уезжать она отчего-то не стала торопиться. Перешла дорогу, облокотилась о парапет.

Напротив, через воды Фонтанки с отраженными пятнами фонарей, мрачно смотрел на нее Михайловский дворец. Кира прикурила. Очень хотелось постучать по дарбуке. Или Оксане по голове. И чтобы никогда не встречать Лекса. И чтобы Макс сейчас вышел из ресторана. Или хотя бы сообщение прислал.

Пикнул телефон. Кира едва не обронила его в воду, пока доставала из сумочки.

Сбегать неспортивно.

Ах, ты ж какой спортсмен!

Не отвлекайся. Она этого не любит.

Она гипнотизировала экран. Ответил Макс не сразу.

Кира, у тебя все в порядке?

Резко выбросила окурок в реку. Свинство, да. Но на душе ужасно погано.

Оксане нравится, когда хвалят ее волосы, а еще белые розы и шампанское брют.

Удачной ночи.

Ответа не последовало. Через пару минут серый «субарь» с пробуксовкой рванул с парковки ресторана.

* * *

— Привет, Карлсончик.

Она так сильно надавила на карандаш, что сломался грифель.

— Какие люди, Максимилиан Валерианович. Вы бы хоть приветствие сменили для разнообразия.

— Мне нравится «Карлсончик», — безмятежно отозвался МАлыш. — Слушай, мы сможем сегодня увидеться часиков в восемь?

— Собираешься меня на свидание пригласить? — язык на полкорпуса опередил голову.

Кира отшвырнула карандаш в сторону.

— Размечталась! — фыркнул Макс. — Я маньяк — ты разве забыла? Так что в восемь жду в «Суоменлахти».

— Зачем? Я тебе все документы отдала по квартире.

— Маньяки не раскрывают своих секретов. В восемь. В «Суоменлахти».

— Максим, я не...

— Просто скажи: «Хорошо, Макс, в восемь в „Суоменлахти“».

— Нет, если я что-то тебе не отдала, так ты скажи — я привезу. Хотя в упор не соображу, что.

— Сама приезжай. Этого достаточно. Все, до встречи.

Ну, надо же, какой деловой.

— До встречи, маньяк. Учти, я возьму с собой бензопилу.

Макс расхохотался. А потом повесил трубку.

* * *

Она успела заехать домой. Поужинать, перекинуться парой слов с мамой, переодеться — в родное, любимое: джинсы, футболку, мягкие и удобные мокасины. Днем было тепло, но

май коварен — вечерами может тянуть холодом от воды, поэтому на заднее сиденье бросила ветровку.

Макс уже ждал ее. Какая-то странная тенденция — в «Суоменлахти» все время он ждет ее, хотя Кира каждый раз старалась приехать вовремя или даже с запасом. На МАльше тоже джинсы, футболка, только вместо мокасин на ногах — так любимые им кеды. Словно и он, и она — снова те, кто видит друг друга в первый раз на заправке федеральной трассы М-10, бывшей Е-95. Как бы ей хотелось вернуть тот март, того Макса и ту Киру. У той Киры все в жизни было проще, чем у Киры нынешней. А что поменялось? Вот *это*.

— Вместо маньяка с бензопилой меня ждет архитектор с ножницами. Сплошной обман потребителя.

— Ты просто не знаешь, как виртуозно я умею обращаться с ножницами, — Макс крутанул обсуждаемый предмет на пальце, как ковбой — кольт. — Пошли? Симпатичные джинсы, кстати.

— Вашими молитвами, Максимилиан Валерианович. С комиссионных обновила себе гардероб.

— На богоугодное дело пошло, — кивнул Макс, открывая подъездную дверь. — Прошу. А Кирина пятая точка в любых джинсах хороша. Но в этих — как-то особенно.

* * *

— И как это понимать?

— А что, ты не знаешь, что с этим делать? — Макс вручил ей ножницы. — Режь.

Дверной проем пересекала красная атласная лента.

— За что мне такая честь? Тем более, квартира не сегодня стала твоей, да и вообще...

— Я ее купил благодаря тебе. Спасибо.

— Ваше «спасибо», пан МАльш, выражено в моих комиссионных, — Кира продолжала дурачиться изо всех сил, но Макс ее реально удивил.

— И мне нравится, как ты моим «спасибо» распоряжаешься, — он смерил ее... нет, она точно не ошибается... вполне одобрительным, если не сказать — восхищенным, взглядом. — Режь давай!

— Нет, ну я так не могу! — Кира потерла лоб. — Надо же речь произнести. О том, как долго мы к этому шли, сколько трудностей преодолели и все такое.

— Валяй, — МАльш прислонился к двери и скрестил руки на груди. — До завтрашнего утра я совершенно свободен.

Мысль о том, что они хоть как-то, хоть в каком-то смысле могут вместе провести ночь, оказалась неожиданно тревожной.

— Ладно! — острые ножницы в одно движение разрезали ленту, и она опала двумя кусками, касаясь самыми кончиками пыльного бетона. — Добро пожаловать, дорогой друг Карлсон, — сунула Макс в руки ножницы и шагнула через порог. — Ну и ты, МалЫш, тоже заходи.

Он хмыкнул и шагнул следом.

Квартира преобразилась. Повсюду виднелись признаки начавшихся отделочных работ — мешки с цементом, смесями для штукатурки, песком, листы гипсокартона, а так же стремянки, «козлы» и куча всего другого.

Макс щелкнул выключателем и под потолком зажглась лампочка.

— Ты времени не теряешь, — увиденное Киру и в самом деле удивило.

— А чего его терять? Время — деньги. Тем более тут дел невпроворот. Я такого задумал... Вот, смотри, — он неожиданно оказался рядом, сзади, его руки легли на плечи Кире, и он повернул ее чуть вбок. — Что ты видишь?

У него неожиданно твердые ладони и сильные пальцы. И горячие. Футболка словно куда-то делась, и кажется, что его ладони она чувствует кожей.

— Эээ...

— А я скажу тебе, — теплое дыхание обдает ухо, но мурашки от этого не только в районе уха — они везде. — Что вижу я. Смотри. Вон там, — снял одну руку с ее плеча, протянул перед собой. — Вон там будет барная стойка. За ней — кухонная зона. Элементы каменной кладки и хай-тек. Будет интересно, мне кажется. Вон там... — он развернул ее, как куклу. — Вон там будет диван и плазма. И колонки. Я уж присмотрел колонки. Насчет дивана — сомневаюсь, пока думаю. Кровать, — еще один поворот, — будет там. Сделаю вертикальное зонирование — встроенным шкафом и полочками. В японском стиле хочу кровать — низкую, с широкими бортами. Ванная... — следующий поворот, — знаешь, хочу стену сделать частично из стеклоблоков. Про цвет тоже пока не решил — монохром или разноцветным сделать. Что скажешь, Кира?

— Эээ... — она чувствует себя совершенно косноязычной. Никаких не то, что остроумных ответов — вообще никаких. Выбивает все — и увлеченность, и даже мечтательность в его голосе, и его руки на своих плечах. Сглатывает. — Наверное, это будет круто. Красиво. Я уверена просто. Что ты все придумаешь и сделаешь стильно и красиво.

Сама поражается, как серьезно и, что самое удивительное, искренне звучит ее голос. Макс заразил ее своим... чем-то. Тем, что видит в этих серых стенах и пыльном полу. Все-таки архитекторы — такие странные ребята.

— Спасибо, — кивнул он. Неловко и как-то торопливо убрал руки. — Я тебе покажу, что получится. Обязательно... приглашу и покажу.

— Хорошо, — она кашлянула. — Буду ждать. Приглашения. Кстати, — так, соберись, Кира Артуровна, соберись! — Белые розы и «брют» сработали?

— «Брют»? — он теперь вдруг стал странно хмур. — А я подумал, что ты ошиблась адресатом. Слушай, Кира, ты только не обижайся, но... Я понимаю, вы сестры и все такое, но мне эта информация про белые розы и «брют» совершенно без надобности. Твоя сестра совсем не в моем вкусе. Вообще.

— Ясно.

Что тут еще скажешь? Что она очень рада? Это правда, но говорить такое — бред. А собственное поведение в ресторане теперь кажется вдруг невероятно инфантильным, до неприличия. Выдумала себе и несколько дней огрызалась на всех подряд. Было бы из-за чего. А теперь вот почему-то хочется улыбаться.

— А мне показалось... — Макс все так же хмур, и тон у него чуть ли не обвиняющий. — Что Козиков по тебе сохнет?

Кроме очередного «эээ» сказать нечего. Как-то так вышло неожиданно, что из обвинителя она превратилась в обвиняемого. Как отшутиться — идей нет, да и желания тоже. Надоело. Устала.

— Угу, — вздыхает. — Сохнет. На мою голову. Ума не приложу, что делать. На крайний случай придется менять работу. Это все, — усмехается невесело. — Моя нечеловеческая

харизма. Или Влад — извращенец.

— То есть, он сохнет в одностороннем порядке? — МАлыш какого-то хрена чуть ли не допрашивает ее. Самым что ни на есть суровым тоном. — Просто он же и женат, и сам по себе... кобель редкостный. Я его мало знаю, но Костя рассказывал. Не вариант, Кир.

— Конечно, не вариант. Он совсем не в моем вкусе. Вообще.

Какое-то время они молчали, глядя друг на друга. А потом Макс вдруг притянул ее руку к губам и поцеловал. Пальцы. А у Киры поджались пальцы в мягких замшевых мокасинах.

— Совсем забыл. Константин Семеныч просил от его имени пальчики облобызать.

— Премного благодарна, — Кира неосознанно сунула руку в карман. Чтобы потом, когда останется одна, прижаться губами к тому месту, которое он... Бред! Детский сад! — Я его непременно поблагодарю. — Она еще раз прокашлялась. — Мы здесь все?

— Угу. Пошли.

* * *

— Ты совсем легко одета. Дать тебе ветровку?

— Я же на машине! — и вообще, независимая и сильная женщина, а не дурочка, которая млеет, когда ей руки целуют.

— А от машины до дома?

— Да я машину под окнами бросаю! — Кира не выдержала и рассмеялась. Сегодняшний странный МАлыш только что который раз поставил ее в тупик, и она пыталась за смехом спрятать неловкость. — И ветровка у меня в машине валяется, если что. А ты сам куда сейчас? Где живешь?

— Да там же, на Ваське. Снял себе временно — недалеко от своей бывшей... квартиры.

— Удобно? — не хотелось прощаться. Нелепо, но хотелось продлить этот странный вечер. И странного, непривычного Макса МАлыша.

— Нормально, — поморщился Макс. — Не привык я к чужому жилью. Потому и тороплюсь с отделкой. Костя к себе звал жить. Но я от него в офисе-то иногда не знаю, куда деться. А уж жить с ним... — он усмехнулся. — Лучше в съемной квартире, чем с Драгиным.

Кира кивнула. Ну, все. Темы для разговора исчерпаны.

— Пока, МалЫш.

— До встречи, Карлсон...чик.

Она проследила, как Макс прошел до машины. Открыл дверь, нагнулся, садясь в автомобиль. Задралась футболка, мелькнула полоска спины.

Что за пид**ская манера носить джинсы, которые сидят так низко, что трусы видно!

Объект шестой: Каменноостровский проспект

Так! Продолжаем разговор!

— Утра доброго, Кира Артуровна.

Из трубки доносилось невнятное мычание, на речь homo sapiens похожее мало.

— Кира. Кириуша. Карлсон, мать твою! Просыпайся!

— Так вы к моей маме... — прозвучало сквозь зевоту. — Сейчас я Раису Андреевну позову...

— Кира, хорош придуриваться. Ты же проснулась. Речь связная прорезалась.

— Я сейчас тебе покажу связную речь! — Кира перевернулась на живот, вытащила из-под подушки руку и поднесла циферблат к глазам. — МАльш!

— Я за него, — у этого подлеца еще и довольный голос.

— Девять утра! Тебе больше нечем заняться в субботу в девять утра, кроме как мне звонить?!

— Как это — нечем заняться? Да у нас куча дел! А ты все дрыхнешь!

— У нас?! — она села на кровати, прижала одной рукой подушку к животу, другой продолжала прижимать к уху телефон. — МАльш, скажи честно — кто тебя покусал? Бешенная собака? Энцефалитный клещ? Голодный вампир? У тебя явно что-то с головой.

— Никто меня не кусал, — с демонстративным вздохом ответил Макс. — Ни собака, ни клещ, ни вампир. Даже сексуальные блондинки в пылу страсти не кусали. Так что я положительно вменяем.

— Изыди, — Кира снова завалилась на бок. — Дай поспать.

— Да перестань. Ты все равно уже не заснешь... Этого я не слышал, — в ответ на совсем нецензурное. — У тебя есть час на душ и завтрак. В десять я за тобой заеду.

— Зачееем? — простионала Кира.

Макс улыбнулся. Ему нравится ее голос. А вот такой — хриплый спросонья и недовольный — нравится особенно. Интересно, Кира спит в пижаме? Или... так? И если ее сейчас попросить прислать «селфи в постели» — какими именно словами она его пошлет?

— Затем что мы едем покупать мне диван.

— Мы?! Тебе диван?! Я тут при чем?! — от возмущения она снова села.

— Мне одному скучно.

— МалЬш... Макс... Максимушка... — растерянно и даже будто бы жалобно. — А у тебя разве нет мамы? Тети? Сердобольной соседки? Подружки, на худой конец? Чтобы с ней съездить за диваном?

— Никого нет! — довольно отрапортовал Макс, широко улыбаясь. Вот как на «Максимушке» напоззла улыбка на лицо, так и не слезала. — Мама далеко. Тетя на даче. Соседка старенькая иходит с палочкой. Подружек всех извел. Есть Драгин, но он меня за неделю достал. Я брошенный всеми несчастный МалЬш. Карлсон... ты же мой самый лучший друг?

— Гад, — получилось беззлобно.

— Я потом угощу тебя кофе и пирожными.

— Кому нужны эти ваши пирожные. Я люблю мясо.

— Будут тебе пирожные с мясом.

— Таких не бывает, — уже вполне мирнолюбиво.
— А вот увидишь. Ну? Успеешь к десяти собраться?
— Я сама приеду. К одиннадцати. Скажи, куда.
— Я тебе адрес скину. Только давай в половину одиннадцатого?
— Давай. Но я приеду к одиннадцати.

Макс рассмеялся.

— Капризная какая.

— Не любо — не кушай. Все, до встречи. Я в душ.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

На последних словах у него неожиданно включилась фантазия. Волосы от воды совсем черные. Ресницы собрались треугольниками. Губы в каплях воды. А потом эти капли стекают вниз, по подбородку, шее, дальше... А дальше надо пойти и поотжиматься. Как-то после Яночки личная жизнь стала со временем совсем пробуксовывать. Каждый раз новое лицо, а точнее, новое тело — раздражало. Завязывать постоянные отношения — не хотелось. А еще ему было почему-то неловко приводить кого-то в съемную квартиру, в которой он и сам-то чувствовал себя не очень комфортно. А уж сексом заниматься... Где те благословенные времена, когда ему было все равно — где и с кем? А теперь все не то, не так, не эдак. Старость. Вот что это такое.

Макс усмехнулся и пошел отжиматься. Раз есть время, пока ее бухарское ханство капризничать изволят.

* * *

Три посещенных мебельных центра. Десятки замученных до изжоги продавцов-консультантов. И сотни осмотренных и ошупанных диванов. На одном из которых Кира и валялась, вытянув ноги. Пока неутомимый МАлыш терзал очередную жертву — крепко сбитого, лучезарно улыбающегося паренька-продавца. Правда, теперь его улыбка несколько поблекла — МАлыш донимал его вопросами уже минут десять.

— Ваша невеста, наверно, устала? — консультант слегка вымученно улыбнулся, наблюдая за тем, как Макс листает каталог.

Макс посмотрел на Киру, демонстративно разглядывающую сплетение труб и коммуникаций высоко над головой. Потом перевел взгляд на продавца.

— Ой, простите, — смутился вдруг тот. — Я не хотел... То есть, не имел в виду...

— Устала, да, — усмехнулся Макс. — Невеста... — задумчиво. — Спасибо! — вернул каталог. — Я подумаю еще.

— Да пожалуйста! — с облегчением выдохнул продавец. — Приходите еще.

— Непременно, — кивнул Макс и направился к валяющейся на диване «невесте». Пара «конверсов» остановилась по обе стороны от пары красных сандалий. У Киры узкие ступни, пальцы на ногах аккуратные. С черным лаком. Протянул руку. — Пошли. Буду тебя кормить.

— Хочу на ручки! — Кира Артуровна вошла в роль. — Я устала!

— На ручки не обещаю, — Макс с задумчивым видом наклонил голову. — А вот на плечо могу попробовать закинуть...

— Нет уж, увольте, — Кира протянула руку, и он крепко перехватил ее за запястье. Дернул на себя и немного не рассчитал — она впечаталась в него. На секунду буквально. Но

и этого хватило. Им обоим.

* * *

— Это не пирожные! — бухарское ханство обжилось в роли капризной принцессы окончательно. — Это пирожки!

— С мясом?

— С мясом.

— Ну и все. Какие претензии?

Кира не нашлась с ответом и впилась зубами в слоеный пирожок с курицей. В общем-то, Макс прав. Хорошо уже — повыпендривалась и хватит.

МАлыш напротив уминал как раз пирожное — что-то слоями: желе, бисквит, крем, взбитые сливки и листочек мяты сверху. Аккуратно отламывал десертной ложечкой — ну чисто выпускница Смольного института!

— Слушай, МалЫш, — Кира вытерла пальцы и губы салфеткой. — А ты все... вот так делаешь?

— Как — так?

— Так... основательно. Это всего лишь диван. Диван! Мы потратили три часа. И в итоге ничего не купили.

— Нуу... — Макс взъерошил волосы на затылке. — Зато я определился концептуально. Видимо, звать тебя выбирать светильники не стоит?

— Лучше пристрели сразу! — а потом Кира улыбнулась. — Ой! Я представила, как ты... — и она рассмеялась.

— Что ты представила?

— Как ты будешь подходить к вопросу... эээ... — Кира подняла указательный палец. — К вопросу зачатия ребенка. Это же не диван. Это целый ребенок! Боже, МалЫш! Мне жали твою будущую жену. Ты ж ее за... Замучаешь, вот! Своим подходом к делу.

— Смейся-смейся. Но любой копеечный просчет на этапе проектирования, — тут Макс зеркальным жестом поднял палец. — Оборачивается миллионными издержками на этапе воплощения проекта в жизнь. Так что все надо делать сразу правильно. Хотя проекты «Жена» и «Ребенок» генпланом на ближайшую пятилетку не предусмотрены.

— Ты даже не зануда. Ты...

— ... архитектор.

— Теперь это будет ругательным словом!

Макс хмыкнул и принялся снова за пирожное.

— Макс, а почему твои родители живут в Варшаве, а ты нет?

Он ответил ей изумленным взглядом.

— Ты рассказывал в «Бориске»! — Кира ткнула его ногой под столом в носок кеда. — После сегодняшнего... после всей этой мебельной порнографии с диваном ты просто обязан мне рассказать что-то интересное! Не о диванах. Расскажи о своих родителях. Почему ты не живешь с ними? Или... тебе неприятна эта тема? — Кира вдруг почувствовала неловкость. А вдруг там какая-то семейная трагедия? — Извини, я не...

— Нет, все нормально. Просто в двух словах не расскажешь.

— Отлично. Я как раз созрела еще до одной чашки кофе и пирожного. Хочу такое же,

Ниночка Смирнова познакомилась с красавцем Валерианом Малышем во время Московской Олимпиады, где Ниночка была в числе волонтеров, а Валериан оказывал поддержку делегации польских спортсменов. Роман случился бурный и яркий. И короткий. Потом она уехала обратно в Ленинград. Потом он приезжал к ней. Потом... а потом они вынуждены были расписаться, потому что Нина забеременела. Их брак по документам продлился около года. По факту они никогда не жили вместе.

Они оказались слишком разными — вдумчивый и серьезный, тихий, спокойный Валериан Малыш. И Нина Смирнова — горячая, прямолинейная, нетерпеливая. Их взаимное чувство загорелось ярко и быстро, но так же быстро и погасло. А сколько обидных слов они успели наговорить друг другу...

С отцом Макс познакомился, когда ему исполнилось десять. Именно тогда Валериан Малыш неожиданно появился в их квартире, после десяти лет присутствия в жизни сына только в виде алиментов — весьма щедрых, надо отдать должное.

Пан МАлыш предложил Нине с сыном уехать с ним в Варшаву — в Польше умер его собственный отец, и Валериан решил оставить дипломатическую службу и вернуться на родину. Нет, он не предложил ей снова жить вместе. Он лишь пообещал помочь с обучением языку, получением гражданства, работой. И единственное, чего хотел — чтобы сын был рядом, в одной стране с ним.

Ниночка, точнее, к тому моменту уже Нина Федоровна МАлыш, учительница русского языка и литературы обычной питерской школы, в одиночку воспитывавшая в течение десяти лет сына... Она отказалась. Гордая. И слишком обиженная.

Валериан МАлыш уехал в Варшаву один. Но из жизни сына больше не исчезал. Он писал Максу письма, звонил, присылал подарки. В тринадцать Макс в первый раз оказался за границей — приехал в гости к отцу.

Макс тогда, да и после не задумывался — почему отца не было в его жизни так долго. Он был ребенком, который сильно нуждался в папе. И Макс просто принял отца, запоздало появившегося в его жизни. Но ведь появился же? Это было самым главным.

Нина проявила мудрость и не препятствовала общению сына с отцом. И почти не ревновала, когда Максим приезжал из очередной поездки к отцу и рассказывал, что папа снова женился. Что скоро у него, Макса, будет брат или сестра. Простила. В конце концов простила. А потом и у нее самой случились перемены в жизни.

Переменам способствовал фирменный питерский гололед, усталость и сумка с тетрадками с домашним заданием. Нина Федоровна поскользнулась, пыталась удержать равновесие, не выпуская из рук сумку. Почти упала, но была спасена от падения. Высокий рост, широкие плечи, обветренное лицо с резкими чертами и капитанские погоны. Спустя более чем пятнадцать лет Нина снова влюбилась. И снова с первого взгляда.

Михаил Андреевич Горенко, капитан погранвойск, вдовец, один воспитывающий дочку Светлану и оказавшийся по случаю в Питере в командировке — вот кем оказался второй избранник Нины. Его ответные чувства и планы были по-военному просты. Жениться — и к нему, в Забайкалье. Все уперлось в одно. В шестнадцатилетнего Макса.

Поэтому случилась самая настоящая битва характеров и упрямств.

Максу понравился дядя Миша, будущий супруг матери. Он был нормальный мужик, и даже не предпринимал попыток воспитывать уже взрослого, по его понятиям, парня. За что Макс был ему весьма благодарен. Но будущие супруги Горенко вознамерились забрать его с собой, против чего Макс возражал категорически. Потом подключился отец и заявил, что готов забрать сына к себе. Мальчику все равно через год поступать, Варшавский университет — очень уважаемое учебное заведение, а польский, который Макс и так знал уже неплохо, за год можно еще лучше подтянуть. Взрослые спорили месяц. А потом Макс заявил, что лично он с места никуда не тронется. Ему шестнадцать, и он в состоянии сам принять за себя решение. Он остается в Питере, окончит школу и поступит здесь же в ВУЗ. А если родители — оба! — не собираются поддержать его в этом решении, прежде всего финансово — он все равно не уедет. Бросит школу, пойдет работать дворником или грузчиком. Но из Питера не уедет.

У троих взрослых не получилось переспорить одного упрямого подростка. Так в шестнадцать Макс остался один в двухкомнатной квартире на Васильевском. Нет, за ним присматривала тетка — сестра матери. Тетя Галя даже высказывала намерение переехать на время жить на Васильевский, но две кошки и той-терьер не позволили. И Макс был этому очень рад. Тетка периодически наезжала — с готовкой, стиркой, генеральными уборками и просто проверками по поручению сестры. К концу первого курса Макс убедил всех окончательно и бесповоротно, что способен жить самостоятельно и без контроля со стороны взрослых тетя. И ни разу потом не дал повода усомниться в собственной благонадежности.

И, наверное, это было просто счастливой случайностью, что ни мать, ни тетка так и не узнали о трех вызовах милиции по поводу шума из-за слишком буйных вечеринок. О забытом включенном утюге, из-за которого едва не случился пожар. О потопе в ванной. О забившемся унитаза, потому что какой-то умник из гостей вывалил туда... В общем, даже для унитаза это оказалось неожиданно и «неперевариваемо». О гостивших у Макса днями и даже неделями друзьях. И подругах.

К четвертому курсу Макс переболел собственной свободой и вседозволенностью. Постепенно сошли на «нет» буйные студенческие гулянки, истончился поток веселых девушек самых разных форм и расцветок. Квартира стала приобретать все более и более цивилизованный вид.

* * *

— Я правильно поняла... — за время рассказа Макса кофе успел остыть. — Что ты с шестнадцати жил один?

— Угу, — МАльш махнул рукой официанту. — Тебе заказать?

Кира медленно кивнула.

— А на что ты жил? Родители помогали?

— Конечно. Отец денег присылал. И мать тоже. Стипендию я все пять лет получал, а последние пару курсов даже повышенную, как отличник — когда за ум взялся, — Макс рассмеялся. — Летом я подрабатывал — тетушка у меня экскурсовод в Петергофе, пристраивала к себе.

— Ты? Экскурсовод в Петергофе? Картина маслом! — Кира рассмеялась.

— Я же не смеялся, когда ты сказала, что библиотекарь!

— Конечно, нет! Ты не смеялся. Ты ржал!

— Точно, — Макс широко улыбнулся. — Было дело. Между прочим, я пользовался большим успехом у туристов. Меня так и норовили угостить бутербродом. Я в студенчестве был тощий.

— Не хочу тебя разочаровывать, но ты и сейчас тощий.

— Я нормальный!

Кира разглядывала его, наклонив голову и сложив руки под грудью. Серая рубашка в тонкую полоску открывает отнюдь не тонкую шею. А еще в расстегнутом вороте видно немного темных волос ниже ямочки между ключиц. И на плечах рубашка не то чтобы в натяг — но рельеф видно. Кира, спохватившись, отвела взгляд и неловко кивнула.

— Ну, может и так.

* * *

Белые ночи принесли бессонницу. Дома у него в спальне были плотные шторы. Здесь, в съемной квартире — лишь тонкий тюль. Засыпалось в не по ночному светлой комнате с трудом. Лежал, глядя в потолок, на сотый раз перепланировал свою новую жилплощадь. А потом, когда лежать надоедало, вставал с постели, садился к столу и рисовал. Не зайцев. А элементы интерьера. Воплощал идеи, которые приносили с собой бессонница и белые ночи.

И когда, прищурившись, разглядывал в очередной раз нарисованное, в голову неизбежно приходил вопрос: «А понравилось бы это Кире?». Вот тогда подкатывала какая-то странная грусть. От невозможности взять, сфотографировать рисунок и отправить ей с припиской: «Как тебе идея?». И спустя полминуты получить ответ: «Круто!». Несмотря на то, что на часах — половина первого ночи. Иногда он смотрел на телефон, и ему казалось, что он видит сообщение от нее: «Покажи, что еще придумал?». Странно было это все. Это желание звонить ей по ночам — днем такого не было. И эта потребность, чтобы в час ночи тебе кто-то ответил. Чтобы кто-то не спал с тобой за компанию.

Несмотря на то, что с шестнадцати лет Макс был, по сути, предоставлен сам себе, именно сейчас он почувствовал, что это такое — когда тебе в затылок смотрит одиночество. И какой тяжелый у него взгляд. Особенно белыми ночами, когда так трудно, почти невозможно уснуть.

* * *

Оксана улетела в Турцию — Вадика нужно вывозить на море. Влад почти синхронно махнул во Вьетнам — он внезапно заделался великим дайвером. Им обоим — и директору, и его заместителю не пришло в голову как-то подстроить свои планы на лето друг под друга, поэтому хозяйство бросили на Киру.

Хотя она была даже рада этому. Летом у риэлторов почти что «мертвый сезон». Зато можно щеголять на пару с Леркой в мини и коротких шортах. И опять же на пару с Леркой курить прямо у входа. Бросать на столе фантики от конфет и невымытую кружку из-под кофе. В общем, полный расслабон — и на работе, и дома. Раиса Андреевна была отправлена в

Железноводскна лечение — почки шалили. Причем товарищ капитан наивно верила, что ей вот-вот дадут путевку на работе, но Кира тоже могла проявить истинно ханское своеволие. И просто-напросто купила путевку. С почками не шутят, а у матери за зиму было два острых приступа.

Так что и на работе можно жить в свое удовольствие: хочу халву ем, хочу — пряники. И дома можно безнаказанно приносить фаст-фуд и стучать по дарбуке. Кира даже выучила пару новых мелодий в собственной авторской обработке. Соседу Толику понравилось. И вообще было как-то подозрительно спокойно. Мама звонила — довольна. Оксана не звонила — и славно, может, подцепит себе кого-то в этой Турции. Влад иногда звонил, но исключительно по делам «Артемиды».

И Макс не звонил. Уже месяц почти. Главное, не придавать этому значения. Главное — делать вид, что все нормально. Что ничего страшного не происходит. Главное — делать вид. Не придавать значения. Убедить себя, что все ерунда. Она ведь это умеет?

* * *

— Пал Трофимыч, наше вам с кисточкой.

— Какие люди! — раздался из трубки мягкий бас дяди Паши. — Кирюха, ты, никак?

— Я, дядь Паша, я. Как ваше ничего?

— Трудимся на благо Родины. Как ты-то там, без мамки?

Кира рассмеялась.

— Я уже большая девочка. Без мамки умею справляться.

— Хвалю. Ты чего звонишь-то — случилось чего? С машиной?

— Не, все в порядке. И с машиной, и со мной. Дядь Паш, приезжайте в гости. Пива поьем. А?

Павел Трофимович расхохотался.

— Да Раиса Андреевна с меня семь шкур спустит — если узнает, что я с тобой пиво пил!

— А мы ей не скажем! — тут же нашлась Кира. — Честное пионерское!

— Нет, вы посмотрите на эту пионЭрку!

— Приезжайте, дядь Паш. Пятница же! Святое. Или чего — наркобарон-рабовладелец вас не отпускает?

— Ты как скажешь тоже — наркобарон! Товарищ генерал как раз в Москве, в министерстве на совещании. Так что я птица вольная.

— Ну вот и отлично! Приезжайте, Пал Трофимыч! Я беляшей пожарю.

— Беляшей? — в голосе собеседника зазвучала заинтересованность. — По рецепту матери?

— Так точно! Выучила мама за пять лет — даже меня.

— Лады! — согласился Павел Трофимович Середа, давний поклонник капитана Биктагировой и, по совместительству, водитель служебного автомобиля целого генерала Госнаркоконтроля. — Ставь тесто. С меня пиво, с тебя беляши.

— И рыбки вкусной купите! — успела на прощание бросить в трубку Кира.

Вот и славно. Беляши — это хлопоты. Пиво — это приятная амнезия. А дядя Паша — гарантированно хорошая компания. У мыслей о бессердечных зеленоглазых архитекторах

— Ты смотри-ка, — дядя Паша отправил в рот последний кусок беляша и вытер усы. — И вправду как у матери.

— Стараемся, — Кира отхлебнула пива. Господи, хорошо-то как. — Внучки как?

— Растут, — Павел Трофимович потянулся к холодильнику. — Иногда меня обличают высоким доверием и дают понянчить на пару часов. Ритка горластая — вся в Маринку.

— Это хорошо, — кивнула Кира. Марина, единственная дочка дяди Паши, обладала тяжелым, если не сказать — стервозным характером. Видимо, как и ее мать, с которой Павел Трофимович развелся лет пятнадцать назад. И потрепала отцу немало нервов, не давая толком общаться с внучками. А как начались проблемы с собственным мужем — так папа сразу стал хорош. На проблемы Марины Кире было до одного места, но она искренне радовалась, что дяде Паше теперь не чинили препятствий в общении с внучками.

— Ты сама-то когда мать внуками порадуешь?

Вроде бы вопрос не стал неожиданностью, но Кира чуть не поперхнулась пивом.

— Нет, ну как я могу вперед матери замуж выходить, — Кира попробовала отшутиться. — Вы сами-то когда Раисе Андреевне предложение сделаете, ась? Несolidно в вашем возрастеподдерживать такой легкомысленный формат отношений.

— Формат отношений! — фыркнул в усы дядя Паша. — Каких только слов не придумают. А ты что, думаешь... — тут он подпер щеку ладонью, — я не звал ее? Да уж сколько раз. Я, конечно, понимаю — у меня квартира однокомнатная, да и до службы Раисе далековато добираться от меня. Но ведь я же на машине всегда, возил бы ее на работу. И вправду лучше было бы нам вдвоем... Да и у тебя бы может, если б одна жила, без матери, тоже все как-то и наладилось. Так нет ведь...

— Чего — нет?

— Не хочет Раиса тебя одну оставлять, — Павел Трофимович помолчал немного и добавил негромко. — Боится. За тебя боится, Кирюха.

Кира почувствовала, как заалели кончики ушей. Дядя Паша знал. Господи, сколько ей еще расхлебывать собственную глупость? Столько лет прошло, а мама все еще боится за нее. Хотя Кира уже давно не та ушедшая в неконтролируемый занос сопливая малолетка с дырой в сердце и съехавшей набок крышей. А мама все забыть никак не может. Боже, ну как же стыдно!

— Мать твоя говорила, что у тебя парень появился толковый, — дядя Паша подлил ей пива. Видно было, что ему тоже неловко за свои слова. — Художник, что ли. Максим.

Кира сначала непонимающе нахмурилась, а потом рассмеялась.

— Узнаю Раису Андреевну! Уже раздула историю и растрезвонила всем. Вообще-то, его зовут Максимилиан, и он архитектор.

— Да один хрен — что художник, что архитектор. Имя зато у него внушительное. И, главное, чтоб парень был порядочный. Порядочный, Кирюха?

— Он покупал у нас в фирме квартиру. Рассчитался в срок, поэтому порядочный, наверное. Он мне просто звонил несколько раз по поводу сделки — а мама, как обычно, напридумывала на пустом месте.

— Ну, так а чего на пустом-то? Надо заполнить пустое место — если парень порядочный, холостой, с собственной квартирой.

— Дядя Паша! — Кира округлила глаза. — И вы туда же?

— У меня интерес корыстный, Кирюха, — Павел Трофимович потянулся за беляшом. — Раиса как тебя замуж выдаст — так сразу ко мне и переедет. Так что не будь эгоисткой, Кира Артуровна — подумай о моей одинокой старости. Чего там твой Максимилиан — не соображает совсем, что ли — какая ты у нас деваха видная. Да и...

— Дядь Паш, а поехали завтра на рыбалку! — поспешила свернуть неудобную тему Кира. — У вас лодка на ходу?

— Лодка-то на ходу — мотор я зимой перебрал. Да кто ж так резко такие вопросы решает, Кирюшка? — Павел Трофимович, слава Богу, с удовольствием переключился на рыбалку. — Это ж надо подготовиться. Хотя, в принципе, завтра с утра можно все порешать, и после обеда выдвинуться. Погоду на завтра вроде ясную передают — как раз к вечернему клеву. Спиннинги надо проверить, поплавки...

Прервал рассуждения дяди Паши звонок Кирино мобильного. Она бросила взгляд на экран. Сердце ни с того, ни с сего екнуло. Ну вот — только вспомнили. Не раньше и не позже.

Объект седьмой: Петергоф

— *Вот только интересно, что скажет мама...*

— *Ну «мама», «мама», это дело-то житейское!*

Да, и потом я дам тебе десять тысяч люстр. Давай, пошалим сейчас!

— *Представляю, как рассердится папа...*

— *Папа? А что папа?*

— Последний раз спрашиваю — поедешь со мной?

— Что я в том Мадриде не видал?

— Два слова, шановный: хамон и футбол!

— Хамон можно купить и здесь, а футбол посмотреть по телевизору.

— На море тоже будешь по телевизору смотреть? — Костя щелкнул пультом кондиционера.

— На море я буду смотреть из окна. И если уж на то пошло, нормальные люди в поездку на море приглашают девушку, а не лучшего друга.

— Нормальные люди в Тулу со своим самоваром не ездят! — расхохотался Константин. А потом вдруг посерьезнел. — Слушай, я тебя вообще перестал узнавать. Тебя после Яночки так нахлобучило? Или это уже Кира Артуровна лапки приложила?

— Других версий нет? — Макс раздраженно закрыл окно автокада.

— Ты ж у нас натура творческая. Тебя до меланхолии только бабы доводят. Это я могу из-за изменения ставки рефинансирования грустить. А для тебя это мелко.

— У меня ремонт!

— О, да... — ехидно протянул Костя.

— Да думай, что хочешь! — поморщившись, отмахнулся Макс. — Я все деньги в квартиру вбухал, мне не до Испании сейчас. И потом, мне в Варшаву надо слетать — тоже траты. Опять же, Парамона с его хлопцами надолго оставлять нельзя — без ежедневного контроля они там быстро дел натворят. Я вот могу только себе позволить на неделю к отцу смотаться — и все. Никакого Мадрида.

— Бедняжка, — в голосе Драгина не было и тени жалости. — А Варшаве у тебя что за срочность? У пана МАлыша-страшего что-то случилось?

— Случилось, — кивнул Макс. — У пана МАлыша-старшего скоро случится день рождения младшего сына. Я обещал быть.

— Это сколько Андрюхе стукнет? Восемнадцать?

— Ага, — невольно улыбнулся Макс. — Вырос конь такой — на голову меня выше.

— Поступает в этом году?

— Ну. К ужасу отца собрался делать карьеру медикуса. Причем не просто медикуса — а самого страшного представителя этой благородной профессии.

— Проктолог? — заржал Костя. — Или патологоанатом?

— Стоматолог!

— Жжет напалмом Андюха.

— С другой стороны — ничего удивительного нет, у пани Малгожаты отец — хирург. Так что это у Анджейки гены прорезались. В общем, «едрид-Мадрид» пусть в этом году без

меня. У меня ремонт, мебель, совершеннолетие брата. Еще подарок ему нужно купить, — Макс потер шею. — Отец с матерью ему машину дарят, так мне тоже...

— Айфон?

— Да айфон у него есть, — усмехнулся Макс. — На часы договорился с мелким. Но это дело тоже недешевое.

— Как хорошо, что у меня брат — старший! — с чувством произнес Константин. — Которому не надо часы и айфоны дарить.

— И который восемь месяцев в море, — рассмеялся Макс. — Семен Семеныч у тебя вообще сам по себе подарок.

* * *

В Варшаве Макс любил бывать. Он и саму Варшаву любил — хотя не так, как родной Питер, конечно. Но город, несомненно, красив.

И своих польских родственников Макс тоже любил — простой и искренней любовью. С годами все лучше стал понимать две вещи: что он очень сильно похож характером на отца, и что с матерью они совершенно разные люди, просто полные противоположности.

Младший брат, Анджей, прямо-таки обожал старшего брата — причем, как полагал Макс, это любовь основывалась отчасти на том, что они не росли вместе и встречались раз два в год. Если бы они росли вместе, в одном доме, под одной крышей — как знать, как бы сложились их отношения. А теперь для Анджея старший брат из странной и неизвестной России был верховным авторитетом — даже более уважаемым, чем отец. Именно одобрение Макса стало последним аргументом в пользу стоматологического факультета — Анджей половину зимы советовался со старшим братом по поводу выбора будущей специальности. И только после одобрения брата озвучил свое решение родителям.

В общем, лететь было действительно надо — восемнадцать лет у младшего брата бывает только раз. К тому же в прошлом году у Макса не получилось съездить к отцу: сначала был летний трехнедельный секс-марафон на Корфу в обществе Яночки, после которого Макс какое-то время даже думать о сексе не мог — перетрутился. А потом отец его звал в сентябре на собственный день рождения, но Макс не смог придумать, как не взять туда с собой Яночку — а брать ее с собой, знакомить с семьей и давать какие-то объяснения совершенно не хотелось. И поэтому ограничился поздравлением по скайпу. Зато теперь, сидя в самолете, летящем по маршруту «Санкт-Петербург-Варшава», Макс предвкушал встречу — с отцом, Анджеем, пани Малгожатой. Оказывается, он успел по ним ужасно соскучиться.

* * *

Улетал обратно Макс тоже без особой грусти. Отец бодр и здоров, Анджей остался доволен подарком, обещал на Новый год приехать в гости. Пани Малгожата, как обычно, одарила Макса кучей вещей. Она почему-то считала, что хорошую одежду можно купить только в Варшаве, а в России покупать нечего — видимо, это была рудиментарная память еще со времен Советского Союза. Именно поэтому обратно в Питер Макс увозил в чемодане

пару рубашек, джемпер, джинсы и даже бриджи — подарки пани Малгожаты. А еще вполне симпатичный галстук и булавку к нему. У пани Малгожаты отличный вкус. К тому же, она симпатизирует Макс, и это взаимно.

Макс вытянул ноги под стоящее впереди кресло. Как там Федор и его молодцы? Контроль по телефону — это хорошо, но недостаточно. Погостил — и хватит. Дома дела куча. Опять же, скоро самому гостей принимать.

* * *

— Чего не берешь-то? — мобильный продолжал трезвонить. — А вдруг мать?

Кира отрицательно покачала головой. Нет. Это не мать. Вытерла пальцы и почему-то с опаской взяла телефон. Какого черта, шановный? Столько не звонил, а теперь что понадобилось?

— Да?

— Кира, привет.

— Привет.

— Привет — и все? Ни шановного, ни Максимилиана Валериановича? Скучная вь сегодня, Кира Артуровна.

— Иногда надо. Ради разнообразия.

Он вдруг остро почувствовал, что ей неудобно разговаривать. Занята. Или не рада его звонку. Собственно, виделись и говорили они больше месяца назад. Так получилось — дел была куча, ремонт, поездки, проекты, голова занята. Да и были сомнения, что она так уж сильно хочет его видеть и слышать, и повода разумного не придумывалось, а без повода... А потом вдруг стало на это плевать — он сам хочет ее слышать и видеть. Вот и повод придумался быстро.

В Максе проснулось давно, казалось бы, изжитое подростковое упрямство. Говорить тебе неудобно? Не рада меня слышать? А мне плевать!

— Тоже верно, — согласился преувеличенно бодро. — Кира, ты прогноз на завтра видела?

— А что там такого интересного?

— Погода завтра шепчет.

— И что же она тебе шепчет? — Кира подвинула к себе бокал с пивом. Дядя Паша напротив изо всех сил делал вид, что не слушает ее, но Кира ему не верила. — Что-то умное или как обычно — фигню?

— Кира... — он там мягко рассмеялся, но мурашки у нее на руках выступили не от его смеха, а от глотка холодного пива. — Поехали завтра в Петергоф?

Ну, надо же. Король импровизаций просто! То ленточку ему перерезать, то диван выбрать, то в Петергоф с ним съездить! А в перерывах пропадаем в никуда — ни звонка, ни сообщения. Сейчас прямо. Разбежалась. Вот отсюда до Петергофа прямо разбежалась.

— Никак не могу, Максимилиан Валерианович, — ее тон такой же демонстративно бодрый. — Я завтра на рыбалку собралась.

А вот называть его по имени было ошибкой. Дядя Паша тут же замахал руками, забасил конспиративно: «Да шут с ней, с рыбалкой, Кирюха! В другой раз съездим!».

— Ты не одна? — вопрос вылетел сам с собой — когда Макс услышал на заднем фоне

низкий мужской голос, говорящий что-то про рыбалку.

— Не одна, — и все. Никаких комментариев. И ведь она ему не обязана отчитываться, где и с кем. А спросить хочется ужасно.

— Жаль, — и вздохнул совершенно искренне. — В смысле, жаль, что у тебя планы. А мне тут... — упрямство никак не желало утихомириться, хотя, казалось бы, чего еще надо — от встречи отказывается, разговаривает через губу, рядом с ней там какой-то другой мужчина. Но Макс отчего-то упрямо продолжил разговор. — Мне тут мать Ляльку подсунула.

Ляльку? Ляльку?! Кира тут же представила Макса с младенцем на руках. Картина абсурдная. И волнующая.

— В смысле — ляльку?! — с нее тут же слетело все напускное равнодушие. — Тебе маленького ребенка доверили?!

— Ни фиги себе — маленького, — фыркнул МАльш. — У нее нога сорокового размера. Лялька — это сестра. По матери. Кошмарный четырнадцатилетний подросток, которого мне сбагрили на две недели — для окультуривания. Эй! — он сказал что-то мимо трубки. — Она меня ударила, представляешь? Иди, посуду мой! — прозвучало хоть и мимо динамика, но очень громко. А потом, уже Кире: — Ужас, а не ребенок. Я неделю кое-как продержался, но уже тихо сатанею. Ты точно завтра не сможешь?

Кира поняла, что единственное ее желание сейчас — сказать: «Могу!». И увидеть его завтра. И посмотреть на эту кошмарную Ляльку. И провести с ним целый день в Петергофе.

— Нет. Не могу. Я завтра на рыбалку.

— Не будет завтра клева! — вдруг громко произнес дядя Паша. А потом подмигнул ей и добавил уже тише: — Я на балкон, курить. Не томи парня.

— Кира... — из трубки снова раздался мягкий смех. — По-моему, у тебя там что-то не складывается с рыбалкой.

— Да это кое-кто предатель просто! — Кира показал язык спине выходящего с кухни Павла Трофимовича.

— Поехали, Кирюш, а? Погода хорошая, а я тебе такие места покажу — ты этого в Петергофе точно не видела, я тебе обещаю! — И, пока Кира раздумывала над тем, как бы незаметнее и без потерь для собственной гордости капитулировать, из трубки снова донеслось приглушенное: — Тебя не касается, с кем я разговариваю! Вымыла посуду? Иди... телевизор посмотри!

Кира усмехнулась. Неведомая Лялька, которая умудрилась допечь вечно невозмутимого пана МАльша, уже вызвала нешуточное желание познакомиться.

— Ладно. Так и быть. Я согласна.

Из трубки донеслось самое натуральное победное «Yes!». Кира рассмеялась. Настроение решительно зашкалило за отметку «отличное».

Они договорились, что поедут до Петергофа на «Метеоре», соответственно, встречаются завтра утром на Дворцовой набережной.

Когда Кира положила трубку, вернулся с балкона дядя Паша. Ни слова не сказал ни о звонке, ни о несостоявшейся рыбалке. Они допили пиво, поговорили о том, о сем, а потом он засобирался домой. И Кира была точно уверена, что как только Павел Трофимович выйдет из их дома — тут же позвонит ее матери. Чтобы отчитаться о том, что завтра у Кире свидание с Максом. Да-да, будет сказано именно так — свидание. А о том, что с ними там будет умеющая действовать на нервы Максу Лялька — это уже детали, дяде Паше, кстати,

неизвестные.

Ну, свидание — так свидание. На завтра приготовлены короткие джинсовые шорты. Загар к Кире прилипал быстро, поэтому стесняться нечего — ноги уже вполне презентабельные. Только вот педикюр обновить. И маску для волос сделать — просто потому что она регулярно делает такие маски. Хорошо, что о неудобных в других местах волосах беспокоиться не приходится — в свое время, года три назад, разорилась на лазерную эпиляцию, поэтому теперь ножки — всегда гладкие. И не только ножки, кстати, но Максу завтра светит оценить гладкость кожи только на ногах. А в другом месте... Нет, об этом даже думать не стоит. Кира тряхнула головой и принялась перебирать флакончики с лаком. Каким бы цветом покрасить?...

* * *

Мальш и Лялька. Просто пара года! Между прочим, сестра Макса на самого Макса оказалась совершенно не похожа — крепко сбитая, круглолицая, с шоколадного цвета каре и внимательными темными глазами под ровной челкой. И выглядела немного старше обозначенных четырнадцати лет.

— Кира, привет, — официальное рукопожатие — это для сестры, чтобы показать ей, что между ними ничего такого? Оказалось — нет. Для того, чтобы притянуть к себе, поцеловать в щеку и шепнуть на ухо: «Спасибо, что согласилась».

— Привет, — только и нашлась, что сказать Кира. И едва удержалась, чтобы не прижать пальцы туда, где щеки мимолетно коснулись его губы.

— Знакомьтесь, — невозмутимо продолжил Макс. — Кира, это моя сестра Лялька.

— Кому Лялька, а кому Ольга, — огрызнулась девочка-девушка. И ехидно добавила: — Михайловна.

— Вот отцу с матерью и объясняй, что ты Ольга Михайловна, — ответно огрызнулся Макс. — Кир, я билеты купил. Отправление через пятнадцать минут.

— Отлично, — кивнула Кира. Она не ожидала, что эта встреча так сразу выбьет ее из себя.

— А Яночка была симпатичнее, — вдруг выдала Лялька, смерив Киру внимательным взглядом. — Гораздо симпатичнее.

— Вот я одного не понимаю, — обратился Макс в пространство. — Почему товариш майор батальон построить может. А собственную дочь — нет? Ольга Михайловна, ты себя ведешь безобразно! Кира, извини ее.

— Да ладно! — деланно беспечно отмахнулась Кира. — Ты меня в четырнадцать не видел. Я еще не то могла ляпнуть. Нормально все. А кто такая у нас Яночка? — спросила как можно беспечнее.

— Невеста Максима! — бодро ответила Оля, прежде чем старший брат снова открыл рот. — А Макс ее бросил. Такая хорошенькая была!

— Ляля! — МАльш закатил глаза. — Сколько раз тебе повторять, что нельзя верить тому, что люди пишут в своих статусах «Вконтакте»? И если Яна написала, что она моя невеста — это еще не означает, что я делал ей предложение.

— Но ты же ее бросил! Интересно, из-за чего... — и тут Лялька замолчала, увидев, как Кира вытаскивает сигарету из пачки.

— Кира! — поморщился Макс. — Ты что, собираешься прямо тут...

— Могу отойти в сторону, — Кира — сама, мать ее, вежливость! — Если малышку шокирует вид курящего человека.

— Меня не шокирует, — неожиданно усмехнулась «малышка». — У меня отец курит. А еще он говорит, что курящая женщина — это очень... некрасиво.

— И он абсолютно прав, — Кира выдохнула дым в сторону. — Яночка курила?

— Нет. Макс ей не разрешал.

— И она была, как ты говоришь, хорошенькая. А я — курю. И посмотри на меня.

Ляля посмотрела. И вдруг широко улыбнулась.

— А ты прикольная. И ноги у тебя лучше Янкиных. А еще она, — девочка понизила голоса, — была тэпэшкой. Честно.

Макс рядом героически пытался не ржать. Выдохнул через нос.

— А Кира Артуровна у нас целый библиотекарь.

— Правда? — Ляля округлила глаза. — Вообще не думала, что библиотекари... такие.

— Еще какие такие, — Макс решительно взял сестру за руку. — Кира, бросай сигарету и пошли.

Раскомандовался! Кира из вредности докурила до фильтра. И смотрела на стоявших чуть в стороне и о чем-то спорящих Макса и Ляльку.

Опять оделся как нежно-голубой. Бриджи. Вы подумайте, бриджи! Конечно, день жаркий, очень даже, едут они в парк и все такое. Но тонкие, из легкой джинсы бриджи до колен, ладно облегающие МАлышеву задницу и демонстрирующие образцово-показательные икры легкоатлета Киру просто взбесили. Вот обязательно надо выставлять напоказ свое тело — икры, задницу, руки, которые были плотно обтянуты в районе бицепса короткими рукавами светло-зеленой рубашки-поло. И все пуговицы, гад, расстегнул. Тоже специально, чтобы ее достать. И новая стрижка, с коротко выбритыми висками ему очень идет. Гад. Самый натуральный гад. Море гадского обаяния.

О том, что ее собственные ноги только в области ягодиц прикрывают весьма откровенные шорты, Кира в данный момент не думала. А уж о том, сколько неудобства в этих самых так бесивших Киру бриджах создали ее шорты — об этом она даже догадаться не могла. Налицо был явный мануфактурный сговор.

* * *

Стоило только «Метеору» отойти от причала Дворцовой набережной — и с Ляльки слетела вся ее напускная взрослость, и она превратилась в восторженную и очень милую девочку. Макс с Кирой оставалось лишь улыбаться и терпеливо переносить поток восторгов — от всего. Безбрежный Финский, соленые брызги, причал, перспектива Морской аллеи и фонтана «Самсон». И дальше, дальше, дальше...

А дальше выяснилось, что обладатель обтянутой джинсовыми бриджами задницы оказался и в самом деле великолепным гидом, экскурсоводом и просто человеком, который знает в Петергофе все. Лялька смотрела брату в рот. Даже Кира была не на шутку увлечена рассказами Макса. Да что там говорить — в Большом Дворце Макс так эмоционально и интереснорассказывал, вольно интерпретируя некоторые исторические факты, что увлек за собой несколько человек из группы при официальном экскурсоводе. Хотя, может, дело было

еще и в фигуре вольнонаемного экскурсовода Максимилиана Мальша. Высокий, широкоплечий, с узкой талией и крепкими ровными ногами, обаятельный и улыбочивый — он разительно отличался от академических дам. Лялька смотрела на брата с неприкрытым обожанием. Впрочем, и взгляд Киры был далек от равнодушия. Кто бы мог подумать. Ее привлекали истории о интригах времен Екатерины Второй. В исполнении чертова Мальша.

* * *

А потом они сидели прямо на камнях, на берегу Финского — усталые, сытые, довольные. Макс задумчиво смотрел в сторону горизонта и молчал. За сегодня он порядочно наговорился. Лялька привалилась щекой к плечу брата и, кажется, даже дремала. Кира негромко выстукивал какой-то ритм двумя пальцами по перевернутому вверх дном бумажному стакану от кока-колы.

— Это «Korn»? — вдруг подняла голову с плеча Макса Лялька.

— Ага, — Кира продолжила отбивать ритм.

— Клево! — девочка окончательно выпрямилась и пересела поближе к Кире.

— А вот это можешь? — Оля достала смартфон и стала елозить пальцем по экрану. Вскоре из динамиков телефона донеслись первые аккорды «Right now». Макс поморщился.

— Как это в принципе можно слушать?

— Можешь отсесть подальше, зануда! — Лялька подвинулась еще ближе к Кире. — Ты можешь вот это?

— Легко.

И на берегу Финского зазвучала упрощенная версия партии ударных легендарной композиции группы «Korn», исполняемая на бумажном стаканчике из-под кока-колы.

— Киира... — восхищенно протянула Лялька. — А как ты так умеешь? Откуда?

Кира не хотела говорить. Не хотела вспоминать. Но сказала.

— Я в юности играла в рок-группе. На ударных.

— Ух ты! — теперь все обожание Ляльки разом переместилось на Киру. — Правда?!

— Кира сочиняет, — подал голос Макс. — Чтобы тебе завидно стало.

— Кира говорит правду, — слегка раздраженно ответила Кира. — Много ты обо мне знаешь!

— Не слушай его! — отмахнулась Оля. — Расскажи, а? Как называлась наша группа? Что вы играли? Ой, а сыграй что-нибудь из ваших песен. Ну, блиин... Как круто, а! Сыграй, Кир, а?! Пожалуйста-пожалуйста-пожалуйста!

— Я не помню ничего, — Кира попыталась свернуть тему. Зря сказала. Вот зря.

— Я же говорил, что сочиняет, — снова ехидно встрял Макс.

— Не сочиняю. У нас была группа. И у всех членов группы была татуировка, — Кира ответила ровно. Но желание уесть МАльша уже взяло верх надо всем разумным.

— Где?! Покажи? — как и следовало ожидать, Оля пришла в еще большее возбуждение — хотя куда бы уж, казалось.

Макс продолжал смотреть на Финский, лишь бровь вздернул, демонстрируя, что он по-прежнему в историю с рок-группой не верит. Ах, так? Вот так, да?! Хорошо. Сам напросился.

Кира резко опустила с плеча футболку. Там, на плече, действительно красовалась

татуировка: сова в обрамлении каких-то орнаментов — Лекс говорил, что кельтских. Эскиз татухи придумал именно он.

Лялька восторженно взвизгнула. Пан МАлыш повернул голову и соизволил посмотреть. Смотрел так долго, что Кире стало неловко, и она натянула обратно футболку.

— Эй, погоди! — возмутилась Лялька. — Так красиво. Киир... покажи еще.

Теперь Кира лишь слегка задрала вверх рукав. Макс отвернулся в сторону залива и снова замолчал. Рок-группа, надо же. Библиотекарь, рок-группа... Что еще? Бухарское ханство — шкатулка с сюрпризами. Сюрпризов Макс не любил. Какой архитектор любит сюрпризы? Все должно быть просчитано и предусмотрено. Иначе проект — дерьмо.

— Значит, ты — ударница? — вопрос отвернувшегося Макса прозвучал внезапно.

— Ударница бывает социалистического труда, — Кира ответила тоже резко. — А тот, кто играет на ударной установке — ударник. Женского рода не бывает.

— Сам ты ударница! — неожиданно поддержала Киру Оля. — Киир... А где вы выступали? У вас были клипы? Альбомы?

Кира рассмеялась — немного деланно.

— Да ты что! Это была обычная группа из подворотни — в Питере таких вагон и маленькая тележка. Немножко поиграли и разбежались.

— Правда? — Лялька слегка приуныла. А потом снова воодушевилась. — А у вас солист был?

— Конечно. Какая группа без солиста?

— Как его звали? Он был красивый? — сыпались вопросы.

— Смазливый как черт. Звали его... Лекс. — Кира отвечала негромко. Неохотно.

— Ой! А у тебя фотки его остались?

— Где-то вроде были, — вздохнула Кира. — Оля, а что ты слушаешь? Покажи, какой там у тебя еще музон в телефоне.

Вскоре ударили очередные зубодробительные ритмы из Лялькиного телефона. Впервые Макс был этой музыке рад.

* * *

— Куда это мы намылились?

— В гости, — сестра расчесывала волосы перед зеркалом.

— Оля, какие гости? — Макс опешил. — Ты в Питере никого не знаешь!

— Меня Кира в гости пригласила. Она обещала показать фото их группы. И дарбуку. И поиграть мне на дарбуке!

Вот это новости. Когда успела с Кирой договориться? Да когда вообще они все это успели проверить?!

— Дарбука? Что за дарбука? — он спросил это, чтобы что-то сказать.

— Это такой барабан восточный. На нем руками играют. Кира обещала показать.

— А меня предупредить? — Макс, наконец, собрался с мыслями. — О том, что ты куда-то собираешься?

— Зачем?

Ничего себе постановка вопроса! Макс сразу не нашелся с ответом, а вредная Лялька продолжила.

— Ты что, Кире не доверяешь? Тем более, тебя в гости не приглашали. О! — Лялька выглянула в окно. — Вон Кирюха подъехала.

— Какая она тебе Кирюха?! — дурдом сплошной. Макс подошел к окну. У подъезда и в самом деле стоял знакомый серый «субарь».

— Она мне разрешила так ее называть! Все, я побежала. Кира меня обратно привезет.

— Оля... — совершенно невоспитанный ребенок, не считающийся с мнением старших! — Ты даже не поела! — это был последний аргумент, рудиментарный, из детства, в духе Нины Федоровны.

— Кира сказала, что напекла ватрушек с творогом. Если она разрешит, я тебе привезу парочку — хоть вкуснятины поешь. Все, пока! — ошарашенного Макса чмокнули в щеку, и через пять секунд он остался один в квартире.

Его, значит, не пригласили. И, если Кира разрешит, ему привезут пару ватрушек с творогом. Да и пусть катится! Зато он отдохнет дома пару часов от этого кошмарного ребенка. Порнуху посмотрит. И подрочит — а то совсем крыша едет, от одного голого плеча накрыло стояком так, что пятнадцать минут пришлось сидеть, отвернувшись вполоборота.

Но вместо порнухи на экране ноута был открыт автокад с текущим проектом, и именно с ним Макс и трахался до приезда Ляльки — как самый распоследний задрот в самом худшем смысле этого слова. А потом они пили чай, Лялька трещала без умолку, а Макс уминал ватрушки с творогом. Вкусные, блин.

* * *

— Здравствуй, мам, — Макс отложил сковороду. Раз мать звонит — разговор не на две минуты. Отхлебнул молока из бутылки и устроился на табурете, подсунув под себя ногу.

— Здравствуй, мой хороший. Как ты — оклемался после визита младшей сестры?

— Все нормально, мама. Как там чудовище? Осталось довольноно?

— Вижу, Олька тебя порядком утомила, — рассмеялась Нина Федоровна.

— Да нет, — ответно рассмеялся сын. — Ты же знаешь, это я любя. С нетерпением жду, когда у нее кончится этот кошмарный возраст, и она станет нормальным человеком. И с ней можно будет нормально общаться.

— Ты в ее возрасте был поспокойнее, — согласилась мать. — А Оля страшно довольна, уже скучает по тебе.

— Я тоже скучаю по мелкой, — не моргнув глазом, соврал Макс.

— Слушай, Максимка... — начала мать как-то неуверенно. — Оля сказала, у тебя девушка новая? Кира, кажется.

— Нууу... — не то, чтобы такой слив информации от Ляльки был неожиданным. Но Макс все же не подготовился.

— Ляля говорит, что она очень... эээ... необычная девушка. Музыкант, что ли. И... татуировка у нее. И она курит...

— Послушай, мам, — Макс вздохнул. — У твоей дочери слишком буйное воображение. В том смысле, что про Киру все правда — только она не музыкант, а риэлтор, а музыка — так, хобби. Но дело не в этом. Она просто... да просто! Я с ней познакомился, когда квартиру покупал. Это просто... знакомая. Ну, или... друг. Как Костя.

— Да ты передо мной не оправдывайся, сын, — вдруг твердо, неожиданно твердо после

предыдущих неуверенно прозвучавших слов сказала мать. — Главное, чтобы тебе она нравилась. Тебе же с ней жить. Лялька, кстати, от Киры в восторге.

— Мама! — Макс не выдержал и резко встал на ноги. — Какое «жить»? С кем — «жить»?! Мне еще и жить-то негде, я весь в ремонте, да и вообще... Фантазерки вы с Лялькой!

— А у Светы в феврале, Бог даст, второй родится.

Макс не сразу сообразил, о чем речь — такой резкой была смена темы разговора. От самого Макса — к его сводной сестре Светке, уже осчастливившей отца одним внуком. Светка была младше его на два года.

— Поздравь от меня Свету, — наконец сообразил сказать Макс. — Очень рад за нее, Серегу и дядю Мишу.

— И я за них рада, сынок. А за себя я когда буду радоваться? За своих собственных внуков? — вздохнула в трубку мать.

— Мам... — Макс прокашлялся. — Ну что ты опять? Все нормально. Как только, так сразу. Мне пока некогда. Ну что ты... — он замолчал.

— Ладно, — еще раз вздохнула мать. — Ты взрослый, тебе виднее.

Макс положил телефон на подоконник и с отвращением посмотрел на сковородку. Задраило его уже готовить — терпеть не мог этого. Все равно получается невкусно. А Макс любил, когда вкусно. Например, как ватрушки с творогом.

Снова потянулся за телефоном. Не будет он готовить очередной омлет. Лучше суши закажет. Быстрее и вкуснее.

* * *

Что бы там не думали эти господа директора, а в сентябре она идет в отпуск! Они отдыхали летом, а Кира рванет в бархатный сезон куда-нибудь на Черное море. Денег, правда, нет пока, и не предвидится особо, но, в конце концов, можно и в кредит взять путевку. Ей срочно нужно на море — в психотерапевтических целях. Правда, пару лет назад этот рецепт не сработал — попытка закрутить курортный роман с вполне симпатичным бизнесменом средней руки из Воронежа провалилась. Симпатичным он ей казался, пока они не очутились в одной постели. А там раздражать стало до тошноты все — как он дышит, как прикасается, какие у него волосы, губы, руки — бесило все! Какое уж тут удовольствие. Не сработало. Кроме отвращения — ничего. Первый раз стал и последним, а Кира потом курила сигарету за сигаретой на балконе своего номера, пытаясь избавиться от чувства натуральной дурноты.

Что так все сложно-то у нее с сексом, а? Есть же счастливые люди, у которых все это происходит просто и естественно. А Кире Артуровне надо непременно из этого сделать вселенскую проблему. То со знаком «плюс», то со знаком «минус».

Но, возможно, во второй раз выйдет лучше? Еще теплое море, пара недель безделья и какой-нибудь симпатичный, на две недели так же свободный от забот мужчина. Из Сургута, Волгограда или Красноярска. Главное, чтобы не из Питера. Чтобы никаких, даже минимальных шансов встретить его потом, после.

Да, это именно то, что нужно. Чтобы не пялиться на обтянутую бриджами задницу всяких там архитекторов. Чтобы не бросать незаметные (причем, не факт, что это именно

так, и что ее не попалили) взгляды на его ширинку и гадать — какой он там? На первый взгляд выглядит внушительно. И чтобы ватрушки ему, мерзавцу, не печь — это вообще уже ни в какие ворота не лезет! А ватрушки, как назло, вышли образцово-показательные — пышные, румяные, вкусные.

В общем, решено. Кира в сентябре едет на курорт. Мужчина ей нужен. На две недели. Чтобы потом, дальше, жить спокойно. А шановный пусть со своей Яночкой милуется. Или кто там у него сейчас.

* * *

Такси за его спиной только что отъехало. Какого, спрашивается, он вообще сюда явился? Ведь водитель сказал, что не успеют. И не успели. Благовещенский разведен, Дворцовый разведен. На Биржевой или Тучков... нет, тоже не успеют.

Макс устало привалился к парапету Английской набережной. Стал накрапывать мелкий дождик — частый питерский гость. Макс поежился. Все он с самого начала этого вечера делал не так, неправильно. Не надо было ехать с Костяном в клуб. Не надо было там столько пить, и чего — текилы! Ведь он ее не переносит совсем. Не надо было ехать потом к этой Юлечке. Чтобы там так облажаться.

Нет, это текила виновата, однозначно. У него. Впервые. В жизни. Не встал. По-крайней мере, сразу. В общем, когда дело дошло уже до трусов, Макс едва успел отстраниться от шаловливых рук. Потому что сообразил вовремя, блин. Что трогать там нечего. Там все спит! Несмотря на страстные поцелуи и вполне годное женское тело рядом. Обычно к тому моменту, когда дело доходило до снятия белья, содержимое этого белья уже всю намекало, что рвется в бой. Но не в этот раз.

Пришлось фиксировать Юленьке ручки якобы в порыве страсти и срочно соображать, чего б такого представить похабного, чтобы исправить положение. А вместо порнухи он вспомнил плечо с татуировкой в виде совы. Абсолютно голое до самой шеи плечо, а, значит, бюстгальтера на Кире в тот день не было. Только она, без всего, под этой смешной футболкой с Гомером Симпсоном. Макс представил, как медленно задирает эту майку на ней, как другой рукой сжимает гладкое загорелое бедро у самой границы возмутительно коротких шорт и... Ну наконец-то!

Но под закрытыми веками он по-прежнему видел это плечо с татуировкой совы. Именно из-за него он, в конце концов, смог кончить. Именно из-за него собрался и ушел, после пары невнятных извинений. Именно из-за этого плеча он стоял сейчас перед разведенным Благовещенским, чьи поднятые пролеты словно укоряли его. Говоря о том, что все он сегодня сделал неправильно.

Макс вздохнул. Варианта два. Или больше часа ждать промежуточной сводки Благовещенского. Или... Макс достал телефон. Из клуба Драгин уехал с какой-то блондинкой. Остается надеяться, что Костя уже отстрелялся. Не куковать же Максиму час на улице?

— Макс, ты охренел?!

— Ты дома?

— Дома! Сплю, между прочим. Эй... Что-то случилось?

— Скоро буду у тебя.

Отбой. Оглянулся на воздетые в немом укре ладони Благовещенского моста. Мосты разведены. Разведены мосты. И что хочешь, то и делай.

Объект восьмой: Приморский проспект

— Я реву...
— А я не реву.
— Вот и не реви.

— Здравствуй, мой пушистик. Да, это я, твой сладкий зайчик, — Костя рассмеялся, а Максу захотелось надеть наушники. Воркование Драгина с его многочисленными «пушистиками», «лапулями» и «красотками» жутко раздражало. В последнее время Макса вообще раздражало все, а больше прочего Боря Зеленский — их ГИП. Удавить бы гада — да уж больно специалист хороший. Между тем, Костян продолжал довольным тоном: — Я привез тебе роскошный подарок из Мадрида, детка. Да, мне тоже очень жаль, что у тебя не получилось. Встретимся сегодня? Ты ж моя сладкая девочка... А что у нас там с кредитом, лапуля?

Макса это могло сколько угодно бесить, но эффект от этих многочисленных Драгинских «лапуль», разбросанных по банкам, страховым компаниям, инвестиционным группам и прочим денежным местам, был. Именно Костя обеспечивал их бизнес деньгами — и справлялся с этим прекрасно. Костя вообще отличный специалист в своем деле, и друг прекрасный. Просто Макса в последнее время все раздражало.

Между тем, Драгин распрощался с очередной лапулей и снова принялся кому-то звонить. Макс взялся за наушники. Еще одну «кисулю» он не переживет. Но когда Костя заговорил, тон его неуловимо изменился.

— Здравия желаю, Кира Артуровна, — тут Макс отложил в сторону наушники. — Занята? Понял, я коротко. Кирюша, а ты помнишь про мою просьбу? Нет, не смотрел еще почту. Отправила? Ты ж моя сладкая... Все-все, не отвлекаю, целую ваши пальчики на руле! Еще раз спасибо! Пока.

Драгин уткнулся в монитор. Макс терпел ровно минуту.

— Что за дела у тебя с Кирой?

Константин не торопился с ответом, что-то сосредоточенно изучая на экране.

— Костя!

— А? Чего? — Драгин обернулся. — Кира... А, Кира. Я у нее кое-какую аналитику попросил — ну, по тому району, по последней площадке, помнишь? Вот, прислала. Умница девочка — все четко и понятно разложено. Лучше ни у кого не видел. Где она данные берет, интересно?... Но у Киры Артуровны все как в аптеке. А что?

— Ничего, — буркнул Макс и нацепил наушники. У всех дела с Кирой. Его собственная сестра была у нее в гостях. Его лучший друг и партнер по бизнесу запросто звонит ей. А вот сам Макс...

А сам Макс ей не звонил. И это не было случайностью. Это было решением — не очень внятным, но неоспоримым. Потому что каждая встреча с ней была подобно шагам по болоту. Шаг — и ты проваливаешь в топкое, но вытаскиваешь ногу. Еще шаг — и погружаешься уже по щиколотку, но снова вытаскиваешь — еще можешь. Снова шаг — и ты уже по колени, и сердце екает, но как-то умудряешься вытащить ногу. И так и стоишь на одной ноге. Что делать дальше? Повернуть назад? Потому что следующим шагом тебя затащит в трясины окончательно. Уже не освободишься.

А он к этому был не готов. Нет, даже не так. У него не было твердой базы под ногами — чтобы лезть в это, затягивающее. Ну, позвонит он ей? Привет, как дела? Дальше что? Кино, прогулка, ресторан? Чушь. Пригласить в гости? Куда? Он не мог себе представить Киру в этой квартире — в этом временном логове. Это в принципе в его голове не укладывалось — Кира и что-то временное, непостоянное, на один раз.

Это было глупо, инфантильно, несерьезно — но Макс почему-то решил, что все изменится, когда он переедет. У него будет свой дом. Именно такая квартира, о которой он мечтал. Где все будет так, как он придумал. Так, как он рассказывал и обещал ей. И он пригласит ее и покажет. А потом... А потом посмотрим. Будет квартира — тогда и начнем. Как любил говорить к месту и не к месту его преподаватель по архитектурному проектированию: «Будем плясать от печки». Вот сделает он себе печку — тогда и начнет плясать. Поди никуда не денется Кира Артуровна за это время.

Отличное решение. Учитывающее все факторы. Если бы еще Костян не звонил Кире прямо при Максе.

* * *

Ковровое покрытие. Гранит столешницы. Не там сделали разводку для розеток, балбесы. Федор умудрился разбить бачок от итальянского унитаза. Теперь еще две недели ждать, пока привезут новый. Плитка оказалась не того цвета, что в каталоге, но менять уже не будет.

Диван. Диван порадовал — то, что и заказывал. И кровать тоже. А холодильник привезли с вмятиной — снова замена. В общем, было всякое, и ни разу не скучно.

Только когда вблизи замаячила перспектива скорого переезда, Макс понял, как вымотался с этой покупкой квартиры и ремонтом. Даже радости особой не было — только усталость. Или это уже подступает осенняя хандра? Сентябрь наступил незаметно, нежданно-негаданно в один из дней улицы расцвелись радостными первоклашками с яркими букетами. Вот и первое сентября наступило — он и не заметил, как.

Он даже не отмечал новоселье — тихо переехал и все. Посидели в первый вечер с Костяном, пива попили — и все. Вот немного придет в себя, обживется — тогда пригласит Киру в гости. Он же обещал ей показать, как все выйдет. А вышло здорово. Только устал очень сильно.

* * *

Новая, с любовью и знанием дела спроектированная кухонная зона все равно не сподвигла Макса на кулинарные геройства. Он за все годы самостоятельной жизни так и не научился готовить. То есть, с голоду не пропадал. Но вкусно и по-домашнему, как у матери — не получалось никогда. И не научится уже, видимо. Так что кухонная зона использовалась процентов на десять от того, что в ней можно было творить.

У Макса было другое любимое место в квартире — на полу, перед панорамным окном с видом на Финский. Там валялись подушки и было его гнездо. Но одним видом на Финский сыт не будешь, и сегодня Макс решил себя побаловать ужином в «Бориске». Суши уже

осточертели, омлеты тоже.

Он успел сделать заказ, успел даже достать планшет и привычно поковыряться в почте. А потом заметил. И сначала решил, что ему показалось. Что обозначился. Нет, Козикова Макс узнал сразу. Но вот в разрисованной кукле Киру было опознать довольно сложно. Но это все-таки была она.

Платье, короткое, на тонких лямках, больше напоминающее ночную сорочку, чем одежду, в которой принято выходить «в люди». В таком проститутки на промысел выходят в районе «Прибалтийской», а не приличные девушки в ресторан. Какие-то идиотские кудряшки. Густо накрашенные глаза и губы. Неестественно громкий смех. Макс, не веря собственным глазам, проводил взглядом опрокинутую в рот рюмку, потом посмотрел, как Кира слизнула с руки соль. Как потом ее в тоже место, которое она лизнула, поцеловал Козиков. Ну, точно. Пьяная. Вот это цирк-шапито!

Макс резко отодвинул стул, бросил на стол салфетку. Кивнул подошедшему официанту, чтобы ставил заказ на стол, и двинулся в сторону Влада и Киры.

— Влад, привет.

Козиков явно не слишком обрадовался Макс, но с места поднялся, руку пожал.

— Макс, рад видеть. Как говорится, место встречи изменить нельзя.

— Это точно. Хочешь кого-то найти — зайди в «Бориску», — Макс, не дожидаясь приглашения, сел напротив сладкой парочки. — Кира Артуровна, мое почтение.

Она, наконец-то, посмотрела ему в глаза. Темные. Черные. Пустые. Лишь на краткий миг ему показалось, словно что-то промелькнуло в ее глазах. Будто на мгновение он увидел спрятавшуюся в шкаф от грозы маленькую девочку.

— Здравствуйте, Максим.

Медленно. Чуть ли не по слогам. Да она просто в хлам. В дым. В лоскуты. Что тут, мать вашу, происходит?!

— Отмечаете очередную успешную сделку? — Макс через силу улыбнулся, хотя по внутреннему ощущению это было похоже на спазм лицевых мышц.

— Нет, — хохотнул Козиков, и рука его недвусмысленно легла на Кирины плечи. Пальцами аккуратно на сову. — Мы тут с Кирочкой по личному делу.

Тварь. Мало того, что он лапает Киру! Так он еще и не собирается скрывать свои планы в отношении ее. Костя рассказывал, что у Козикова бешено ревнивая жена — и этот г*гдон просто подставляет Киру, вот так вот появляясь с ней в «Бориске», где каждый день встретишь то одного, то другого знакомого.

— Ясно, — каким-то чудом Макс умудрился даже изобразить подобие улыбки. И с места не сдвинулся, сделав вид, что намек не понял. — Как там наш вексель? Когда планируешь подкинуть нам работу? Как раз сейчас у нас есть ресурсы — с удовольствием попроектируем для тебя.

Это все было сплошное вранье. Макс, было плевать на вексель — это головная боль Кости. И работой обе проектные группы загружены еще на несколько месяцев вперед. И вообще ему не хотелось ничего обсуждать с Козиковым. Единственное, что его интересовало — девушка напротив. Кира-мать-твою-Артуровна, что ты творишь?!

Они еще обменялись с Козиковым какими-то совершенно не отложившимися у Макса в голове репликами. Макс сверлил Киру взглядом — на грани приличия. Она же больше не смотрела на него — опустив голову, ковырялась в тарелке. Сидеть дальше было уже невежливо — Макс, дали понять, что встреча носит частный интимный характер. Ладно.

Ему надо подумать. И посмотреть на развитие событий.

* * *

— Кира, мне надо с тобой поговорить.

— Валяй, — Кира не утрудилась соблюдением элементарного делового этикета. Потому что Кира была злая. Ей не дали отпуск. Видите ли работы много, и как же, и куда же, ну подумай сама, Кирочка... И клиенты, как назло, поперли — словно прятались где-то до сентября. Конечно, это, с одной стороны — хорошо. Денег заработает. А с другой — нервы она так и не вылечила. Поэтому Кира злая, и виноваты в этом двое: ее шеф и сестра. Нет, был еще третий виноватый, но о нем она предпочитала не думать. Он о ней не думает, и она о нем не будет.

— Давай после работы посидим в кафе? — Оксана странным образом проигнорировала такое вопиющее отсутствие пиетета в свой адрес.

— Я не знаю, как у меня вечер сложится: могут позвонить по одной квартире — вчера договаривались.

— Тогда пойдем прямо сейчас — сейчас ты ничем важным не занята? — Оксанина покладистость ошарашила.

Ничем важным, в принципе. Точнее, ничем срочным — промежуточный отчет, аналитика, возня с цифрами. В последнее время Кира находила какое-то мазохистское удовольствие вковырянии в цифрах. А раньше ее это просто бесило. Старее?

Кира сначала хотела все это изложить Оксане — о том, что они на пару с Козиковым регулярно трясут с нее аналитику, и работает Кира, собственно, на них и так далее. А потом передумала. Оксана решительно настроена на разговор. Себе дешевле выслушать дорогую кузину — все равно не отцепится. Кира резко встала со стула.

— Пошли.

* * *

Неподалеку от офиса очень удачно располагалось «Штолле» — Кира весьма ценила их выпечку. И не удержалась — заказала себе шоколадную булочку с маком, хотя, в общем-то, была не голодна. Оксана аскетически ограничилась чашкой чаю, Кира, в противовес, заказала кофе. Можно приступать к экзекуции.

— Ну? Чего надо?

— Кира... — Оксана поморщилась. — Ты почему такая грубая?

— Я не грубая. Я злая. Разницу улавливаешь?

— Почему?

— По кочану! Вы отдыхали все лето. А я не человек, мне отпуск не положен!

— Кира, ну ты же видишь — сейчас работы много. Тебе самой это выгодно — столько сделок. Это же твои комиссионные.

— От работы дохнут кони! — Кира впилась зубами в булочку. — Ну, а я — бессмертный пони.

— А кто тебе мешал летом отдыхать?

— Вот это да! — Кира резко откинулась на стуле, сложила руки на груди. Внутри поднималась ярость, но пока Кире удавалось направлять ее в русло злой иронии. — Неужели я столько стою?

— Я тебе говорю — он по тебе с ума сходит! А ты ломаешься как девочка! Я пообещала Владу, что поговорю с тобой, — Оксана не замечала, что стала говорить громко и запальчиво. — Это выгодно всем — Владу, тебе, мне!

— Охренеть... — Кира медленно покачала головой. — Все-таки я слепая... Слушай! — она резко выпрямилась. — Ну ладно, Козиков — он придурок, если его на меня потянуло. Не знаю, с чего бы такая страсть на пустом месте — но я не психиатр, диагноз ставить не буду. Но ты-то, звезда моя, Оксана Сергеевна, ты-то чего дуру включила?

— Что ты имеешь в виду? — тон у Оксаны сердитый.

— Он же тебя кинет. Какие пятьдесят процентов? Не смейся мои извилины. Ради меня? — Кира фыркнула. — Не верю. Не пустит он тебя в дело на пятьдесят процентов.

— Ты не все знаешь о наших отношениях, — резко ответила сестра. — Поверь, я понимаю, что делаю. Не стала я бы зря перед тобой... — тут Оксана осеклась. — В общем, на этот счет можешь быть спокойна.

— Ой! — Кира прижала ладонь к вырезу рубашки. — Спасибо! А я так волновалась, так волновалась... Как бы ты на бобах не осталась, дорогая моя!

— Да можешь смеяться сколько угодно! — вдруг сорвалась почти на крик Оксана. — Что ты знаешь о том, как растить одной ребенка? Ты одна, тебе не надо ни о ком заботиться! А у меня сын, мне нужны надежные финансовые гарантии, чтобы обеспечить ему все необходимое.

— Сейчас начну рыдать прямо здесь, — Кирина взгляд на сестру был тяжел. — Только сначала скажу кое-что. Если Вадик в самом деле в чем-то сильно нуждается — скажи. Я помогу. Он все-таки мой племянник. А Козикову передай, что либо он забывает о перспективе затащить меня в постель, либо пусть вообще забывает обо мне как о сотруднике. Потому что после малейшего подката с его стороны я пишу заявление об увольнении. Спать я с ним не буду.

Теперь уже Оксана откинулась на стуле назад и зеркальным жестом сложила руки. Идеально покрашенные розовато-бежевой помадой губы скривились.

— Порядочную вздумала из себя строить? Думаешь, отмылась?

Кира всегда соображала быстро. Но тут... тут она просто не смогла поверить сразу. Но внутри, в районе солнечного сплетения что-то ледяное ухнуло, расколосось на тысячи холодных острых осколков.

— От чего... отмылась?

— Ой, да хватит непонимание изображать! — рассмеялась Оксана — зло, с издевкой. — После стольких мужиков... Сколько их у тебя было? Двадцать? Тридцать? Пятьдесят? И после этого ты не можешь лечь под одного — приличного, порядочного, который тебя любит и будет с тебя пылинки сдувать. Смешно, Кирочка, смешно! — и Оксана победно улыбнулась своим полными красивыми губами.

А вот у Киры губы онемели. И сказать смогла далеко не сразу.

— Откуда... ты... знаешь?

— В семье грязное белье не спрячешь, дорогая сестричка, — Оксана презрительно скривилась. — Это перед другими ты можешь недотрогу изображать. А я-то знаю. Черную кошку добела не отмыть никогда.

Это был удар под дых — неожиданный и болезненный до тошноты. Съеденная шоколадная булочка с маком взбунтовалась в желудке. Довольное лицо сестры стало расплываться в мутное пятно. Кира поняла, что еще чуть-чуть — и она сделает что-то ужасное, по-настоящему ужасное. И поэтому опрометью вылетела из кафе.

В себя она пришла в районе поворота на Приморский. Как садилась, как заводила машину, как ехала — без понятия. Включился автопилот. Сама Кира просто дышала. Училась дышать заново в состоянии, когда тебя переполняет острый стыд за когда-то давно сделанное. И невыносимо горькое чувство сожаления о том, что нельзя вернуть все назад. И не делать того, что ты уже сделал. Как бы она хотела... Сколько бы отдала... чтобы вернуться хотя бы на пять минут туда, в прошлое. Ей бы хватило пяти минут — чтобы отвесить себе тогдашней пару оплеух. И доходчиво объяснить, что делать можно, а чего нельзя ни в коем случае. Если не хочешь жить потом в грязи всю жизнь.

* * *

— Кирюша, ты сегодня рано, — входная дверь открылась. Это с работы вернулась мать. Раиса Андреевна взгляделась в бедное лицо дочери, привалившейся плечом к косяку, и улыбка сползла с лица капитана Биктагировой. — Кирюша, что-то случилось?

— Мам, зачем ты ей рассказала? — голос Киры звучал устало и безучастно. — Зачем, мама?

Эксперту-криминалисту потребовалось бы секунд пять, чтобы сообразить, о чем речь. А материнское сердце учуяло беду сразу. Раиса Андреевна поставила сумку на стул, вздохнула и потянула платок с шеи.

— Я не знала, что делать, девочка моя... — голос матери тих, едва слышен. — Я просто не знала, что тогда делать с тобой... Наташа — моя сестра, ближе ее у меня никого нет. У кого я могла просить помощи... совета?

— Ты рассказала дяде Паше!

Раиса Андреевна подвинула сумку, тяжело села на краешек стула.

— Паша очень тебя любит. Как дочь. Он никогда не осуждал тебя. Он, знаешь, сказал мне, что собственными бы руками этого Лекса твоего...

— Вот и пусть бы только дядя Паша знал! — пустой и безжизненный голос сменился криком. — Зачем ты Оксанке сказала?! Зачем?!

— Кирюша... Я только Наташе... Я Оксане ничего не говорила. Да что случилось-то?

— Ничего... — тихо и тоскливо прошептала Кира. Повернулась, прижалась затылком к дверному косяку. — Ничего. Ничего.

Сползла по косяку вниз. Уткнулась лицом в колени. И разрыдалась.

Раиса кинулась к дочери, неловко устроилась рядом, на полу. Гладила по голове, шептала что-то невразумительное, ласковое, успокаивающее. И сама тоже плакала. Совсем как тогда, десять лет назад, когда они вот так же сидели на полу в ванной и ревели, обнявшись.

* * *

На циферблате — два. Два ночи. Негромко тикают часы. На чистой кухне у окна, завернувшись в тонкую шаль, сидит женщина. Смотрит в окно. Просто чтобы куда-то смотреть. Там темно. Черно. Так же, как в мыслях женщины.

Щелкает замок входной двери. Женщина резко встает с места и идет в прихожую. Пришла дочь. Растрепанные темные волосы. Размазанная тушь. Засос на шее. Мать делает шаг, потом еще один. Морщится — дочь вся пропахла спиртным, табаком и резким запахом чужого, мужского парфюма. Снова. В который раз.

— Ну, давай, — Кира пьяно качается, опирается ладонью о стену. — Давай, начинай мне читать нотации.

Терпение капитана Биктагировой лопается. И она отвечает дочери звонкую пощечину. Потом еще одну. И еще.

Кира молчит. А потом ее губы начинают дрожать. Резко скинув обувь, она хлопает дверью ванной. Скоро оттуда доносится звук льющейся воды. Присев на краешек стула, Раиса Андреевна устало прячет лицо в ладони.

* * *

Смыть с себя все. Чужие запахи. Чужой вкус. Чужие руки. Чьи-то слюна, пот, сперма. Зачем ей это все? Зачем она это делает? Но что-то толкает дальше, несмотря на все чувство отвращения к себе после. Идти вперед. Дойти до края. Или доказать себе, что она и в самом деле — такая. Убить в себе все, что еще сопротивляется. И стать той, какой, не задумываясь, сделал ее Лекс.

Трет кожу до красноты, так, что больно становится. Боль немного отрезвляет, сдувает туман алкоголя с мыслей. И становится еще стыднее и гаже. Она трет мочалкой еще сильнее. Кожа горит. Плечо горит. Стереть бы эту татуировку. Стереть бы память. Все стереть.

Резко выворачивает кран влево. Теплую воду сменяет ледяная струя. Кира отодвигается в дальний край ванной, но воду теплее не делает. Сидит, обняв себя за колени, трясясь от холода и покрываясь пупырышками. Сидит, мерзнет и трезвеет. Только слезы из-под ресниц — горячие.

Дергается дверная ручка. Голос матери из-за двери окликает. Кира лишь сильнее прижимает лицо к коленям. Ей нечего сказать матери сейчас. Ей просто стыдно и хочется побыть одной. Голос звучит все настойчивей, громче, слышно, как все сильнее дергается ручка.

Мама, пожалуйста, не сейчас. Оставь меня в покое сейчас. Я знаю, что я дрянь. Но давай поговорим об этом утром?

Хлипкий шпингалет с хрустом вырывается из косяка. Дверь со стуком отлетает в сторону.

— Кира, почему ты не открываешь?!

Кира машинально прикрывает себя руками, хотя это всего лишь мать. Которая видела ее голенькой в детстве. Которая дала ей жизнь.

— Мама... Ты чего?... Что случилось?

Взгляд Раисы Андреевны сканирует фигуру дочери, сидящей в ванной и прикрывающейся руками. И почему-то именно на руки — особенно пристально смотрит. А потом взгляд резко перемещается к полочке под зеркалом, где стоит стаканчик для щеток...

крем... бритва. И Кира вдруг понимает, почему оказался сломанным шпингалет на двери в ванную.

— Мама! Ты что подумала?! Что я тут вены себе режу?! — тот алкоголь, что не выветрился после ледяной воды, испаряется сейчас — под действием адреналина. — Кто режет вены безопасной бритвой!

— Все можно сделать — было бы желание... — Раиса Андреевна вдруг хватается рукой за косяк и медленно оседает на пол. — Ты прости меня, родная, за то, что я тебя ударила. А ты тут так долго... не отвечаешь... Полгода назад в Калининском районе случай был... суицид как раз безопасной бритвой. Не успели... не спасли мальчика... — Раиса Андреевна приваливается боком к серой плитке и прикрывает глаза. Медленно стекает из-под ресниц слеза. Одна, вторая. — Хорошо, что я ошиблась. Ты прости меня, Кирюша. Прости, доченька.

Кира встает. Ее трясет от холода и стыда. Протягивает руку, кое-как кутается в полотенце. Держась за стену, выбирается из ванной и садится на пол, рядом с матерью. Утыкается носом в материнское плечо.

— Мам... Это ты меня, дуру, прости. Все хорошо. Правда, — переплетает свои пальцы с мамиными. — Не плачь. Пожалуйста, не плачь. Я больше не буду.

— Господи, руки ледяные, Кира! — мать сжимает ее пальцы сильнее. — Пойдем под одеяло, в постель.

— Нет, — мотает головой дочь. — Ты лучше обними меня крепче, мама. И скажи, что любишь, хоть я и дрянь.

— Люблю, конечно! — материнские руки обнимают тонкие плечи дочери. — И не говори о себе глупостей. Ты у меня самая лучшая. Просто тебя обидели.

Кира всхлипывает, прячет сильнее лицо в тонкую шаль на маминых плечах.

— Поплачь, родная, поплачь.

И в ту ночь ледяной осколок, что попал ей в глаза, и из-за которого Кира видела себя в искаженном, уродливом свете, вышел со слезами. Но второй, попавший в сердце, оставался там еще долго. И человек, вытащивший этот осколок, оказался героем совсем другой сказочной истории, не имеющей никакого отношения к осколкам зеркала злого тролля.

Объект девятый: Казанский собор

Пустяки! Дело-то житейское!

Она прошла метрах в трех от него. А он все гадал — упадет или нет? Штормило Киру Артуровну на девять баллов — как характеризовал подобное состояние Семен Семеныч Драгин. Неудивительно — да еще на таких каблуках.

Интересно, куда она? В туалет? И тут же чертыхнулся про себя. Тупит. Плащ, сумочка на плече. На улицу, курить. Макс бросил взгляд в сторону Козикова. Влад с довольным видом уже с кем-то говорил по телефону. Вот и отличненько. Макс поднялся с места. Самое время задать Кире Артуровне пару вопросов.

Она действительно была на улице. И действительно курила.

— Ну и как это понимать? — Макс не стал утруждать себя преамбулами — на улице не лето, а он в рубашке, без куртки.

Кира задрала голову, выстрелив вверх струей дыма.

— Небо ясное...

— Чего?

— И звезды такие крупные...

— Кира! Какие звезды?!

— Кажется, это Кассиопея. Мне дядя Паша показывал... В виде буквы «W». Ты видишь ее?

Ошарашенный внезапным уроком астрономии Макс промолчал.

— Тиха сентябрьская ночь... — неожиданно и нараспев продекламировала Кира, все так же глядя вверх. — И звезды быстро поредели. Играл ли кто-то на свирели? И да, и нет, лихая дочь.

— Снова Евтушенко? — Макс старательно пытался не удивляться. Ничему не удивляться.

— Нет. Это Кира Биктагирова.

— Ты пишешь стихи?! — не удивляться не вышло.

— Какая же молодая влюбленная дура не пишет стихов?

— Кира! — он взял ее за плечи и развернул лицом к себе. — Что происходит? Почему ты здесь с Владом? Ты же говорила, что он тебе не нравится. Кира! У тебя с ним роман? Отношения? Что?! Стихи для него?!

Она снова запрокинула голову и хрипло расхохоталась. Макс тряхнул ее за плечи.

— Ай! — Кира схватилась за висок, чуть не подпалив себе волосы. — Не тряси меня!

Он отобрал у нее сигарету и отшвырнул в урну.

— Прекрати ржать и скажи толком: что у тебя с Владом?!

— Я хочу курить... — пробормотала Кира и полезла в сумочку. — Зачем ты у меня сигарету забрал?

— Я сейчас и все остальное заберу! — Макс чувствовал, что терпение стремительно покидает его. — Дай сюда и рассказывай!

— Не отдам! — она вцепилась в сумочку.

Ну не драться же с пьяной девицей из-за дамской сумочки? Максиму пришлось стоять и, стиснув зубы, терпеть. И наблюдать, как она достает пачку. Как вытряхивает из нее

очередную сигарету, уронив попутно несколько на мокрый асфальт. Как, нахмутив брови, разглядывает рассыпавшиеся сигареты у себя под ногами. Как потом прикуривает — с пятой попытки.

— Ну?! Что у тебя с Козиковым?!

— У меня с ним секс, — неожиданно четко ответила Кира.

— Давно? — ледяное, расплывшееся в груди, не имело ничего общего с тем, что он в одной рубашке стоит в сырых питерских сентябрьских сумерках.

— Сегодня, — она выдохнула дым через нос. — Будет. Надеюсь, текила подействует. И я не буду помнить, как это произойдет.

Она успела сделать несколько затяжек, прежде чем он заговорил. Прежде чем все, что он услышал и увидел сегодня в «Бориске», сложилось в один паззл.

— Он тебе противен?

Кира фыркнула.

— Но ты собираешь лечь с ним в постель?

Они кивнула.

— А теперь, внимание, вопрос! — каким чудом он еще не взорвался — это тоже был отдельный вопрос. — Зачем?!

Кира посмотрела на него, будто на ребенка.

— Потому что Оксана попросила.

— А Оксане это зачем? — Макс настолько опешил, что спросил, не думая.

— А Оксана хочет долю в бизнесе.

Абсурд. Полнейший абсурд.

— Хрен с ней, с Оксаной! — рявкнул Макс. — Ты сама это почему делаешь?!

— А потому что мне все равно — с кем и зачем переспать, — медленно и тихо произнесла Кира, глядя перед собой. — Потому что я грязь и шваль. И это для меня в самый раз дельце.

И чего он с ней разговаривает? Логика в словах Кире — ноль целых, ноль десятых. Да и вообще — какой спрос пьяной в дым женщины? Неет. Кира Артуровна сейчас положительно недееспособна, за свои слова и поступки не отвечает, а поэтому...

— У тебя что-то осталось в ресторане? — он оглядел ее внимательно. Плащ на ней, сумочка при ней. По идее, все важное должно быть там. — Телефон, кошелек, документы — все с собой? Что-то нужное осталось там, в «Бориске»?

— Угу. Тирамису. Я люблююю тирамисууу... — вдруг замурлыкала Кира. И продолжила неожиданно. — Майонееезом поливааать...

— КИРА!

— Влад заказал мне десерт, — она послушно перестала петь.

— К черту тирамису! Пошли, — он снова отобрал у нее сигарету и взял за руку. Потянул за собой. — Давай, трогайся с места, Кирюша. Включай первую передачу и медленно отпускай сцепление.

Она вдруг улыбнулась. И пошла. Но недолго. На полпути к машине Кира Артуровна заупрямилась.

— Максим, куда мы идем?

— Куда надо — туда и идем! — Макс понял, что разговаривать с Кирой в таком состоянии малоэффективно. В таком состоянии с человеком надо изъясняться языком простых команд.

— Не пойду! — вдруг выкрикнула Кира. И, едва Макс набрал в грудь побольше воздуха, чтобы уже начать орать, шагнула к нему, прижалась лбом ко лбу — только тут Макс сообразил, что на каблуках она одного роста с ним — и прошептала. — Не пойду к нему. Не хочу. Максимка... — вцепилась ему двумя руками в полочки рубашки. — Забери меня отсюда... Пожалуйста...

— А я что делаю?! — все-таки взорвался он. — Забираю! А ты не идешь!

— Не отдавай меня ему, Максим, пожалуйста. Не хочу... — теперь она прижималась щекой к его щеке и зашептала отчаянно. — Не отдавай. Не отдавай...

— Не отдам, — устало вздохнул Макс. Снова положил руки ей на плечи, чуть отодвинул, чтобы посмотреть в лицо. — Пойдем в машину, а, Кирюш?

— И ты меня увезешь?

— Увезу.

— Хорошо.

До машины они дошли без приключений. Хорошо, что электронный ключ был в кармане брюк, и «вольво» приветливо щелкнуло центральным замком, едва Макс положил ладонь на ручку двери.

— Давай, Кира Артуровна, садись в машину.

— А ты куда? — в Кире проснулась пьяная подозрительность.

— Мне нужно вернуться, — Макс медленно выдохнул. — Расплатиться. Взять вещи.

— А ты вернешься?

— Обязательно.

— Обещаешь? — она снова взяла его за полочку рубашки. — Ты, правда, вернешься? Обещаешь?

Это было бы так смешно. Если бы ее близость на него так не действовала. Вопреки всему и неправильно — действовала.

— Обещаю, — вздохнул Макс. — А теперь, Кирюша, будь хорошей девочкой и садись в машину.

Она доверчиво кивнула и отпустила его рубашку. Садясь в машину, не вписалась макушкой, но, кажется, не заметила. Макс наклонился к дверце.

— Сидеть тихо и ждать меня. Телефон отключить. Задача ясна?

— Так точно! — радостно кивнула Кира. — Ты только приходи быстрее, ладно?

Какая-то детская вера в ее глазах просто сбивала с ног. Макс резко кивнул и хлопнул дверью.

В ресторане первым делом нашел взглядом стол Козикова. Влад так и разговаривал по телефону. Вот и славно. Макс прошел к барной стойке и попросил счет. Все складывается удачно. Еще бы Кира Артуровна и в самом деле побыла немного хорошей и послушной девочкой.

* * *

Кира старательно исполняла роль хорошей девочки примерно треть дороги. А потом вдруг выдала:

— Мне плохо.

— В каком смысле? — Макс на секунду оторвался от дороги. — Как — плохо?

— Сильно плохо, — прохрипела Кира. — Сейчас тошнит.

Взвизгнув тормозами, золотисто-бежевое «вольво» прижалось к обочине. Резко открылась пассажирская дверь. Макс понял, что успел. Хотя... Как на это посмотреть. Сквозь лобовое стекло на него укоризненно взирал лес колоннады Казанского. Чуть ближе была остановка. А в ней — люди, которые тоже с неодобрением смотрели на то, как из остановившейся машины прямо на поребрик тошнит девушку. «А еще называемся культурной столицей» — явственно читалось на лице пожилой женщины с большим пакетом. Ну а что делать — если так обстоятельства сложились? Макс уперся лбом в руль, чтобы не смотреть на укоризненный Казанский. В голову пришла парадоксальная мысль, что, если бы Кира уехала с Владом, сейчас это была бы его головная боль. И секс бы Козикову вряд ли обломился. Мысль показалась Максиму не очень-то благородной, и он прогнал ее прочь. И тут снова стукнула дверь.

— Ты все? — он повернул голову. Кира была бледной. Тыльной стороной ладони вытирала губы и молчала. Черт! Салфетки.

Он перегнулся, открыл бардачок и протянул ей пачку влажных салфеток.

— Держи.

Она принялась вытирать — лицо, руки, яростно, с остервенением. Замялась, не зная, куда деть использованные салфетки.

— На пол бросай. В ноги. Потом уберу.

— Хорошо. — Кира вздохнула. — Спасибо. Извини.

— Ничего. Ты как? Не тошнит больше?

— Не знаю, — Кира вздохнула. — Голова кружится.

Макс вспомнил вдруг, что Янку иногда укачивало в машине. И что она какой-то спрей возила, чтобы не мутило дорогой.

— погоди, — он снова полез в бардачок. Пошарил там. — Ага! Есть. Держи.

— Что это?

— Спрей. Надо побрызгать, — Макс наглядно пшикнул в сторону. — От тошноты помогает. Какие-то эфирные масла там, что ли.

В салоне запахло приятно и свежо — цветущим лугом. Кира потянула носом.

— Клаааасс...

— Держи, — он втиснул ей в ладонь маленький баллончик. — Если что — брызгай. Я поеду. Медленно. Чтобы тебя не сильно укачивало. Хорошо?

— Хорошо, — и еще раз повторила. — Извини.

Ехал он действительно медленно. И к тому моменту, когда они добрались до «Суоменлахти», Кира Артуровна всю сопела, не выпуская из рук спасительный баллончик с законсервированным ароматом цветущего луга. На легкое потряхивание за плечо никак не отреагировала. А кто обещал, что будет легко?

Нет, на самом деле, было довольно легко — потому что Кира избытком массы не страдала. Но пока они доехали до двадцать четвертого этажа, руки у Макса уже порядком затекли. И это счастье, что лифт работал — иначе ночевать бы им в машине!

Открыть дверь с девушкой на руках оказалось совершенно нереально, поэтому пришлось спустить Киру на пол. Стоять самостоятельно она отказалась наотрез, поэтому Макс вынужден был придерживать ее одной рукой, другой сражаясь с замком. Не очень аккуратно и уж точно совершенно неэстетично они ввалились в квартиру.

— Тебя больше не тошнит? — Макс прислонил Киру к стенке.

Она отрицательно помотала головой.

— В туалет хочешь?

Еще одно мотание головой.

— А чего хочешь?

— Спать.

Пришлось снова брать бухарскую принцессу на руки и тащить до кровати, чтобы там, наконец-то, складировать сокровище, добытое в неравном бою с Козиковым и текилой.

Кира лежала на спине, раскинув руки. В туфлях и плаще — на чистой постели. Безобразия. Макс стянул омерзительно пошлые шпильки с ее ног и отнес их к входной двери. С плащом пришлось повозиться. Кира никак не помогала и не мешала. Вообще не участвовала в процессе. Как кукла. Развезло, а потом и сморило ее на полную катушку.

Макс перекинул плащ через руку и тут заметил. В процессе ворочания тушки Киры Артуровны платье сбилось. Одна тонкая ляпка сползла с плеча, темная ткань ушла вбок. И обнажился сосок. Часть его. Треть. Или половина. Значит, снова без бюстгалтера. Макс долго смотрел на эту часть тела Киры — ту, что всегда была прикрыта одеждой, ту, которую видел впервые. Часть розово-бежевого кружка. Протянул руку, палец его скользнул под гладкую темную ткань. Он позволил себе погладить бархатистую кожу а потом... А потом натянул обратно на плечо ляпку. Он гребанный джентльмен.

Макс повесил плащ на плечики и принялся медленно расстегивать пуговицы на рубашке. Надо же переодеться в домашнее. Но при этом не сводил взгляда с девушки на кровати. И почему-то как-то глупо и неправильно ждал — совершенно необоснованно — что она сейчас откроет глаза. И оценит его пресс, плечи, бицепс и ягодицы — зря он, что ли, почти каждый вечер то на велотренажере, то на беговой дорожке, то со штангой приседает. Ни-фи-га. Не проснулась. Впрочем, странно и наивно было бы надеяться на это. Макс вздохнул и стал натягивать спортивные штаны. В ближайшие часы он предоставлен сам себе. Придется самому себя развлекать. Но для начала на всякий случай принес и поставил у кровати красный пластмассовый таз. И бутылку минеральной воды.

В телевизоре обнаружился хоккей. В холодильнике — упаковка «Хугардена». Устроившись на диване с пультом и бокалом пива, Макс погрузился в перипетии матча между «Авангардом» и «Локомотивом» в рамках Восточной конференции КХЛ.

Объект десятый: «Электросила»

Убедительно просим увести ваших детей от наших голубых экранов.

Сначала открылся один глаз. Потом — другой. Вокруг был полумрак. Откуда-то издали слышалось непонятное бормотание.

Кира прислушалась к своим ощущениям. Болела голова, но умеренно. Пить хотелось — смертельно. Инспекция памяти упорно подсовывала Влада с влажно поблескивающими губами и глазами. Кира негромко застонала и принялась себя ощупывать. Одета. Совсем. В том смысле, что не только платье на месте, но и трусы. И все в пристойном виде. Непонятнооо... И тут невнятное фоновое бормотание прервал энергичный мужской голос, произнесший что-то, похожее на «Твою мать!». Влад?

Кира, опираясь на локти, села. Штормило. Это все текла. Специально ее пила — потому что от текилы у нее всегда амнезия. Вот и в этот раз тоже.

Кира осторожно спустила ноги вниз. Прямо в пластмассовый таз. Рядом с которым обнаружилась бутылка минеральной воды. Это было спасительно! Но провалы в памяти не ликвидировались. Утолив пустыню внутри, Кира поднялась и решительно отправилась к источнику света и звука.

На бежевом с черным диване восседал с ногами пан МАлыш собственной персоной. Зеленая футболка, серые спортивные штаны, бокал с пивом в одной руке. Другой обличительно тычет в экран. Явление Киры он прокомментировал возмущенным воплем: «Какое еще „вне игры“! Два-ноль!». Ей пришлось кашлянуть, чтобы привлечь к себе внимание. Макс повернул голову. Смерил ее внимательным взглядом.

— Фигово выглядишь.

— Спасибо.

— Ванная — там, — махнул рукой — той, в которой не было бокала.

— Зачем?

— Мне кажется, тебе должно хотеться принять душ, — невозмутимо ответил он. — Или хотя бы умыться. У тебя тушь посыпалась.

И тут память неожиданно выдала просвет, и Кира вспомнила, как ее тошнило. Божеее... Если она испачкала светло-бежевый салон Малышевской «вольво»... Хотя, судя по его умеренно-благодушному настроению, до этого дело не дошло.

Макс, между тем, встал с дивана, невозмутимо протопал мимо нее, шустро вернулся, шлепнул о ее плечо полотенцем.

— Если надо будет спинку потереть — свистни.

Ответа у Киры не нашлось. В голове вообще была каша, а не мысли.

— Чего стоишь? Иди. погоди, вот! — он стянул с себя футболку. — Держи — вдруг понадобится. Она чистая — пару часов назад надел.

Так. Наверное, ей стоит и в самом деле пойти, куда послали. Умыться. Собраться с мыслями. И не пялиться на его голую грудь. Виски он коротко стрижет, растительность на груди, наверное, тоже подравнивает — густо, но не очень длинно. Кто его знает, с него станется... Кира развернулась и двинулась в указанном направлении.

А в ванной, вместо того, чтобы приводить себя в порядок, она принялась придирчиво

изучать обстановку. Все синее-белое. Только мужское. Шампунь, гель для душа, пена для бритья, лосьон после. Зубная нить. Ополаскиватель для полости рта. Как мы любим собственные зубки, надо же!

Кира постояла в задумчивости. И решительно потянула платье вверх. В душ — значит, в душ. Под звук воды ей всегда думалось хорошо.

Она посмотрела на свое обнаженное отражение в зеркале. В этом же зеркале по утрам отражался Макс, тоже наверняка голый — по пояс точно. Торс у него зачетный. Не архитекторский совершенно. Такие руки и грудные мышцы — будто он не дома проектирует, а отбойным молотком на стройке фигачит. Кира тряхнула головой и отвернулась от зеркала. Может быть, под душем у нее включится память?

Нет, не включилась. Пришлось рассуждать логически. Видимо, из «Борисовского» она уехала с Максом. Как и почему — это знает только Макс. У самой Киры — смутное воспоминание о собственном позоре в виде рвоты и только. Маловато для полноценных умозаключений.

Отмытое лицо выглядело дико в сочетании с бл*дским платьем, которое она купила специально, чтобы перечеркнуть для себя малейшие шансы на отступление. В таком платье можно только в постель. Лечь под кого-то. И снимать удобно — чтобы агонию не длить.

Кира решительно натянула сверху Максону футболку. Длинной она оказалась аккурат с платьем. Кира уткнулась носом в обтянутое зеленой тканью плечо. Увы. Пахло то ли стиральным порошком, то ли — скорее всего — опять ополаскивателем, но уже для белья. Максом не пахло — ведь он надел ее пару часов назад, как сам сказал. И Кира задумалась вдруг, как он пахнет. Среди того, что стояло на белоснежных лепестках раковины, нашелся и парфюм. Она сняла крышку с прямоугольного серебристо-серого флакона и вдохнула. Снова вернулась и тошнота, и головокружение — хотя аромат был, наверное, приятным. Просто слишком интенсивным — если его вдохнуть вот так, глубоко и из флакона. Но, кажется, именно им и пахнет от Макса — аромат горький и, в то же время, свежий. Словно вместе полынь и мята.

Кира одернула зеленую футболку. Вернула на место серебристо-серый флакон и щелкнула замком ванной комнаты. Пора восстанавливать пробелы в памяти.

Он снова одарил ее внимательным взглядом. Остался доволен — чистым лицом и, особенно, своей футболкой на ней. Кире идет зеленый и его футболки.

— Я тебе чай сделал, — он кивнул на стоящую на столике, рядом с пивным бокалом, кружку. — Пива не предлагаю, думаю, тебе пока не хочется.

— Да уж, — криво улыбнулась Кира. — Пожалуй, воздержусь.

Она прошла, давая в себе острое желание натянуть пониже футболку. Он пялился на ее голые ноги, и это почему-то смущало. А Кире и так было сейчас ой как непросто. Именно поэтому на диван она не села, а, забрав кружку, снова привалилась к стене — кажется, это была стена, а не шкаф. Разобраться в том, что напроецировал Макс, с первой попытки и не совсем еще трезвым умом было сложновато. А вот чай оказался идеальным — горячим, но не обжигающим, сладким, с лимоном, и Кира с удовольствием и даже зажмурившись от него, сделала пару глотков. А потом обер-прокурор МАлыш начал допрос.

— Зачем ты пошла с Козиковым?

— А что — это противозаконно?

— Тебе он противен, — подозрительно ровно произнес Макс. — Зачем ты пошла в ресторан с мужчиной, который тебе отвратителен? У вас был явно не деловой ужин!

— Потому что меня попросила об этом моя сестра, — Кира решила говорить правду. Но гомеопатическими дозами. Голова наотрез отказывалась соображать. Хотелось молчать, пить чай и любоваться МАлышевыми плечами. Но ей этого не позволили — допрос продолжился.

— Эту часть можешь пропустить! — Макс спустил ноги на пол и соизволил встать. — Бред про долю в бизнесе и твое самоуничтожение я слышал. А теперь я хочу услышать внятный и честный ответ. Зачем ты пошла с Козиковым?

Макс стоял перед ней — идеальный, кем-то спроектированный торс, серые штаны сидят ровно на том месте, чтобы подчеркнуть косую пресса. И ступни в белых носках. Эти, бл*дь, белые носочки просто добились ее. Такой весь чистенький, идеальный, правильный. Помыться ее отправил, прежде чем до разговора снизойти. Правды хочешь? А уши в трубочку не свернутся? Кира отпила чая, теперь совсем не чувствуя вкуса. Выдохнула. Внятный и честный ответ? Ладно, слушай.

* * *

Он был старше ее на пять лет. Он был красив. Он пел и играл на гитаре. Да важно ли все это? Просто она влюбилась в Лекса. Вообще-то, его звали Лешей, но он категорически откликался только на Лекса. И она именно так его и называла.

Кира вообще делала все, о чем он просил ее. Когда поняла вдруг, что ее робкая, внезапная, обморочная первая любовь взаимна — да, именно так она и считала — тогда она отдала ему все. Свою любовь, свою невинность, все свое время, свои чувства, все, что смогла — все ему, все для него. Он стал у нее первым — и это казалось ей правильным, естественным. Он немножко посмеялся над тем, что она в восемнадцать девственница — но и в то же время это ему польстило. В первый раз было больно, но она молча стерпела. Так положено, и ведь потом — это с ней сделал он. А раз он — значит, правильно. Все, что он говорил или делал, было априори правильным. Сейчас, с высоты своего возраста и, как ни крути, опыта, Кира понимала, что Лешка был не самым внимательным любовником — больше выезжал на внешности и харизме. Но для нее тогдашней, юной, неопытной, он был богом. Как Лекс сказал — так и правильно. Он любил, когда ему делали минет — и она старалась. Ох, как же она старалась. Сделать ему приятное.

Кира таскалась за Лексом всюду. Ее бы воля — она переехала к нему, кормила бы его завтраками и ужинами и не отпускала от себя ни на минуту. Но это были глупые девичьи мечты — как и Кира, Лекс жил с матерью, в коммуналке на Печатникова. Зато все остальное время она была с ним. В том числе и на репетициях в захудалом ДК в районе «Электросилы».

Парни в группе относились к ней снисходительно — собственно, так же, как относился к ней и сам Лекс, только она тогда этого не понимала. Она обожала Лекса, обожала его друзей, их группу, инструменты, грохот музыки, долгие репетиции, на которые она приносила пакет с пирожками. И, после, вместе с пивом пирожки стремительно уничтожались юными рокерами, под мечты и планы. Как они станут звездами. Ну, или, как минимум, взорвут «Максидром» или «Нашествие».

Единственный из группы, кто относился к Кире с искренней симпатией, был Вэнс. Точнее, Ваня Ломакин, но у всех ребят в группе были крутые прозвища. Вэнс играл на

ударных и очень уважал Кирины пирожки. Именно он торчал с Кирой за установкой, пока парни в соседней комнатухе строили планы, сидя на проваленном диване — том самом, на котором потом, позже, Лекс будет торопливо стягивать с Киры одежду. Именно Вэнс научил ее стучать — потому что ему это льстило: научить кого-то тому, что умел сам. А еще Ванька был просто добрым парнем. И хвалил Киру, говорил, что у нее очень хорошее чувство ритма. Саму же Киру завораживало все это: палочки, барабаны, тарелки, педаль бас-барабана, так похожая на автомобильную педаль — к тому времени Кира уже водила машину и имела права, стараниями дяди Паши. К гитарам и клавишам Кира оказалась равнодушна, а ударная установка ее очаровала. На всей сцене, которая Кире казалась местом страшным — как это, выйти вот так вот, на вид всем? — ударная установка была раковиной, домиком. Ты вроде бы и на сцене — и сам по себе, в своей скорлупке. Стучишь себе и стучишь.

Все переменялось в один день. Тогда все рухнуло, сломалось. И сломало ее. Но тогда Кира этого еще не знала и радовалась со всеми и, больше всего — за Лекса. На них обратил внимание настоящий продюсер. У них будет через неделю прослушивание. Им нужно показать себя в самом лучшем виде. Ребята репетировали сутками напролет. Она была с ними. Киравообще все это время жила группой и Лексом. Его идеями, его мечтами. Собственная жизнь — кое-как сданные выпускные, слитые в унитаз шансы поступить в ВУЗ, скандалы с матерью — это все было лишь фоном, не слишком важным. Кому нужны эти экзамены, эти университеты, лекции, прочее скучное дерьмо, когда у нее есть Лекс? Лекс заменял Кире все.

Мать чуть ли не силком заставила Киру подать документы в библиотечный техникум, где в должности директора трудилась давняя подруга Раисы Андреевны. Киру зачислили, но она практически не появлялась там, первую сессию ей закрыли по большому благу, но дело явно шло к отчислению. Ей было на это совершенно плевать. Техникум библиотечный... Лекс над ней ржал. Это фуфловое образование нужно было именно матери. А самой Кире нужен был только Лекс.

За два дня до прослушивания Вэнс сломал руку — неудачно навернулся со своего боевого ВМХ-а. Велосипед был второй страстью Ломакина после ударной установкой. И велорампа нанесла удар по их планам. Точнее, по правой Ванькиной руке, организовав ему сложный перелом со смещением.

Лекс бесновался. Орал. Ваня смущенно гладил свой свеженький гипс — он практически удрал из больницы под расписку, но толку в этом не было — играть он все равно не мог. Сначала они хотели найти ударника со стороны, но потом Вэнс сказал одно слово: «Кирюха». Да, умеет. Да, знает все основные партии. Ну и что, что девчонка на ударных. Зато необычно.

Они попробовали. И, несмотря на то, что у Киры не с первой попытки получилось попасть в сильную долю с Рихтом, их басистом, Лекс махнул рукой, сказав: «Хуже уже не будет».

В день прослушивания Киру от волнения прошиб дикий пот, она страшно боялась подвести Лекса. Да и жара стояла для мая совершенно несвойственная. Но стучала Кира от всего сердца. Разошлись с Рихтом в полтакта — душа ушла в пятки, но, кажется, никто не заметил. Потом еще раз. Потом собралась. Лишь бы не подвести любимого.

После прослушивания у нее было мокрое все — майка, волосы, даже трусы. А Лекс вышел из здания в майское солнце и победно вскинул кулак. Сказал, что они очень понравились, но продюсеру нужно подумать и он позвонит позже.

— А еще он сказал, что девушка на ударных — это чумовая находка! — Лекс прижал ее к себе плотнее, напрочь забыв о том, как был против поначалу. — Кирыч, ты наша находка, слышишь?

Он был счастлив, и она — тоже, вместе с ним. Даже не счастлива — в эйфории. Уже представляя себе, как они будут выступать вместе — он на авансцене с микрофоном, а она в своем домике, за ударными. Правда, немного колола мысль о вине перед Вэнсом, но Кира гнала ее прочь. Тем более, врачи сказали, что Ванька играть сможет только через полгода. А через полгода... Да мало ли что через полгода.

Группа успела даже выступить один раз в клубе. Их приняли весьма тепло. А когда Рихт крикнул в микрофон: «Кирыч, жги!» перед совместной партией баса и ударных — ей показалась, что это рай. Вот такой он — рай. А вот и нет. Это был первый шаг в ад.

Лекс позвал ее одну. На тот самый проваленный диван. И сообщил, что продюсер согласился взяться за их раскрутку. При одном условии.

— Он сказал... в общем, ему нужно... — Лекс не смотрел ей в глаза. — Он сказал, что... что девчонка должна у него отсосать!

— Какая девчонка? — Кира непонимающе смотрела на любимого. Он говорил так странно и непонятно, что на грубость слов она даже не обратила внимания.

— Не тупи! — неожиданно рявкнул Лекс. — В группе одна девчонка! Берти я не считаю, хоть он и гей. Речь... — прокашлялся... — о тебе.

В тот самый момент умерла ее любовь к Лексу. Только она поняла это много позже. А тогда — просто не поверила. Что Лекс мог всерьез ей об этом сказать. Не с возмущением. Не сказал, что дал в морду этому Андрею... кажется, Леонидовичу... в ответ на его омерзительное предложение. Нет. Леша сказал так, как будто это стоило... обсуждения.

Она кричала и ругалась. Металась по комнатухе. Колотила кулаками по спинке старого проваленного дивана. Она не могла поверить, что...

Лекс сначала пытался с ней спорить, потом молчал. А потом сказал:

— Если ты любишь меня — ты это сделаешь. Для меня один раз ничего не значит. Я буду любить тебя как прежде. Но это даст нам реальный шанс. Ты знаешь, что это для меня значит.

И ушел. А она долго рыдала на продавленном старом диване. Сначала одна, потом ее пришел утешать и гладить по голове Ванька Ломакин. Он был и в самом деле добрый парень.

Несколько дней прошли в каком-то тумане. Лекс с ней не разговаривал, ребята из группы тоже. Кроме Вани, но это не помогало Кире. Ее любимый от нее отвернулся. Ее любимый ее предал. Хотя Лекс процедил сквозь зубы, что это она — эгоистка и думает только о себе.

Все поменялось местами. Земля и небо. Черное и белое. Правда и ложь. И эгоистка — она. Предательница — она. Не права — она.

Кира потерялась. Север, юг, восток, запад — все перемешалось. Центр ее жизни опрокинулся, стал чем-то странным. Непонятным. Страшным даже. Но другого у нее не было. Еще дышала им. Еще не могла без него. Все для него.

Он целовал ее руки и лицо, когда она сказала, что согласна. Долго ласкал, занялся с ней сексом — нежно и трепетно. Был предупредителен, как никогда. А ей казалось, что не с ней это происходит. Все ждала только, что остановит. Что скажет: «Не надо». Что не отпустит.

Отпустил. А она пошла. И отсосала у Андрея-как-его-там-что-ли-Леонидовича.

А потом она долго сидела на скамейке перед подъездом родного дома. Не могла найти сил войти внутрь. Ей казалось, что не она это. Что мать не пустит в дом, не узнает, спросит: «Кто ты?». Изменилось в ней что-то. Необратимо. Словно та грязь, что она чувствовала внутри, проступала на коже. Словно каждый мог узнать о том, что она сделала. Она. Сама. Она это сделала. И Лекс тут совсем не при чем. Никто не приставлял ей дуло к виску. Никто не заставлял. Она сделала это, потому что она шваль.

На следующий день на том самом проваленном диване она стащила штаны с Ваньки Ломакина. А он не очень-то и сопротивлялся. И не в сломанной руке дело было. В финале действия их застукал Лекс, но ей было уже все равно. Ей стало плевать на Лекса. Ей стало плевать на себя. Период полураспада начался. Включился обратный отсчет — разрушения ее души. И прямой отсчет — тех, кто становился ее партнером. На одну ночь. На пару ночей. Иногда на целую неделю или на две. И еще включился счетчик литров алкоголя. Ей нужно было это простое обезболивающее — без наркоза убивать себя было все же слишком мучительно.

Агония продолжалась примерно полгода. И прекратилась тремя пощечинами от тяжелой руки капитана Биктагировой, вырванным шпингалетом и слезами двух женщин, сидящих на полу в ванной. Кира попыталась склеить то, что еще осталось. Восстановилась в техникум. Дисциплинированно его окончила. На тот момент Оксана уже работала в «Артемиде» — и по совету матери Кира попросилась туда стажером. Жила одним днем. Чужим умом. Не помня, не понимая себя. Словно новорожденный котенок — вслепую. Лишь бы не помнить того. Что было до.

* * *

Чай в ее руках давно остыл. Она это поняла, когда отхлебнула. Долгий был рассказ — в горле пересохло. В душе пересохло — никому она не рассказывала, как оно было. Вот так — безкупюр, как есть. Даже мать не знала всего, всех деталей. А благовоспитанному архитектору в белых носочках Кира взяла — и все выложила. Как на исповеди — так, кажется, говорят.

Благовоспитанный в белых носках молчал. Потер переносицу. Почесал затылок. Прокашлялся. И подал голос.

— Скверная история.

Кира молчала.

— Лекс — мудака.

Пан МАлыш лаконичен. А ей сказать было нечего. Пока нечего — или вообще.

— Но все же мне так и осталось неясным... — Макс почесал одной стопой о другую. — Какое отношение все это имеет к Козикову?

— Ты не понял, что ли?!

— Неа, — он для убедительности помотал головой. Потянулся за бокалом, отпил согретшегося и противного пива. — Не понял. Объясни.

— Я... — Кира задохнулась. Ей казалось, что все и так понятно. — Да я... Ты знаешь, сколько у меня их было? Мне после стольких какая уже разница! Одним больше, одним меньше.

— Ну и сколько же? — невозмутимо полюбопытствовал Макс, словно речь шла о цене

на квартиру.

— Что? — Кира опешила.

— Я спрашиваю — сколько? Давай, колись. Взялась хвастаться — подтверждай фактами.

Придурок. Натуральный придурок!

— Не знаю! Я не считала! Много! Каждую неделю новый. И так — полгода.

— Полгода, значит? — МАльш поскреб щеку. — Каждую неделю новый. Стало быть, — он начал демонстративно загибать свои длинные пальцы, — это четыре на шесть. Двадцать четыре? Н-да... — Макс хмыкнул, укоризненно покачал головой. — Слабовато, Кира Артуровна. У меня больше.

— Ты... Ты... Ты... — слов просто не находилось. Глухой он, что ли?!

— Я, я, натюрлих, — кивнул спокойно Макс. — Стыдно с таким послужным списком выпендриваться, ясновельможная панночка.

— Придурок! — все-таки вырвалось у нее. — Ты что, разницы не понимаешь? По-твоему, я поступила нормально?! По-твоему, это для девушки — нормально?!

— Начать надо с того, что это с тобой поступили не то, что ненормально — подло, — неожиданно серьезно и мрачно ответил Макс. — И то, что тебя после этого с резьбы сорвало — я понимаю. Правда, понимаю. Я видел, как у девчонок молодых от несчастной любви еще и не так крышу... сносит. Это неправильно, — он дернул плечом. — Но это бывает. Так что...

— Ты что, совсем ни хрена не понял?! — она уже может только орать. — Ты считаешь, что это нормально — каждый день трахаться с новым человеком?!

— Нет, — жестко ответил он. — Это ненормально. Но я знаю, как срывает иногда башню от вседозволенности. Как идешь в разнос и не можешь остановиться. Так бывает. Я не говорю, что это хорошо. Но у тебя были причины. Веские причины.

— Это все объясняет, по-твоему?! — громкость не выключалась. Хотелось орать, визжать и разбить что-то. Хотя бы кружку в руках. На идеально чистый светло-бежевый ковер. — Были причины, накосячила, теперь же все о'кей, так, что ли?!

— Знаешь, когда мне было восемнадцать, я помочился в Большой каскад в Петергофе. На спор, — Макс криво усмехнулся. — Я не горжусь этим. Я был молодой, восемнадцатилетний дурак. Когда мы с тобой были в Петергофе — я вспомнил об этом. Я каждый раз вспоминаю об этом, когда бываю в Петергофе. И мне неловко. Но это же не причина, чтобы пожертвовать все свое движимое и недвижимое имущество государственному музею-заповеднику Петергоф.

— Ты прикидываешься или вправду такой тупой?! — сейчас у нее не было вменяемых аргументов. Только эмоции — яркие и совершенно неконтролируемые.

— Еще вопрос — кто из нас тупой! — вдруг рявкнул пан МАльш. — Да, я не понимаю! Не понимаю, почему умная, красивая, самостоятельная и вообще — удивительная девушка засовывает свою жизнь в задницу из-за событий десятилетней давности!

— Чтооо?! — только и смогла выдохнуть Кира.

— Тоооо! — передразнил ее Макс. — Все это в прошлом. Блин! — он взъерошил волосы, продемонстрировав чисто выбритую подмышку. — Я не верю, что объясняю такие очевидные вещи внешне вроде бы совершенно взрослому человеку. Кира, жить надо для себя. Не назло кому-то, не ради кого-то. А для себя, в первую очередь. Чтобы тебе было хорошо. Не Оксане, не Владу, не этому мудаку Лексу. А ТЕ-БЕ. Себя надо любить, Кира Артуровна

Стыдно это не понимать в твоём возрасте.

В голове у Киры что-то непрерывно взрывалось. Она рассказала ему. Спонтанно, неожиданно для себя поддалась порыву и рассказала. То, о чем никому не рассказывала. Душувывернула. До обморока боялась увидеть в его глазах презрение. Как у Оксаны. Наверное, в глубине души надеялась увидеть сочувствие — как в глазах мамы. Дудки. Макс был другим человеком. Ни презрения. Ни сочувствия. А что-то иное. Он ей говорил что-то неправильное. Что-то, что разносило все внутри. Что-то, что заставляло ее чувствовать себя... Нет, не привычно грязной. Наоборот. Маленькой, глупой девочкой, которую распекает взрослый умный дядя. Не грязной шлюхой. А маленькой глупой девочкой. Все снова встало с ног на голову. Земля и небо поменялись местами.

— Да иди ты! — у Киры не нашлось ничего умнее. — Я домой поехала! — она принялась резко стягивать с себя его футболку.

— Ага, сейчас, прямо! — снова рывкнул он. — Я тебя из ресторана увез, по дороге тебя тошнило, между прочим! Потом я тебя на руках пер до квартиры, ждал, пока ты проспишься. Чаем напоил. А теперь ты домой намылилась? Да как же! Сначала ты должна у меня отсосать. В знак благодарности.

— Иди ты в ж*пу! — слова вылетели до того, как она успела полностью осознать сказанное им. Автоматически. Сами собой вылетели. И только потом она похолодела от ужаса. От паники. От «дежа вю».

— ВОООТ! — проорал Макс. Резко и обличительно наставил на нее указательный палец, опрокинув при этом на идеально чистый бежевый ковер бокал с остатками пива. Но даже голову не повернул. — Вот именно это ты и должна была сказать сестре! Козикову! Уроду этому Лексу! Иди в ж*пу! Иди на х*й! Почему меня ты послать легко можешь, а Козикова — нет?!

Все. Кончилось все. Терпение. Аргументы. Слова. Или прибьет его сейчас. Или — поцелует.

— Пошел к черту!

— Сама вали!

— И уйду!

И ушла. Он поморщился от ожидаемого грохота входной двери. Тупо смотрел на темное пятно на ковре. Какое, на хрен, пиво?! Где-то у него был вискарь.

* * *

Она сидела на мокрой скамейке, ждала такси, тряслась от холода — в тонком плаще и в туфлях на босу ногу. И утирала злые слезы. И почему-то было ощущение, что она впервые неправа. Про себя — неправа. И самое правильное сейчас — вернуться. И все-таки — поцеловать. А, потом, может быть, прибить. Но сначала — поцеловать. И чтобы он обнял, прижал к себе. И не отпускал. Не отдавал. Всем псам прошлого, которых он так убедительно высмеял.

Гребанный Мальш.

* * *

Когда такси повернуло на Приморский, раздался звонок. Очередной от Влада — в компанию к восьми пропущенным? Не хотела брать трубку, но телефон все звонил и звонил, водитель начал коситься, и Кира достала телефон из сумочки. Однако... И что же вам нейдет, шановный?

Она не успела ничего сказать — из трубки донеслось гневное:

— Где ты?!

— Ты меня сам выставил!

— Это ты сбежала! — похоже, он будет теперь с ней разговаривать только так — рыком. А он тут же доказал обратное. Значительно спокойнее и тише, но все равно сердито: — Неважно, кто... Все равно, я должен проконтролировать, как ты добралась домой! Где ты?

Все гадкие ответы куда-то испарились перед этим злым «Я должен проконтролировать...». И она буркнула, вроде бы с неохотой:

— Я в такси. Подъезжаю к дому.

— Надеюсь, к своему дому?

«Нет, к Владу» застряло в горле. Пришлось снова буркнуть:

— К своему.

— Вот можешь же головой думать, когда хочешь.

— Да иди ты!

— Уже пошел. Спокойной ночи, Карлсон.

— Спокойной ночи, Малыш.

Объект одиннадцатый: Невский проспект

- *Слушай, а что ж ты мне врал тогда?*
- *Чего?*
- *Что тебе семь лет?*
- *А сколько?*
- *Но ты вешишь-то на все восемь!*

Макс злился. Это стало его постоянным, нормальным, привычным состоянием — с того хмурого похмельного утра, после вискаря на пиво и откровений Киры.

Кира... Он думал о ней. Постоянно. Думал и злился. Потому что не соврал тогда накануне. Не мог он понять, как можно так с собой обходиться. Да было бы из-за чего!

История с ней приключилась гнусная, что и говорить. Но, в общем-то, обыкновенная. Молодые влюбленные девчонки — такая специальная категория населения, которая просто создана для того, чтобы вляпываться в неприятности. Даже если они с таким умом и характером, как у Киры, и даже если в мамах значится капитан Биктагирова. Даже это не убережет девочку, если она влюбилась в подонка. Что теперь? Жизнь на этом не заканчивается — она лишь преподносит первый урок. Макс и сам, наверное, оставил пару царапин на нежных и трепетных девичьих душах — при том, что никогда не поступал подло. Так выходило просто.

И ту Киру — восемнадцатилетнюю, отчаянно влюбленную, смертельно обиженную, потерявшую на какое-то время смысл жизни — ту Киру он бы пожалел. Как пожалел бы Ляльку или Андрюху — на правах старшего брата, умудренного, обросшего каким-никаким житейским опытом и даже цинизмом. Пожалел бы как мог — обнял бы, по голове погладил, сказал бы что-нибудь банально-утешительное. Ту Киру. Ту несчастную и запутавшуюся девочку.

Эту, нынешнюю Киру Макс отказывался жалеть. Категорически. Эту Киру хотелось встряхнуть — так, чтобы зубы клацнули. Наорать на нее. И даже влить пару непедагогических подзатыльников. Или ремня всыпать — так, кажется, говорят. Его мать всегда говорила, что по голове бить нельзя, для этого есть попа. Впрочем, Макса вообще ни по чему не били — то ли поводов не давал, то ли родители понимали, что такие меры — признак педагогического бессилия. Видимо, теперь у Макса случилось это самое бессилие. Чем больше он думал о том, что Кира ему рассказала, тем больше понимал — добавить к сказанному ему нечего. Точнее, может добавить только или ремнем, или подзатыльником. Потому что ситуация, при которой умный, красивый и яркий человек разрушает собственную жизнь без сколь-нибудь внятных причин, голове не укладывалось. Никак. Совершенно. Чем больше думал, тем больше злился. Кому-то надо взрослеть, и срочно.

Взрослей, Кира Артуровна, взрослей. Это можешь сделать только ты. И перестань смотреть назад. Впереди до фига чего интересного есть. Но как объяснить это лучше, Макс не знал. Наверное, лучше все-таки не мешать. Пока не мешать. Взросление — процесс интимный. Как бы его не спугнуть.

— Слушай, Макс, давай Кирюху к себе на работу возьмем, — после разговора Костя положил мобильный на стол. — Такая светлая голова у девчонки. А она там киснет у Козикова.

Макс нахмурился. Костя был единственным источником информации о Кире. Сам Макс каждое утро начинал с внушения самому себе.

Не звони ей. Не паси. Не лезь. Ей надо взрослеть. И должна сама. Все, что мог — ты сделал. Человек должен повзрослеть сам. Понять. Осознать. Почувствовать свою силу. Отряхнуть с ног пыль и труху призраков прошлого. Некоторые вещи невозможно сделать за другого. Хочешь накормить человека — дай ему удочку, а не рыбу.

Он дал. Теперь оставалось только ждать, пока Кира научится рыбачить. И, как и в настоящей рыбалке, дело это требовало терпения.

— Нам своих дармоедов девать некуда, — буркнул Макс мрачно. Но Костю его тон не обманул. Стрельнул ехидным темным глазом, потянулся за маркером.

— Да и то верно. Тем более, Козиков ее не отпустит. Он с нее теперь только что пыль не сдувает.

— Да ладно? — тот факт, что Кира по-прежнему работала в «Артемиде», донельзя изумлял Макса. И желание позвонить и потребовать отчета и объяснений становилось все сильнее. Но — нет. Еще нет. Макс был уверен, что когда Кира переверит новую ситуацию — она даст ему знак. Он понятия не имел, какой, но был уверен, что не пропустит. И еще он должен верить ей. Верить, что она знает, что делает. Теперь — знает. И что глупостей больше не наделает. Кира не может не повзрослеть и не начать себя вести правильно. Должна. Обязана. — Прямо-таки пыль сдувает?

— Не надышитесь, — Костя, прикусив кончик языка от усердия, творил очередной «шедевр». — С таким пиететом все. Кира Артуровна то, Кира Артуровна это. Я с Кирой посоветуюсь, я сейчас Кире позвоню. Камышину куда дел — непонятно.

— Влад уволил Оксану?

— Да нет вроде. Но ее не видно, не слышно. Похоже, у Влада теперь новый заместитель. По крайней мере, вексель наш вчера именно Кира Артуровна привозила.

— Кира была здесь?!

— Ага, — безмятежно кивнул Драгин, отставив от себя лист и любясь творением лап своих.

— Почему ты меня не позвал?!

— Я заглядывал к проектировщикам. Да вы там так душевно с Зеленским собачились, что я решил: грех это — разрушать такую идиллию, — Костя поставил под зайцем размашистую подпись и протянул Макс. — Этот особенно хорошо удался. Дарю.

— Перестань! — Макс ударом ладони отбросил изображение ни в чем неповинного зайца в сторону. — Ты должен был мне сказать, что Кира пришла!

— Зачем это? — Костя невинно округлил глаза. — Она ко мне приходила. Кофе с конфетками напоил, пальчики облобызал. В общем, сам справился. Да ты же говорил, чтобы по векселю я сам вопрос решал, и тебя только по факту поставил. Вот. Ставлю. Вексель уйдет в оплату проекта в Старой Деревне.

Сказать было нечего. Кроме как дураком себя выставить. Ко всему прочему еще и ревность. Кира, что ты там делаешь? Неделю тебе еще даю. Неделю, слышишь? А потом устрою тебе экзамен на аттестат зрелости.

Жить надо для себя? Отличный совет, Максим. Правильный. И сам ты правильный. И живешь правильно. Но не все так могут.

Вот Кира — не умела. Теперь она совершенно точно понимала, что ей нужен кто-то. Ради кого все. И история с Лексом ничему ее не научила. Прошло время, боль забылась. А желание жить ради кого-то — осталось. Жить кем-то так, чтобы этот кто-то жил тобой. Чтобы быть вместе одним целым.

Кира задумчиво затянулась. Она стала совсем мало курить. Словно на место никотина пришел адреналин. Жизнь ее менялась. Она начала меняться, когда в ее машину на заправке Московской трассы сел зеленоглазый тип в розовой рубашке и промокших кедах. Привычный порядок вещей, привычные мысли и жизненные принципы — все трещало по швам. Прошрое, которое никак не отпускало ее, вдруг взяло — и рассыпалось карточным домиком, оставив под ногами лишь бумажные, искаженные, смешные лики. Образовывалась какая-то новая пустота, которую надо было чем-то заполнить. Или — кем-то. А этот «кто-то» считал, что жить нужно для себя. Он и живет для себя. И его все устраивает. А ей нужно срочно вырлиться куда-то в сторону, пока желание жить для него не стало самым важным делом в жизни.

Кира выбросила окурок в урну. Теперь она может себе позволить курить даже в офисе, но все-таки выходит на крыльцо. Великое достижение, что уж там говорить.

Его бы воля, он бы в «Бориске» в ближайшее время не показывался — слишком неоднозначные воспоминания остались от последнего ужина здесь. Но привычка — такая штука, которая часто решает все сама. И как-то так само собой получилось, что с Антоном Головановым они договорились встретиться именно там.

Антон был сокурсником Макса, нашедшим себя на ниве дизайна. Более того — снискавшим себе на этой ниве неплохую известность и заработавшим определенную репутацию. А у Макса остался в квартире угол бесхозный, который никак не ложился в общую картину. Ни по фен-шую, ни по антропологическому дизайну. Никак. Всю голову сломал, и решил, в конце концов, привлечь в помощь профессионала. В конце концов, для Макса дизайн собственной квартиры — всего лишь хобби и блажь.

По хорошему, надо было пригласить Антоху на место действия, но Голованов заупрямился — дескать, времени у него сегодня нет, в такую даль тащиться, давай встретимся в центре, предварительно поговорим, а потом уж, может, в выходной, он подъедет в «Суоменлахти». И тут само собой всплыл «Бориска». А теперь что? Оставалось только ждать.

А потом позвонил Антон — злой и уставший. Его на светофоре «поцеловали» в задний бампер, и вместо ужина в ресторане с однокашником ему светила встреча с аварийными комиссарами. После которой смысла ехать в ресторан уже не было. Макс согласился, выразил дежурное сочувствие и нажал отбой. А заказ-то он уже сделал. Ну, хоть поужинает как человек, а не омлетом.

Он не донес до рта очередной кусок стейка прожарки medium well с соусом Маринара. Зубы рефлекторно шелкнули, но вилка так и замерла в паре сантиметров от губ. А Макс не мог оторвать взгляд от троицы, только что вошедшей в зал вслед за метрдотелем. Двоих из этой троицы он знал. Владислав Юрьевич Козиков и Кира Артуровна Биктагирова. Что за удивительная встреча!

Это была снова другая Кира. Какая-то другая — он чувствовал это. Слава Богу, не такая как в прошлую встречу здесь. Но все равно — в ней что-то неуловимо изменилось. Строгий темно-синий костюм: узкие брюки со стрелками — как раз для таких ног, как у Киры, длинный пиджак на одну пуговицу, из-под которого выглядывал скромный белый топ. Стильная прямая асимметрия, минимум макияжа. Все очень строго, достойно, элегантно.

Козиков рядом с ней выглядел каким-то блеклым. И поведение его казалось даже не предупредительным — откровенно заискивающим. Ничего снисходительного и покровительственного, как в прошлый раз. Третьего Макс не знал — мужик как мужик, ничего примечательного. Да и шут с ним!

Кира споткнулась, когда увидела его. Остановилась. Хотя бы кивнет? Нет. Отвернулась, сделала вид, что не узнала, не заметила. И спокойно дала себя увести под локоть к столику. Прошла мимо. Вытерев ножки в очередных шпильках о его белую рубашку. Впервые в жизни о Макса вытерли ноги. Ощущение ему дико не понравилось.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Он уткнулся взглядом в стол. Подышал сквозь зубы. Резко отодвинул тарелку и махнул официанту.

— Ристретто. И счет.

Макс старательно смотрел перед собой. Голову себе запретил поворачивать. Не смотреть в ту сторону! Кофе пил мелкими глотками, не чувствуя вкуса. Принесли счет. Умудрился ошибиться в пин-коде. В голове стояла принудительная тишина.

Он заметил, что она прошла к выходу, именно в тот момент, когда поставил пустую чашечку на блюде. Вот и славно. Пойдем, Кира Артуровна, покурим. И поговорим. Не нравится мне это гребанное «дежа вю».

* * *

— Добрый вечер, Кира Артуровна, — он поразился, как спокойно может звучать его голос, когда так хочется придушить собеседника. Или, как минимум — встряхнуть.

— Привет, Максим.

Эта невозмутимость разом взвинтила градус его негодования, и без того почти кипящего.

— Ничего не хочешь мне сказать?!

Она снова запрокинула голову вверх, выдыхая дым. «Дежа вю» било по всем фронтам.

— Про звезды не надо! — он все-таки повысил голос. — Про Кассиопею я уже в курсе. Давай без астрономии, сразу к делу!

— А что у нас за дело?

Макс даже не думал, что может так завестись. Понял это, когда стало больно в сжатых кулаках. Талант у Киры Артуровны, явный талант. Никто его так не доводил. До не просто белого — ослепительно белоснежного каления.

Нельзя так. Успокоиться. Выдохнуть. И, в конце концов, может быть, он не так все понял?

— У нас дело? Или у вас? Деловой ужин? — Макс остался доволен тем, как прозвучал его голос. Как у разумного человека, каким он всегда себя считал. — Третий — это кто?

— Третий — это наш инвестор, — ровно ответила Кира. — Влад специально пригласил его, чтобы познакомить со мной.

— В качестве кого познакомить? — безумная и нелепая мысль, несмотря на всю свою абсурдность, пронзительно больно и практически буквально ударила в висок. Ну не будущей женой же? Не может быть...

— В качестве партнера по бизнесу, — Кира аккуратно выбросила окурок. И, подумав, полезла в сумочку за следующей сигаретой. — Влад вводит меня в состав соучредителей «Артемиды».

— Охренеть... — фраза вышла грубой, но зато отражала его эмоции. Такое развитие событий было странным. Нелогичным. Подозрительным. А странных и нелогичных вещей Макс не любил. Но, может быть, он сгущает краски и ищет подвох, там, где его нет? Маловероятно, но все же... Прокашлялся. — Что же... Поздравляю. Довольно неожиданно.

— Считаешь — недостойна?

Кольнуло прямо где-то под ребрами. А ведь Макс всегда гордился своим умением подбирать слова и говорить правильно. Научился, без этого в его профессии никак. Сейчас что? Внезапный приступ отупения? Как несвоевременно.

— Нет, наоборот. Более чем достойна, и я в этом не сомневался. Я в наличии мозгов у Козикова сомневался, — Макс усмехнулся, стараясь как-то сгладить впечатление от своих резких слов. Все оказалось не так, как ему привиделось. Деловая встреча. Деловой ужин. — Рад, что ошибся, и мозги у Влада есть, и в достаточном объеме. В конце концов, тебе с ним теперь работать плечом к плечу. Партнер по бизнесу — это не начальник, тут все по-другому.

— Да, работать... — Кира затянулась — глубоко, так, что совсем остро очертились скулы. — Плечом к плечу. И не только работать... плечом к плечу...

Он честно попытался придумать какое-то иное объяснение ее словам. Иное, отличное от того, что острым дятлом сейчас било в висок и кололо глубоко под ребрами. Другого объяснения не нашлось.

— Кира... — ему почему-то стало страшно говорить в полный голос, и ее имя Макс произнес шепотом. — Скажи мне... скажи мне, что я не то подумал...

— А что ты подумал? — еще один раз глубоко, взатыг, до легкой тошноты. — Что я стану с ним спать? Все верно подумал.

— Зачем?! — последний воздух вылетел из легких с этим вопросом. А вдохнуть не получалось. Задержал дыхание. Ждал ответа.

— Воспользовалась твоим советом, — второй окурок полетел в урну. — Спасибо за совет, Макс.

— Каким, на хрен, советом?! — он все-таки заорал. Не только заорал. Схватил за плечи и начал трясти. — Что ты там себе опять напридумывала?!

— Перестань! — она попыталась отцепить его руки от себя. — Не кричи на меня! И не тряси!

Макс резко убрал руки. И понял вдруг, что дышит, будто пять километров на время пробежал. И в боку колет все сильнее.

— Объясняй!

Кира принялась растирать запястья — резкими движениями.

— Ты мне сказал: «Жить надо для себя». Вот я и начала жить для себя.

Макс поднял взгляд вверх и выдохнул Кассиопее, все, что уже накопилось к этому моменту. Тремя словами, два из которых были нецензурными. Кира дернула плечом и упрямо продолжила.

— Влад меня хочет. Я, правда, не знаю, почему — но у него явно по мне крыша едет, — Кира говорила спокойно. Жутко и омерзительно спокойно. — Я после того вечера, когда... когда ты меня увез отсюда... на следующий день заявление об увольнении написала. Не поверишь, что после этого началось, — уголок ее рта пополз вверх. И тут же опустился вниз. — На колени падал, просил, умолял, даже слезу пустил. Люблю, говорит, не могу без тебя... Представь, какой... странный, — Кира невесело усмехнулась. — Сказал, что не может бросить жену и детей, но все, кроме официального статуса его жены, он мне готов предоставить. И так он меня достал, знаешь, этим концертом... Я и брякнула. Про пятьдесят процентов в бизнесе. А он взял — и согласился.

— И что? — его всегда великолепно работающие мозги отказывались обрабатывать информацию, которую выдавала Кира. Напрочь. Это просто не может быть правдой.

— А что — что? — Кира достала еще сигарету. Курить не хотелось. Но руки занять — необходимо. — Ты дал мне отличный совет, Макс. Жить надо для себя. А тут такой шанс. Если уж я была готова сделать это по просьбе... Оксаны... То для себя-то — сам Бог велел. Стану совладелицей агентства недвижимости. Куплю себе новую машину. Разменяю квартиру. Устрою матери личную жизнь. Буду серьезной, уважаемой бизнес-леди. Давно, знаешь ли, пора. Менять что-то в своей жизни.

— Кира... Ты соображаешь, что говоришь?

— Только дурак откажется от такого предложения, — Кира пожала плечами. — Понимаешь... Он реально по мне сходит с ума. Я тебе больше скажу, — сигарета разгорелась ярче. — Ему нравится, когда с ним обращаются... без уважения. Я веду себя с ним как стерва — а он прется. Видимо, он латентный гей — ему нравятся девушки с мальчишескими формами, которые вытирают об него ноги. Может, он вообще любитель кожаных трусов и кляпов в рот — говорят, среди бизнесменов это дело такое... распространенное. Устают всем командовать, хочется посмотреть на обратную сторону медали. Кажется, кого-то из шефов автоспорта за этим делом застукали — его...

— КИРА!

— Не ори на меня!

— Хочу орать и буду орать! — его понесло. — Ты себя слышишь?! Зачем тебе это?! Ты и так прекрасный специалист! Ты способна всего добиться сама, без всяких Козиковых! Уходи к черту из «Артемиды», мы с Костей тебе в два счета работу найдем. Ты просто... — перевел дыхание. — Скажи честно, ты просто дразнишь меня, да?

Не то. Ты говоришь не то. А то, что мне нужно, ты не скажешь.

Кира отрицательно покачала головой.

— Я серьезно. Буду жить для себя. Устраивать свою жизнь. Спасибо за совет... Максим.

Он долго смотрел на нее. То ли ждал чего-то, то ли поверить не мог.

— Дура, — произнес бесцветно. Прикрыл глаза. Сначала еще хотел что-то добавить, а потом лишь плотнее сжал губы. Махнул рукой. И тем же бесцветным голосом, словно все эмоции разом выключились. — Пожалеешь же потом. Ну да свои мозги в чужую голову не

вложишь. Удачи, Кира Артуровна. На новом поприще.

Развернулся. Пошел в сторону парковки. Засунув руки в карманы короткого пальто и опустив голову. А она зажала ладонью рот. Чтобы не закричать. Не окликнуть. Вцепилась зубами в мякоть подушечек — чтобы было больно там, в руке. Уходит. Ушел. Сел в машину. Уехал.

А ты думала — что? Он будет каждый раз тебя от твоих тараканов спасать? Няньчиться с тобой будет? Сопли вытирать, жизни учить? И так раз за разом, пока тебе не надоест быть идоткой? Нет. Один раз он тебе руку протянул. А дальше — каждый сам за себя. Он так умеет. А то, что ты не умеешь — твои проблемы.

Она запрокинула лицо к безмолвной свидетельнице законченного разговора — Кассиопее. Поморгала, сгоняя некстати выступившие слезы. И нервы сдали тоже некстати. Кажется, это из Рождественского — ценимого мамой наравне с Евтушенко.

* * *

Дура. Идиотка. Тупая курица. Это же надо было так вывернуть его слова. Подумать только — он ей такой совет дал! А своя голова для чего — прическу носить?! Макс саданул по рулю, и от взревевшего клаксона шарахнулся автомобиль справа.

Макс не мог собрать связно ни одной мысли. Такого состояния отупляющего бешенства он в жизни не испытывал. Каким-то чудом хватило ума понять, что полностью отдаться этому чувству за рулем — опасно. И он заставлял себя сосредоточиться на управлении машиной. Старательно переключал передачи — сейчас, как никогда, радовался, что у него механика. Себе под нос читал показания приборной панели.

Так, едем семьдесят, не нарушаем. Обороты — четыре, надо повышать. Пробег уже под десять, наверное, пора менять масло. Когда он менял масло? Надо посмотреть в сервисной книге. Что ему там залили в последний раз, оригинальную синтетику, кажется? Да, какое, на хрен, масло?!

Вот так ты решила, да? Не повзрослела? Все еще восемнадцать? Ты ведешь себя, как тупая малолетка, Кира, ты в курсе?! Да и хрен с тобой! Твоя жизнь. Иди. Ложись под Козикова.

И тут он просто увидел. Так ярко, словно в лобовом стекле включили кино. Кира — тонкие пальцы и запястья, растрепанные волосы, татуировка на плече. Черные-черные глаза. И этот... рядом с ней. На ней?! Да провались оно все!

Золотисто-бежевое «вольво», подрезав машину в правом ряду, с легким дрифтом вошло в разворот напротив Малой Морской. Вслед донесся возмущенный вопль автомобильного гудка.

В обратную сторону поток был меньше. «Вольво» золотистой стрелой летело сквозь Невский, резко перестраиваясь из ряда в ряд. Молодой мужчина за рулем выполнял все действия автоматически, думая только о том, чтобы успеть. Если они уехали из ресторана — где он будет их искать?!

Придумал тоже: доверить Кире Артуровне такое ответственное дело — взрослеть! Не получается у нее пока. Не справляется самостоятельно. Придется и дальше вести за ручку. Сегодня, завтра, столько, сколько надо. Не бросать же ее одну с не до конца вставшей на место крышей.

То, что он все сделал правильно — Макс понял, когда подъехал к самому входу ресторана. Потому что Кира стояла на том же самом месте. Снова курила. Сейчас он был рад тому, что она курит. Значит, все правильно. Значит, все так, как и должно быть.

Перегнулся, резко открыл пассажирскую дверь.

— Садись.

Вышло негромко. Она стояла метрах в трех от него. В руке дымилась сигарета. Стояла и смотрела. Словно не видела его. Или — не верила. Ему.

— А ну живо в машину! — проревел Макс. Наверное, его было слышно даже внутри ресторана. Плевать. Главное, Кира его услышала.

Его крик словно сбросил с нее оцепенение. Полетел трассирующим снарядом окурок. Она сорвалась с места как спринтер после выстрела стартовым пистолетом. Зацепилась каблуком за поребрик. Снова не вписалась макушкой. В машину она не села — влетела кубарем. Сумочка упала на пол. Макс еще раз перегнулся и хлопнул пассажирской дверью — уже в обратную сторону.

С пробуксовкой колес и со второй передачи золотисто-бежевое «вольво» резко трогается с места. Через минуту машина вылетает на простор Невского. Протестующе пищит бортовой компьютер, помешанный на безопасности.

— Пристегнись, — зеленые глаза не отрываются от дороги.

Девушка на переднем пассажирском сиденье дрожащими пальцами послушно щелкает ремнем безопасности. Больше в салоне золотисто-бежевого «вольво» не произносится ни слова.

Объект двенадцатый: Финский залив

Свершилось чудо! Друг спас жизнь друга! Наш дорогой Карлсон теперь с нормальной температурой, и ему полагается пошалить...

Облако взаимного молчания обволакивало их все дорогу до «Суоменлахти». Оно вышло с ними из машины, оно было с ними в лифте. И нарушил молчание Макс лишь в квартире, когда за ними закрылась дверь.

— Пойдем, — взял ее за руку. Пальцы у Киры холодные и чуть влажные.

Кира не ответила. Просто послушно, рука в руке, прошла следом. Туда, к его самому любимому месту, к панорамному окну, за которым поблескивал разукрашенный лунным светом Финский.

— Садись, — руки как-то привычно и внутренне правильно легли на ее плечи. И Кира удивительно мягко и плавно опустилась на пол, туда, в его логово, в разброс разнокалиберных подушек. Села по-турецки, лицом к окну. Правильно села. Точно так, как частенько сидел перед этим стеклом он сам. Поэтому Макс сел зеркальной копией у нее за спиной — точно так же, по-турецки, лицом к Финскому. И ее затылку. От ее волос пахло свежо и цветущим парком — ему почему-то вспомнилась последняя поездка в Варшаву и отцветающие каштаны. А еще как-то раз он был в Варшаве в апреле — прямо из промозглой питерской то ли еще зимы, то ли уже весны с головой окунулся в дурманящее бело-розовое облако цветущих яблонь, вишен и слив. Тогда даже голова кружилась от запахов. Примерно как сейчас.

Голова немного кружилась. Злость давно ушла. Свои руки на ее плечах — это правильно. Словно прикрывал ей спину. Пока она делает первые взрослые шаги. Да. Надо же это как-то в слова облечь.

— Что ты видишь? — он наклонился к ее уху. Легкое и приятное головокружение не отступало.

— Вода, — негромко отозвалась Кира. — Финский.

— Я всегда хотел жить именно так. Видеть из окна Финский. Слушай... — Макс вздохнул. — Наверное, в прошлый раз я как-то невнятно выразился. Со мной редко, но бывает такое. Я что хотел сказать... — он протянул одну руку, подался чуть вперед, прижимаясь к ее плечам. Коснулся пальцем стекла. Стукнул. — Там — моя мечта. Я давно этого хотел. С университета еще, наверное. И я шел к этому. Я целенаправленно добивался этого. И, в конце концов — вот! — еще раз стукнул по стеклу. И с сожалением отодвинулся назад. — Я живу в квартире с видом на Финский — так, как я и мечтал.

Кира молчала. Ее силуэт на фоне ночного окна казался и нарисованным, и настоящим одновременно.

— Нет, Кир, я не хвастаюсь. — Макс еще раз вздохнул. Чтобы вдохнуть аромат ветра и цветущего сада от ее волос. — Было бы чем. Я о другом хотел сказать. Я хотел чего-то. И я добивался и получил именно то, чего я хотел. Я не верю, слышишь, не верю, — повторил он с нажимом, — что доля в «Артемиде» — это то, что ты на самом деле хочешь. Так ведь? — его пальцы сжались на ее плечах чуть сильнее. — Так?

Кира ответила не сразу. А потом едва заметно кивнула. Все так же не отводя взгляда от пространства за стеклом, в котором слилось вместе все — темнота воды, чернота ночного

неба, почти полная луна и россыпь звезд.

— Тогда скажи мне, — Макс чуть слышно выдохнул. — Скажи мне, чего ты на самом деле хочешь. Вот прямо сейчас и здесь ты можешь мне сказать — чего ты хочешь? Не для кого-то. А именно ты. Именно для себя. Чего хочет Кира Биктагирова прямо сейчас? Можешь сказать?

Она снова едва заметно кивнула.

— Чего?

— Я хочу, чтобы ты меня поцеловал.

Сердце ухнуло гидромолотом. А потом провалилось вниз, пролетело все двадцать четыре этажа и разбилось. Рассыпалось. К ногам этой удивительной девушки, сказавшей шесть слов, которые разом опрокинули все. Которые сдернули какие-то шоры с мыслей, пелену с глаз. И больше всего Макс сейчас хотелось — нет, не поцеловать ее. Это второе. А сначала запрокинуть голову и проорать во все глотку: «ДААА!!!»

А потом он с удивлением услышал собственный голос:

— Нет.

— Нет? — она повторила за ним странно спокойно, лишь с легким оттенком изумления. Словно ее так заморозил Финский, что все остальное было не таким уж и важным.

А ведь он действительно хотел ей сказать что-то важное. Несмотря на то, что только вот совершившее головокружительный кульбит сердце снова ухало в груди гидромолотом, а в голове стучала лишь одна мысль: «Целуй ее! Целуй!» — Макс упрямо сцепил зубы. Нет. Он должен убедиться, что Кира поняла его правильно. И что больше не будет очередного гребанного «дежа вю».

— Кирюш... — ничего не смог с собой поделать — снова наклонился. Зашептал на ухо, почти касаясь губами. Уже едва соображая, что несет. — В реальной жизни не бывает волшебных джиннов. Которому ты говоришь свое желание — и он его исполняет. Нет. Ключевые слова: «Я хочу и я делаю». Понимаешь? Хочу и делаю. Не «Я хочу, чтобы что-то случилось». А «Я хочу что-то сделать». Есть разница между «Я хочу мира во всем мире» и «Я иду на антивоенный митинг», понимаешь? Хотеть чего-то и делать что-то ради своей мечты — вот в чем разница.

Она снова молчала.

— Кир... — Макс вдруг почувствовал себя идиотом. Нашел время читать лекции — когда девушка так прямо сказала о своем желании. Надо было опрокидывать на пол и целовать, блин! И не только целовать! А теперь... И все равно, несмотря на нелепость ситуации, он был уверен, что это нужно было сказать. С Кирой все не так, как с другими. — Кира... Ты почему молчишь?

— Я поняла тебя.

— И?

— Я думаю. Я сейчас... переформулирую.

Он замер. И не сводил взгляда с ее тонкого профиля на фоне звезд за прозрачной стеной стекла.

— Все, — выдохнула Кира. — Я поняла, как нужно.

Макс не выдержал и прижался губами к мочке ее уха, к металлу маленькой серьги.

— Говори.

— Я хочу тебя поцеловать.

Персональный гидромолот в левой половине грудной клетки чуть не разворотил свое вместилище. Макс резко развернул Киру за плечи лицом к себе.

— Целуй.

И она поцеловала.

Кира-мать-твою-Артуровна, кто так целуется?!

Легкие касания. словно юная неопытная девочка. Едва тронула верхнюю. Отстранилась. Чуть прихватил губами нижнюю. Снова отстранилась. Прижалась к правому углу губ. Потом в левый. Снова отстранилась. Чуть слышно выдохнула. И снова легкое касание нижней губы.

А ему до онемения в пальцах хотелось сжать ее, запустить пальцы в волосы. И язык — в ее рот. И целоваться — по-взрослому, жадно, глубоко, взасос. А не этот вот... пионерлагерь. Но почему-то давал ровно столько, сколько давала и она. И, несмотря на то, что в голове гудел штормящий Финский — только лишь ответно легко касался ее губ своими. Целовал в уголки рта, который, кажется, слегка улыбался. С нее станется!

А потом Кира отстранилась. И он понял, что зря наговаривал на ее умение целоваться. Стонать хотелось от разочарования. От того, что ее губы больше не касаются его.

— Понравилось? — в спину ей светит луна над Финским, и выражения лица не видно. Лишь слегка поблескивают глаза. Как и звезды над заливом.

— Угу, — нет, он не невежлив. У него просто язык отнялся. От того, что языком хотелось не разговаривать, а делать совсем другие вещи!

— Мне тоже. Спасибо, что позволил.

А потом она как ни в чем не бывало отвернулась и снова уставилась в окно. Теперь от разочарования хотелось уже натурально завывать. Но Макс не успел это сделать.

— Максим... — легкая хрипотца в ее голосе — еще один довод в пользу того, чтобы все-таки уподобиться голодному хищнику, воющему на луну. — А ты можешь, сказать, чего ты хочешь в данный момент? Чего хочет Максимилиан МАлыш прямо сейчас? Можешь сказать?

— Могу.

— И?

— Я хочу тебя.

Врать он сейчас органически не способен. Хочет. Так, что внутри все сжимается — вот как хочет. Давно хочет, между прочим. Не один месяц уже. Только вот сейчас себе позволил в этом признаться. Стало легче. И, одновременно — в миллион раз сложнее. Потому что если ты скажешь «Нет» — я сдохну, наверное. Сначала завою, а потом сдохну.

Она снова повернулась к нему. Лицо по-прежнему в тени. И лишь голос...

— Хочешь — бери.

Кажется, она даже не успела закончить эту фразу. И уж совершенно точно головой он эти слова осознать не успел. Руки дернулись сами. Прижать к себе, опрокинуть назад, на пол, в подушки, головой к звездам, отражающимся в воде. И, Боже-мой-наконец-то-поцеловать!

Только тут Макс понял, как долго хотел ее. И как сильно. Потому что у него впервые в жизни так сорвало крышу. Напрочь просто. Голова отказала, он стал как зомби. Только тело, без мозгов. Тело, которое так давно желало другое тело. Вот это тело — роскошное. Сводящее его с ума.

Умеет же целоваться... А притворялась... Он не думал, что можно целоваться так — не

как обязательная прелюдия к сексу, которую не очень хочется слишком уж затягивать. Нет. Целовать так, будто дышишь этим поцелуем. Этим человеком. Этими губами, языком, гладкостью всего внутри. Ее вкусом. Ее рваным дыханием. Ее — о, да! — стонами. Прямо тебе в губы.

Их пальцы переплелись где-то у нее за головой, у самого стекла. Переплелись так сильно, что больно врезалось в кожу серебряное кольцо на ее среднем пальце. Боль не отрезвляла их, как не отрезвлял холод стекла, которого касались сплетенные пальцы. Тела еще не сплелись так, как пальцы, но между ними было жарко. И даже холод звезд за окном не мог остудить этот жар.

В какой-то момент Макс осознал, что творит совсем уже непотребное. Он занимался тем, что делают не очень психически здоровые дяди в общественном транспорте. Он терся об Киру. Вульгарно и бесстыдно терся об нее пахом, уже совершенно точно утратив контроль над собственным телом. Как какой-то ненормальный извращенец терся своими бедрами о ее, тихо порывая от этого ощущения — как там, под одеждой, от его движений сдвигается крайняя плоть, обнажая чувствительную кожу головки, и как почти болезненно ею касаться тканитрусов и прижиматься к горячему женскому телу сквозь слои одежды.

И все равно — трется. Как гребанный извращенец. Потому что Кира выгибается под ним, подстраиваясь под его движения. И ответно трется об него. И с негромким шипением стягивает в себя его нижнюю губу, и прикусывает — слегка. И еще приподнимает бедра и раздвигает — чтобы ему было удобнее об нее тереться. Два тела, отчаянно пытающихся добраться друг до друга.

Освобождает одну руку, приподняться, между телами — как хорошо, что на ее пиджаке одна пуговица. Больше — вырвал бы на хрен! Гладкая ткань топики скользит вверх, наконец-то — не ткань, а кожа. Кожа... ее кожа. Большой палец ныряет под пояс брюк, гладит подвздошную косточку. Губы ее отпустить, чтобы языком обвести идеальную линию челюсти, острого подбородка. Скользнуть языком дальше, вниз, по шее. Поймать на вкус биение пульса.

И почувствовать, как ее ладони упираются ему в плечи.

— Нет.

Теперь из трех слов все три были матерные. Он уперся лбом в ее ключицу, сжал руки на талии.

— Кира, так нельзя... — собственный голос неузнаваем. — Нельзя в такие моменты говорить «нет»! Это запрещено организацией «Красный крест»! Я же сейчас сдохну. Прямо на тебе! Хочешь оказаться под трупом?

— Не хочу, — выдохнула она. — И на полу не хочу. Максим, пойдем в кровать, а?

— Твою ж мать, ханство бухарское! Кровать ей подавай! — он хрипло рассмеялся. А потом резко отодвинулся назад. Секунда — и он уже на ногах. Еще секунда — и Киру вздернули за руку туда же. Прижал к себе.

— На кровати. На диване. На столе. Где хочешь. Только давай быстрее!

Кира не успела ответить — ее за руку потащили. Оставалось надеяться, что в сторону кровати. Пан Максимилиан такой романтик.

— Раздевайся! — их микро-марш-бросок действительно привел к кровати. — Раздевайся сама. Иначе я порву что-нибудь на хрен!

Страсти какие. Кира пожалала плечами. А потом спокойно сняла пиджак и аккуратно положила его на пуфик у стены.

— А ты сам собираешься заниматься этим в одежде?

Макс что-то прошипел сквозь зубы и принялся сражаться с пуговицами на рубашке. Вслепую — потому что оторвать взгляд от стоящей напротив девушки не мог. Свет — только из окна. Но ему казалось, что ее белый топ и даже кожа — светятся. Едва уловимым светом.

Не торопясь, словно находилась у себя в спальне, Кира перекрестила руки и потянула за края топа. А потом он так же аккуратно был отправлен к пиджаку. Под белым топом оказался простой белый бюстгальтер. Макс забыл про чертовы пуговицы. В прошлый раз ему показалось, что у Киры там все скромнее. А сейчас бюст выглядит весьма и весьма аппетитно. Сюрприз, и, черт возьми, приятный!

— Не обольщайся, это «пуш-ап», — она будто прочитала его мысли. А потом резко завела руки за спину. Секунда — и белый бюстгальтер присоединился к топу и пиджаку. И Кира осталась стоять перед ним, обнаженная по пояс. Ровная спина и вздернутый подбородок. — И не проси меня обернуться, чтобы поискать с другой стороны. Нет там ничего. Нет. Это — вся грудь. Уж какая есть.

— Дура... — выдохнул он во второй раз за этот вечер. Но совсем с другой интонацией. Бросил строптивные пуговицы, и его ладони вдруг оказались там, где еще недавно были чашечки простого белого бюстгальтера. Пальцы чуть сжались. — Такая дурочка ты у меня...

А потом... потом Макс обхватили ее обеими руками за талию и приподнял, а она тут же обняла его ногами. А затем он наклонил голову. И принялся целовать ее грудь. Кожу — от краев к вершинкам. Губами, потом языком, снова губами. И шептал между поцелуями:

— Не слушайте ее, девочки. Вы просто офигенные. Такие красавицы. А хозяйка ваша... Да она вообще со странностями — наша Кира Артуровна. С головой не всегда дружит. И глупости часто говорит. Так что не слушайте ее. Вы очень красивые. Нежные. Сладкие. Самые лучшие.

Кира попробовала рассмеяться, но вышел всхлип. Который перерос в стон.

— Мааакс... — перевела дыхание. — Ты разговариваешь с моей грудью?

— Ну не с тобой же разговаривать? — глухо отозвался он, уткнувшись лицом в ложбинку между своими недавними собеседницами. — Ты вечно какую-то чушь несешь.

— Макс, отпусти меня, тебе же тяжело.

— Нет.

И он принялся за нее всерьез. Влажно и жарко его губы и язык просто сводили ее с ума. Сначала правую. Потом левую. Идеально сладко. Кира начала дрожать, Вцепилась крепче в его плечи, голова бессильно откинулась назад. Если он еще раз сделает вот так языком — то сжатая пружина внизу живота бабахнет. Точно бабахнет.

Дрожащие от возбуждения женские пальцы гладят дрожащие от напряжения мужские плечи.

— Отпусти.

Он помотал головой, не выпуская изо рта ее сосок. Оргазм подкатил совсем близко.

— Максим, пожалуйста... Я так не могу...

— Ладно, на кровати, я понял!

Он опустил ее вниз резко. Ставшие сверхчувствительными после всех его манипуляций соски царапнули о пуговицы рубашки. Кира зашипела. Макс чертыхнулся извинениями, а она зажала ему рот ладонью. И прижалась всем телом — потому что было и больно, и сладко. И потому что сама уже на грани.

— Послушай, — зашептала ему на ухо. Должна сказать. Ему хочется говорить все как

есть. И не должно быть между ними ничего, никаких тайн и секретов. А Макс должен знать. Не Бог весть какой секрет, а знать должен. И почему-то сейчас совсем не стыдно говорить о таком откровенном и интимном. Сейчас стыдливость осталась где-то далеко. — Если ты будешь так и дальше делать с моей грудью...

— Тебе не нравится? — выдохнул он.

— ... то я кончу. Очень скоро.

Он замер.

— Только... Только от этого?

— Да. У меня... очень чувствительная грудь. И соски. Я и так уже еле держусь, еще чуть-чуть и...

— Офигеть... — выдохнул ей в висок. А потом отстранился. — Живо снимай с себя все! Я хочу это проверить.

Все она не сняла — на Кире остались простые белые шортики. И ему почему-то было дико приятно видеть такое скромное белье на ней. Не хотела радовать Козикова. А самому Максиму любые трусы на Кире в кайф. Лишь бы снять их быстрее. Но пока оставил на месте. Как и свои.

А потом они, наконец-то, оказались на кровати — как ее бухарство и требовало. И там, в постели, капризное, ехидное и взбалмошное ханство окончательно превратилось в нежную и страстную деву. Она металась и всхлипывала, вздрагивала и стонала под его прикосновениями и поцелуями. Была офигенно, охренительно искренней и настоящей в своем наслаждении. И слишком поздно Макс вспомнил о предупреждении. Заигрался. Увлёкся. Совсем низкий, горловой стон, ее лопатки отрываются от матраса. Он еще успевает скользнуть ладонью вниз по животу и прижать пальцы к влажному хлопку. Прижать раз, другой. А потом Кира резко вздрагивает, заваливается на бок, подтягивая колени к животу и прижимая обеими руками его ладонь под аккомпанемент тихого: «Чееерт...». А там под ладонью бьется — горячо и ритмично. В комнате слышится восхищенное: «Вау...», сказанное мужским голосом. И позже, когда Кира перестает дрожать, Макс прижимает ее к себе — крепко и плотно. И шепчет куда-то во влажный висок.

— Вот я знал. Я знал, блин!

— Что... Ты... Знал? — дыхание еще не восстановилось.

— Что под всеми этими твоими колючками и ехидством ты именно такая.

— Какая?

— Огонь, Кирюша, огонь... — выдохнул Макс довольно. — Ты — самый настоящий огонь. Такая горячая, сладкая и... и нежная девочка. Жар-птица ты моя...

Ей хочется улыбаться. Смеяться. И быть горячей и сладкой — для него.

— Да ты еще и не распробовал толком, — поворачивается лицом, по-хозяйски закидывает ногу ему на бедро. — Мы еще даже не начали по-настоящему, шановный.

— Не пытайся даже, — в его голосе слышна мягкая усмешка. — Не включай прежнюю Киру. Я видел, как ты кончаешь. Все, смирись. Я знаю, какая ты настоящая.

— Ничего ты не знаешь... — мурлыкнула она ему на ухо. — Этот оргазм не считается.

— Как это?

— А вот так! — Кира без предупреждения скользнула ладошкой под резинку его боксеров. Макс охнул. — Тебя внутри меня не было. Положение «вне игры». Оргазм не засчитан. Я требую... — она двинула ладонью вверх и вниз по захваченному трофею, — Я требую...

— Дань за двенадцать лет? — едва выдохнул он.

— Продолжения банкета!

— Как скажешь! — прохрипел Макс. А потом решительно убрал от себя Кирины руки.

Затем так же решительно смел свое и ее белье, прошелестел фольгой — и все это в рекордно короткие сроки. — Банкет — так банкет. Сейчас будет... — двинув бедрами. — Десерт!

Она оказалась узкой. Очень узкой. Но войти в нее было легко — так гладко и влажно было внутри. Так легко, что он провалился в нее до упора — и, кажется, в одно мгновение.

Послышался вздох — тоже восхищенный, но уже женский. Ее икры тут же оказались на его поясице, пальцы — на шее, Кира чуть выгнулась под ним, прижимаясь плотнее. И — они совпали. Совпали изгибы ее ног и выемки на его спине. Идеально легли пальцы на затылок. Она так прижалась к нему, что там тоже все совпало до миллиметра. Между ними не осталось ни молекулы воздуха. Они совпали везде.

Так случилось с ним впервые. Когда секс перестал быть механическим процессом, в котором участвуют два дела, и целью которого является стимуляция эрогенных зон. Хрена там. Не было двух тел. Вообще не было двух. Перестали существовать Он и Она. Не стало Макса и Киры. Они стали единым целым. Чем-то третьим. И, что самое удивительное, этот приход накрыл его на абсолютно трезвую голову. Из всех сильнодействующих наркотических веществ — только она. Кира.

— Максимка... — выдохнула она. — Двигаться надо, ты в курсе?

Он показал ей, что в курсе. Как можно двигать языком во рту. И в другом ее месте — таком же нежном и влажном — он тоже начал двигаться. Еще как. Движения вперед и назад. И все равно, каждое движение — вперед. Вперед, глубже, дальше. Куда-то туда, где он, как ему теперь казалось, еще никогда не был. Никогда и ни с кем. Максимум почему-то вспомнилась дурацкая романтическая хрень, что рассказывала Яночка — про красную нить, которая, по мнению японцев, связывает за мизинцы двух предназначенных друг для друга людей. Красная нить, мизинцы. Ну-ну. А сейчас эти ритмичные движения — словно стрекот швейной машинки. Той самой, на которой шьют полотна судеб какие-то ответственные за это мифические или не очень существа. И сейчас, с каждым движением двух людей навстречу друг другу их словно пришивало. Стежок за стежком. Прошивало насквозь. Гребанной красной нитью. Стежки красной нити, делающие из них нечто единое.

Эти мысли... если этот бред, конечно, можно назвать мыслями — были последним чем-то более-менее связным в его голове, прежде чем Макса унесло окончательно. Туда, где не было уже ни слов, ни мыслей. А только наслаждение — в каждом движении, в каждом звуке.

Она сто раз представляла это. Да что там — она мечтала об этом. Последние месяцы Презирала себя за то, что представляет себе, как она занимается сексом с этим вредным, непонятым и непостоянным МАльшмем. И поэтому заставляла себя думать, что такие, как он, занимаются сексом по регламенту. В строго определенном порядке. В заранее оговоренной позе. Четко расписанное регламентом количество минут. Так ей было легче выносить это свое помешательство им. Зато теперь... теперь вся эта концепция трещала по швам.

Он оказался взрывной, жадный, непредсказуемый. И реально «секси» — банально, пошло, но иначе не скажешь. Максимум МАльшу в постели явно было плевать на условности и правила. Он оказался совершенно первобытным каким-то, лишенным стыда и предрассудков. Каждое его движение вопило о том, как и чего он хочет. Откровенный и горячий. Чистый секс под такой приличной упаковкой.

Как он ее целовал — не давая ни малейшей возможности не ответить ему. Как он терся об нее — откровенно и бесстыдно демонстрируя всю степень своего возбуждения и желания. Увлекая ее за собой в омут этой безбашенной страсти. Как он ласкал ее, взяв на руки — Кира даже подумать не могла, что бывает так. И что он на это способен. Как неожиданно и легко, словно делал это много раз, он довел ее до разрядки — собственное тело отдалось в его руки безоглядно, пока сама Кира пребывала в шоке от такого Макса. И теперь, апофеозом — ЭТО.

Как он пахнет. Из-под горько-мятного парфюма пробивался запах разгоряченного мужского тела — пота, адреналина, тестостерона. Макс уже чуть-чуть, самую капельку колючий — и когда его щека слегка царапает ее, наслаждение почему-то становится еще острее. Хриплое дыхание и редкие, сквозь зубы, стоны — только одно это уже способно завести дальше некуда. И плечи у него именно такие, как ей показалось тогда, когда не совсем трезвая они ими любовалась. Гладкие, чуть влажные. Широкие — такие, что за них можно держаться. Надежные. И внутри нее он большой и твердый. Такой, каким должен быть настоящий мужчина. И еще почему-то под каждое движение она чувствует, как касается ее лобка и трется об него растительность в его паху — жесткие волосы к нежной влажной коже, но это все равно — ласка. Большой, твердый, местами жесткий и колючий, откровенно ритмичный, жарко дышащий и охренительно пахнущий. Чертов идеальный архитектор.

Первый раз был не оргазм — разрядка. Слишком сильное возбуждение, организм просто спустил пар. А вот теперь, именно теперь огненным цветком во всей красе внизу живота распускался Его Величество Оргазм. Ей нужно совсем немного. Еще немного фирменного коктейля под названием «Макс МАлыш внутри».

Кира попыталась что-то сказать, попросить чуть замедлиться или что-то еще сделать — так, чтобы у них получилось вдвоем. Но вышло лишь невнятное «Ммм...».

— Понял, — хрипло выдохнул Макс. Горячая ладонь подхватила под поясницу и прижала плотнее к себе — еще плотнее, а, казалось, это невозможно. Жесткие волоски царапнули сильнее. — Поцелуй меня, — шепнул в губы.

И они целовались. И двигались вместе, как одно целое. Но первая успела она. Застонала прямо ему в рот, выгнулась, сжалась. «О, дааа...» — ускользяще пронеслось у Макса в голове. Дело сделано, сейчас в пару движений догнать ее, успеть вдвоем. Но не тут-то было. Даже дернуться не смог. Она обхватила его крепко — ногами за талию, руками за шею, еще и за губу прикусила. Зафиксировала так, что не шевельнуться. И кончала, эгоистка бессовестная, в свое удовольствие — истекая всхлипами, влагой, дрожью. И лишь после, когда она рухнула на подушку и разжала руки — тогда Макс получил свое. Быстро, яростно и думая уже только о себе. А потом и он рухнул. На нее. Совершенно без сил.

И в комнате на какое-то время стало наконец-то тихо.

* * *

— Слушай... Ты же тощий. Чего ты тогда такой тяжелый?

— Я не тощий — это раз, — Макс, наконец-то, шевельнулся на ней. — Мозг — он тяжелый, это два. Я умный, мозгов у меня много, потому и кажется, что я тяжелый. Вот, смотри, — он перекатился на спину, не отпуская ее. Аккуратно подравнял чуть съехавшие с него женские бедра. — А ты совсем не тяжелая. Потому что тут... — постучал пальцем ей

по виску. — Пусто.

Кира чуть слышно рассмеялась. Спорить и ставить обнаглевшего пана архитектора на место не хотелось. Хотелось лежать на нем, прижавшись щекой к плечу. И все. И больше ничего.

— Кирюююш... — он обнял ее за спину. — Почему мы это раньше не сделали, а? Столько времени потеряли. Офигенно же! Так... — и он замолчал, словно слов не мог больше подобрать.

— Угу, — согласилась Кира ему в плечо. — Тебе часто говорили, что ты великолепный любовник?

— Каждый раз! — хохотнул Макс.

— Совершенно заслуженно, — голос ее уже совсем ровный. — Я тоже так тебе скажу. Ты очень хорош в постели.

— Да ты больше меня слушай, ага, — он сильнее сжал руки. — Мужики всегда про это врут. Знаешь, — Макс повернул голову, чтобы говорить ей прямо на ухо. — Я тебе скажу по секрету. Только ты никому не рассказывай — обещаешь?

— Обещаю, — она почему-то улыбнулась.

— Это был лучший секс в моей жизни. Близко ничего раньше не было такого. А все потому что...

— Опыта, наконец-то, набрался? — Кира не дождалась ответа.

— Потому что ты! — он сказал это почти сердито. — Что за манера не дослушивать до конца и перевирать мои слова?!

Она не стала отвечать — лишь потерлась щекой о его грудь. Вздохнула тихонько и удовлетворенно.

— Я вот сейчас отдохну, — Макс зевнул. — И будет продолжение банкета.

— Какое может быть продолжение после десерта?

— Еще один десерт.

— Попа слипнется, — Кира тоже зевнула. — И зубы испортятся. И вообще — мне двух оргазмов вполне достаточно.

— Это у тебя два. А у меня — один. Так что...

Конца фразы она не дождалась. Честно подождала, чтобы ее больше не обвиняли в том, что она не дослушивает до конца. А потом подняла голову. Распорядитель банкета спал. Так и отрубился на середине фразы.

Полежав еще какое-то время на Максе, Кира решила, что спать в таком положении все же неудобно. Но попытку слезть с него Макс пресек — обнял сильнее, пробормотал что-то вроде: «Кудапошлалелжитутспинедрыгайся!». И все это — не просыпаясь толком. Пришлось лежать так дальше. Тепло. Хорошо. Уже сквозь дрему она почувствовала, как соскользнула с ее спины его рука. Значит, заснул уже окончательно и крепко. И Кира со вздохом приподнялась. Ей нехотелось в туалет — впрочем, такое с ней почему-то после секса приключалось почти всегда. Ой. И надо кое-что еще сделать.

Как минимум — вытащить из себя презерватив. Вот такой ей достался бонус за сладкие посткоитальные обнимашки — когда слезала с Макса, средство контрацепции «снялось» вместе с Кирой. Она чуть слышно фыркнула. Почему-то о таких нелепицах не пишут в любовных романах. И там после потрясающего секса все тоже на высшем уровне. Нет, в общем-то, ей жаловаться не на что. Смешно просто. Кира чуть поморщилась, когда нащупала силикон, потянула. Ого... кого-то оказалось очень много. Завязала узел, но в комнате все

равно разлился запах — специфичный. И почему-то, одновременно — свежий.

Поход в санузел кончился тем, что она решила принять душ. Все равно голая и душевая рядом. Обернулась к своему отражению, оглядела критически. Хороша. Ну хороша же. Макс в этом не оставил ни малейших сомнений.

А потом почему-то не спалось. Странное дело — занимались сексом двое, хорошо было обоим. Но один вырубился почти сразу и дрыхнет без задних ног. А другая... В голову лезли тысяча и одна мысль. Неправильных. Непродуктивных. То, о чем сейчас нет никакого смысла думать. И вообще — утро вечера мудренее. Кира вздохнула. Пойти, покурить, что ли? Тихонько, в окно. А, может быть, вообще, собраться и смыться незаметно? Макс рядом заворочался. Протянул руку, нащупал ее ладонь.

— Почему руки холодные? — раздалось хриплое. Подкатился под бок, развернул ее к себе спиной, как куклу. Прижал. — И ноги тоже холодные! Курить ходила, курица бессовестная?

— В туалет я ходила.

— Молодец. А теперь — спать, — он кратко прижался губами к основанию ее шеи. — Сейчас согреешься...

Кира хотела припомнить ему обещанный второй десерт. Но вместо этого, убаюканная теплом рук на животе и мерным дыханием за спиной — заснула.

* * *

А потом наступило утро.

В настоящей романтической истории на этом месте был бы завтрак в постель — кофе, блинчики и роза на салфетке — и по фигу, откуда бы это все взялось. Нежные поцелуи — и вопрос гигиены полости рта тоже не стоит на повестке дня. Потом — красивый секс на почему-то снова свежих простынях двух чистых и красивых людей.

Но это в идеальной романтической истории. Здесь же утро начнется так, как оно начинается в девяносто пяти случаях из ста.

Зазвонил будильник. Мужская рука вслепую нащупывала телефон, валяющийся у кровати — в кармане брюк. Ругаясь вполголоса, Макс выцарапал телефон из вороха ткани, отключил будильник и снова рухнул на подушку. Через пять минут будильник сработает снова, потому что по утрам сила воли у Макса — ни к черту, и с первой попытки он никогда не встает.

Спустя минуту Макс резко открыл глаза и поднял голову с подушки. Повернувшись к нему спиной, рядом спала Кира. И это вытряхнуло его из остатков сна похлеще будильника. В голове, как в ночном небе, цветами фейерверков вспыхивали воспоминания о прошедшей ночи. Вечере. Да при чем здесь время суток! Это были воспоминания о том, что творила с ним эта спящая черноволосая принцесса. И что он сам творил с ней. И как это было охренительно. И пах уже готов это все повторить — хоть сейчас.

Снова заголосил телефон. В этот раз Макс сел на кровати. Окончательно и осознанно отключил будильник. Мечты, мечты... Время — десять минут восьмого. В девять у них с Костей важная встреча с заказчиком. Важная встреча с важным и перспективным заказчиком. И как бы Макс не хотелось провести это утро иначе — так поступить с Драгиным он не мог. Значит, надо вставать. И не только ему.

Макс протянул руку и легко коснулся ее плеча.

— Уже встаю, — голос у Киры совсем не сонный. Значит, проснулась не только что.

А потом и она села, спустила ноги с постели с другой стороны кровати. Все так же спиной к нему, но не делая попыток прикрыться. Растрепанные темные волосы. Острые углы лопаток. Идеально ровная выемка позвоночника. Две аппетитные ямочки внизу, над ягодицами. Узкая талия и изгиб бедра. И все это одето в солнечные лучи. Ему стонать хотелось. И не выдержал — подался к ней, положил ладони на плечи. Прижиматься не стал — потому что удовольствия это не принесет ни ей, ни ему — с учетом уже плотно подкатившего утреннего цейтнота.

— Кирыш... — упустить возможность прижаться губами к уху оказалось выше его и без того никакой с утра силы воли. — У меня встреча важная в девять. Я бы хотел... очень хотел, чтобы сейчас все было не так. И мне не нужно было никуда торопиться. Но, правда... важный клиент... перспективный... мы долго готовили эту встречу и... Не подумай, что я тебя выгоняю! Хочешь — оставайся. Я постараюсь дела побыстрее разгрести и...

— Я все понимаю, Макс, — она чуть наклонила голову вперед. Уходя от прикосновения его губ. — У меня тоже дела сегодня. Среда, мать ее. Середина рабочей недели. Так что все нормально.

Ни черта это не было нормальным. Макс чувствовал это — в напряжении ее плеч, в ровности ее голоса. Никогда ему не было так странно, трудно и неловко наутро после секса — даже если он не мог вспомнить, как зовут постельную визави. Сейчас все было гораздо сложнее и непонятнее. Что-то было не так, но сообразить, что именно в условиях стремительно уходящего времени, да еще и с утренним стояком, никак не получалось.

— Кир... — он все-таки прижал ее слегка — к груди. — Я быстренько в душ. А потом завтрак соображу, пока ты будешь душ принимать. Хорошо?

— Хорошо.

Блин. Не нравится ему это все. Но время... время... Поцеловал в темноволосую макушку и с неохотой отстранился. Сейчас примет прохладный душ, соберется с мыслями. Нечего трагедию устраивать. Все нормально. Им надо просто спокойно поговорить, а сейчас для этого нет возможности. «В душ!» — скомандовал себе Макс. Кира ему вслед не обернулась. А он надеялся, между прочим.

К тому времени, когда Кира вышла из ванной, хозяин квартиры, в брюках, рубашке и даже галстук, аккуратно выбритый и причесанный, уже заканчивал сервировать завтрак на маленьком столике у окна.

— Извини, из разносолов только бутерброды, — Макс улыбнулся вполне естественно. — Я на твою долю кофе сварил, но не стал добавлять ни молока, ни сахара — кажется, ты любишь черный?

— Ага, — Кира вцепилась руками в кружку. — Спасибо.

За стол садиться не хотелось. Макс тоже стоял, привалившись плечом к стеклу — такой весь аккуратный и собранный. Не верилось, что это тот самый человек, который вчера ночью все то бесстыдство, о котором сейчас думать не следовало.

— Ветер сильный, — он указал кружкой на залив за окном. — На вечер — штормовое.

— У тебя тут чувствуется сильный ветер?

— Еще как, — усмехнулся Макс. — В окна бьет. Садись за стол, чего ты?

— Я не ем с утра. Кофе только выпью — и все.

— Нет, так неправильно! — Макс подал пример и сел на табурет. — Давай, иди сюда. Я

тебе бутерброд сделаю.

Пришлось садиться, есть бутерброд, говорить о погоде. Кажется, у них даже стало неплохо получаться — делать вид, что все нормально. Особенно если не смотреть в сторону разбросанных на полу подушек — метра в трех от того места, где они завтракали.

— Все, спасибо, — Кира последним долгим глотком добила кофе. — Пошли?

— Пошли, — кивнул Макс. — Сейчас, только пиджак возьму.

Уже на пороге входной двери у Макса то ли терпение кончилось, то ли свежееобретенная стараниями Киры Артуровны паранойя дала себя знать. Не нравилось ему выражение ее лица. У кариатид Новомихайловского дворца выражения лиц и то более живое. Желание позвонить Костяну и сказать, что его ненаглядного ГАПа сразил внезапный приступ диареи или красной волчанки, становилось все более острым. Не отпускать. Нельзя отпускать ее с таким равнодушным мраморным лицом.

— Кира! Послушай! — он снова взял ее за плечи. Привычка уже, что ли? — Я деле закончу и позвоню. А вечером мы обязательно встретимся. Попьем вина или пива. Поговорим. Обязательно поговорим. И десерт... съедим, — он улыбнулся, но Кира молчала и смотрела серьезно. — Слушай, я не знаю, как тебе сказать, чтобы понятно было! Ничего сейчас не закончилось, понимаешь? Не закончилось, а только началось! Кира, ты слышишь меня?!

Не выдержал — тряхнул за плечи. Кира поморщилась, и он снова резко убрал руки. Снова все повторяется. «Дежа вю». Гребанное «дежа вю».

— Слышу, — она сказала это тихо. А потом вдруг подалась к нему и прижалась. — И ты меня послушай. Я тебе скажу по секрету кое-что. Обещай, что никому не скажешь?

— Обещаю, — Господи, опять сюрпризы!

— Дело в том, что... — она шептала ему прямо на ухо. — Я провела сегодня лучшую ночь в моей жизни. С самым потрясающим мужчиной. Мне надо как-то... — Кира вздохнула. — Научиться с этим жить.

Макс слегка отстранился. Она пытается его успокоить. Перевести все в шутку. Нет уж. Он на это не поведется.

— Хорошо, — кивнул серьезно. — Учись жить с этой мыслью. У тебя время до вечера есть. А вечером придется ответить за свои слова, Кира Артуровна. Ясно?

— Ясно, — кивнула так же серьезно. — Пошли? Ты опаздываешь.

Он действительно опаздывал — пока еще не критично. Но дальше время терять не стоило. Макс щелкнул дверным замком.

* * *

— Тебя в офис или домой?

— Меня до метро.

— КИРА!

— Максим, правда, — она положила ладонь поверх его руки на рычаге коробки. — Ты же торопишься...

— Не настолько!

— Слушай, я пока не знаю, куда мне надо, — ее голос звучит примирительно. — У меня машина у офиса. Но надо бы домой заскочить, переодеться. В общем, мне надо подумать. А

ты же и, правда, опаздываешь, Максим.

— Это мои проблемы. Я отвезу тебя туда, куда тебе нужно.

— Мне нужно метро.

— Кира...

— Правда. Так будет удобнее всего — и мне, и тебе. Макс, отвези меня к метро.

Он вздохнул и тронул машину с места.

* * *

Она поцеловала его на прощание. В щеку. А он сидел и смотрел, как она растворяется в толпе, втекающей в пасть питерского метрополитена. Все пытался удержать ее голову в поле зрения. А потом ее заслонил какой-то здоровенный тип — и он потерял ее темноволосый затылок в числе прочих.

Ему надо ехать. Он же опаздывает. Макс бросил последний взгляд на темную пасть с буквой «М», проглотившую Киру. Тоскливое ощущение было совершенно иррациональным и не поддающимся разумному объяснению. Встреча. У него важная встреча. Остальное — потом.

Золотисто-бежевое «вольво» мягко тронулось от обочины.

Объект тринадцатый: Новостройка

Так это вы таскали мои плюшки?!

В вагоне ей даже удалось сесть. Прижать сумку к груди, глаза прикрыть. И, наконец-то, оставшись самой с собой наедине под закрытыми веками — вспомнить. Как оно все было. Кира почувствовала, как на лицо напоздает наиглупейшая улыбка, но ничего не могла с этим поделать. Да и не хотела.

В сумочке пискнул телефон. Кто? Обожаемый шеф? Любимая сестричка? Это оказался Макс.

Слушай, я еще до работы доехать не успел, а уже по тебе скучаю.

Улыбка перестала помещаться в пределы лица и грозила, как у Чеширского кота, парить рядом. Пальцы сами собой застучали по экрану.

Соберись, тряпка!

Неправильный ответ.

Тебя ждет Драгин.

Еще одна попытка.

Кира прикусила губу. Выдохнула. И решительно напечатала.

Ладно. Я начала скучать по тебе, как только захлопнула дверь твоей машины.

Совсем в другой и наземной части города молодой мужчина в золотисто-бежевом «вольво» широко улыбался, глядя на экран своего телефона. И вздрогнул от резкого звука автомобильного клаксона. Оказывается, на светофоре уже зажегся зеленый.

* * *

Кира хотела заскочить в офис на пару минут — предупредить, что будет позже. А потом забрать машину и метнуться домой — переодеться во что-то более неформальное. И уж только после этого вернуться — и раз и навсегда распрощаться с «Артемидой». Теперь она знала точно — здесь ей делать нечего. Пора переворачивать эту страницу. И идти вперед, не оборачиваясь.

— Кира! — завопила Лерка, едва увидев ее. — Тебя все потеряли! Влад с ума сходит. Оксана орет.

— Я сама кого хочешь с ума сейчас сведу, — мрачно ответила Кира. — И наору заодно.

И как она работала здесь столько лет? В этом гадюшнике. На всю контору один нормальный человек — Лерунчик.

— Кира, — раздался тот голос, который Кира менее всего хотела сейчас слышать. — Зайди ко мне.

— Не Кира, а Кира Артуровна, — она медленно обернулась к сестре. — И если тебе надо со мной поговорить — говори здесь. Я тороплюсь.

Лерка медленно попятилась назад. Кажется, она готова была спрятаться в шкаф.

— Ну, надо же... — Оксана сложила руки под грудью. Выглядела она неважно. Но, как обычно, вела себя так, будто весь мир лежит у ее ног. — Торопишься? А что, это теперь принято так: являться на работу — прямо вот как была накануне в ресторане? Что, ночь

была настолько бурной, что с утра себя привести в порядок — совсем времени не было? Нормы приличия для Киры Артуровны не писаны?

— Лера, — Кира подхватила сумочку со стола. Зря она зашла в офис. Совершенно зря. — Я буду через полтора часа. Если что-то срочное — звони.

— Помнишь, у меня была в шестом классе такая сиреневая куртка? — неожиданно донеслось из-за спины.

— Что за приступ ностальгии? — бросила Кира, не оборачиваясь.

— А тебе она так нравилась... — пропела Оксана. — Так нравилась... но это была моя куртка. А потом она тебе все-таки досталась. Когда я из нее выросла. Ты за мной донашивала ту куртку. Потом еще кроссовки — помнишь? Синие. И еще спортивный костюм был такой...

— Оксана, — Кира все-таки повернулась. — Выпей «фервекс» какой-нибудь. У тебя явно жар и бред.

— Ты все время за мной что-то донашиваешь, — все так же медоточиво продолжила Оксана. — Куртку, кроссовки... мужчину...

Кира рассмеялась — громко и от души.

— Не переживай. Этого мужчину я за тобой донашивать не стану. Носи, дорогая моя, — Кира еще раз прыснула. — Носи на здоровье. Совет, как говорится, да любовь. И «Артемиды» в придачу.

Лерка, спрятавшись за своим столом, открыв рот и наострив на полную катушку уши, наблюдала за разворачивающимся спектаклем.

— А я не про Влада.

Улыбка сама собой сползла с лица Киры.

— Вот как? И про кого же тогда?

— Сама знаешь! — фыркнула Оксана. — Разумеется, про Макса. Максимилиана МАльша.

— Твоя зависть абсурдна, — Кира медленно покачала головой. — Как же хорошо, что я отсюда ухожу. Давно пора было.

— Думаешь, нашла себе принца? — теперь рассмеялась уже сестра. — Неужели ты не видишь, что он из породы одиночек? Не будет он ни с кем. А уж с тобой — и подавно. Я это сразу поняла. Но секс с ним потрясающий — что да, то да. Так что донашивай, сестричка. Я попробовала — мне понравилось. Не думала, правда, что после меня Макс позарится на тебя — ему явно нравятся женщины более... более элегантные и утонченные. Но, может, ему перемен в сексуальной жизни захотелось? Или — сравнить двух сестер между собой? Тогда, увы, — с притворным сожалением Оксана развела в стороны руки. — После меня у тебя нет шансов. У тебя судьба такая — донашивать.

— Ты. Врешь.

— Конечно, вру, — легко снова рассмеялась Оксана. — Вы занимались сексом на столешнице в кухонной зоне? Черный гранит. Очень удобная высота, советую. Диван не рекомендую — узкий, и эти вставки лаковые — липнут к коже. А вот на кровати — отлично. Матрас упругий, ортопедический, не скрипит. Мне понравился японский стиль спальни и эти штуки в вазах. И вид из окна на Финский просто потрясающий. Вот там, в подушках, кстати, весьма неплохо, прямо у окна. Целоваться там точно классно. Вы целовались там? Очень романтичное место.

Словно нож воткнули куда-то в самый центр, в солнечное сплетение. Так больно, что не

вздохнуть. То, что касалось только ее. Ее и Его. Оказалось для всеобщего обозрения. Словно ее голой выставили посреди рынка. Смотрите, любуйтесь. Смейтесь.

— Неправда... — шепотом. Невесть откуда силы взялись на неверие. На сопротивление.

— Как же ты любишь сочинять себе сказки про принцев и прикрывать ими обычное бл*дство! — теперь без намека на улыбку и жестко произнесла Оксана. — Скажи — ты пробовала на вкус родинку у него на животе? Чуть ниже и правее пупка? О, эта мушка дорогого стоит, — передразнила фразу из известного кинофильма.

Кира не пробовала губами эту родинку. Не до того было. Но Кира знала, что она там есть, именно там — чуть ниже и правее пупка. Она увидела ее еще в тот раз, когда полуголый Макс орал на нее у себя в квартире. Когда она сбежала от него. Зачем... зачем она снова вернулась в ту квартиру? Зачем?!

— Тварь... — Кира прошептала это, крепко зажмурившись. — Какая же ты тварь.

Развернулась. И пошла к дверям. Вслепую. Глаза были широко раскрыты, но перед ними — темнота.

* * *

Несмотря на несколько рассеянное состояние одного из совладельцев, встреча прошла удачно. Даже не просто удачно — кажется, они поймали фортуна за хвост. После встречи Костя развил даже для него фантастически бурную деятельность. Бесконечно кому-то звонил, третировал Борю Зеленского и самого Макса. Минуты от него не отдохнуть было. Драгин почуял кровь и рвал из-под себя. Если все срастется — они выйдут на совершенно другой уровень. В высшую лигу.

Но все-таки, как только Костя отвлекся на Зеленского и исчез из кабинета, Макс, вместо того, чтобы сочинять пояснительную записку, схватился за телефон.

Занята?

Да.

Ладно, не отвлекайся на меня. Я тебе просто кое-что черкну, потом прочитаешь.

Макс отвернулся, посмотрел в стену. Может быть, не стоит так сразу? А, да какого черта! Ему не семнадцать, чтобы стесняться говорить о своих чувствах. К тому же, его реально просто изнутри распирало. Не мог забыть того, что произошло. А с кем об этом говорить, как не с ней?

Знаешь, я сижу на работе. У нас тут дела нештучные завариваются. Кажется, мы с Костей наконец-то пробили лбом стену. Но я все равно думаю о тебе.

Макс потер переносицу. На экране телефона это выглядело как-то совсем сопливо и слюняво. Ну да ладно. Это увидит только Кира, а Кира — поймет.

Я смотрю в монитор, а вижу твое лицо. У тебя подбородок острый, ты в курсе? И ключицы такие тонкие. И очень нежное и красивое то, что ниже ключиц. Черт. Прости. В общем, моим любимым девочкам привет передавай).

Макс шумно выдохнул. Жарко что-то. Окно надо открыть. Поднялся с места и почувствовал, что довыпендривался. За все годы. Впервые. У него стояк. На работе.

— Макс, ты кончил? — в кабинет влетел омерзительно деловой Драгин.

— Кончил, бл*дь! Два раза!

— Ты чего? — опешил Костя.

— Ничего, — Макс вздохнул. — Просто не дергай меня каждые пять минут.

Костя пожал плечами, схватил какую-то бумажку со стола и снова умчал. Надолго? Вряд ли.

Макс открыл окно и вернулся на место. Холодный, уже с отчетливым привкусом зимы октябрьский воздух ворвался в кабинет. Но жаркая духота внутри не отпускала. Пах ныл так, что желание сжать себя там — хотя бы так, самому — было до зуда в ладонях. Приплыли, блин. Для полноты картины не хватало только себе сеанс рукоблудия на работе организовать. Помог долгий выдох. Глоток ледяной воды из кулера. А если и это не поможет — надо будет попросить Драгина дать пару раз по морде. Должно помочь, а Костян даже с радостью согласится.

Посмотрел на телефон. На открытую на экране монитора пояснительную записку. Последнее сообщение. А потом он начнет работать.

Не знаю, как доживу до вечера. Скучаю по тебе безумно. Не отвечай. Я знаю, что ты тоже. Все, не отвлекаю. Мне тут тоже надо еще пару гор свернуть.

Погасил экран телефона и решительно повернулся к богопротивной пояснительной записке.

* * *

От воя автомобильного сигнала зазвенело в ушах. В последний момент Кира резко вывернула руль вправо, и, оглушительно гудя, КамАЗ со щебнем промчался мимо. В полуметре. Запоздало заколотилось сердце и намокла спина, реагируя на полетевший по артериям адреналин. Она. Только что. Чуть не укатала. Себя. Под КамАЗ.

Серый «субарь» резко прижался к обочине, из машине выскочила девушка. Ошалело огляделась по сторонам, словно не могла понять, где находится. Принялась рыться сначала по карманам, потом вытащила из машины сумочку. Прикурила дрожащими пальцами.

Нельзя. Ну, нельзя же в таком состоянии за руль садиться! Подумаешь — снова влюбилась. Подумаешь — снова предали. Жить-то все равно хочется. Очень хочется.

Следом за первой она сразу прикурила вторую. Пальцы все еще дрожали. Зазвонил телефон. Никого не хочет слышать. Никого! Но телефон все же вытащила. Мама.

— Привет, мам.

— Кирюша, с тобой все в порядке? — голос матери в трубке встревоженный.

— Конечно, — глубоко затягиваясь. — Что со мной может случиться.

— Не знаю... У меня только что сердце как прихватило — даже в глазах потемнело.

Кирочка, точно все в порядке?

— Валокордин выпей. А со мной все в порядке.

Теперь — да. Живы будем — не помрем.

— Кирюша, ты где сейчас?

— Я еду домой.

— Хорошо. Будь осторожна. Кира... — тон у Раисы Андреевны неуверенный. — А, впрочем, неважно. До вечера, родная.

— До вечера, мама.

У Киры есть хотя бы один человек, ради которого стоит жить — это мать. И вообще — чушь все. Макс ей верность хранить не обещал. Вообще ничего не обещал. Ну, подумаешь,

переспал с двумя сестрами по очереди. Не одновременно — и на том спасибо. Ведь лично ей, Кире, Макс ничего плохого не сделал. Ничего ведь, правда? И даже кое-что хорошее сделал. Отличный секс можно записать в актив. Отличный секс. И только. И все. И на этом — все. Кира заморгала часто, сгоняя слезы. Черт, это сигаретный дым в глаза лезет.

Пиликнул забытый в руке телефон. Сообщение от Макса.

Занята?

Для тебя — да. Занята, навсегда. Считай, умерла. Приговор в два касания.

Да.

Сунула телефон в сумку. Все. К черту всех и все. Козикова. Оксану, «Артемиду». Макса. Любую боль можно пережить, перетерпеть — она это точно знает.

Посмотрела на свои руки. Не дрожат. Вот и отлично. Куда она ехала? Ах, да, домой. Точно, переодеться. В пень деловые костюмы. Где ее джинсы и косуха?

Уже в машине телефон снова пиликнул. Кира достала его из сумочки. И долго смотрела на экран. Больно все-таки. Ужас как больно. Почти нестерпимо. Когда знаешь, что все эти слова — фальшивка. А вам, пан МАЛЫШ, за актерское мастерство — пять.

* * *

— Макс, ты куда?

— Шесть вечера. Рабочий день окончен.

— Ты офонарел?! Мы в пятницу идем на прием к главе района, а ты домой собрался?!

— Завтра еще целый день.

— Да у нас еще... Да мы еще... — Макс впервые видел, как у Кости кончились слова.

— Завтра. У меня дела сегодня. Завтра я все сделаю.

Драгин только рукой махнул. И снова уткнулся в монитор.

* * *

Кира решила взять трубку. К вечеру она то ли успокоилась, то ли онемело все внутри. Или голос его просто хотела услышать — еще раз, последний.

А до того, днем, она вернулась в офис, написала заявление и молча шлепнула его на стол Владу. Ожидала от него скандала, разборок, а он ее удивил. Подписал заявление молча и спросил только:

— Текущие сделки доведешь до конца? За стандартный процент?

Кира была благодарна Владу — за то, что не стал допытываться, куда она делась из ресторана. В первый раз она соврала, что ей стало очень дурно, и она чуть ли не в беспамятстве уехала домой. Сейчас — сейчас, если бы Влад спросила — она бы сказала правду. Но он не спросил. Возможно, догадывался, что ответ ему не понравится. Или просто догадывался. О причине. Наверняка он заметил вчера Макса. Да и важно ли все это теперь?

И вот сейчас, уже на подъезде к дому ее настиг звонок от Макса. А я возьму трубку. И соврну. Ты же врешь. И я смогу.

— Привет.

— Привет. Что с голосом, Кирюш?

— Слушай... — это оказалось сложнее, что она думала. Зачем он называют ее так? Зачем эта фальшивая нежность? Прокашлялась. — У меня мама приболела. Я не смогу сегодня.

— Что-то серьезное?

— Я справлюсь.

— Кира! — и тут же одернул себя. — Что-то нужно? Консультация врача? Лекарства? Давай, я подъеду? Скажи адрес.

Только этого не хватало!

— Я справлюсь. Правда. Все под контролем. Ничего не нужно. Прости, что так... вышло.

— Я все понимаю, — ответил Макс растерянно. Такого развития событий он не ожидал. — Кир, точно ничего не нужно?

— Точно. Все, я к дому подъехала. Пока.

— Ага. Давай. До завтра. Если что — звони.

Осадок от разговора остался — гнусный. Хуже не бывает. И не в обломившихся планах на вечер дело было. Ему не нравилось что-то другое. Ее голос. Что-то в ее голосе было такое... Макс никак не мог сообразить, что именно. Но что-то было не так. Конечно, если приболела мама — тут голос никак не будет бодрый, но... Сама она справится, надо же. Не слишком ли быстро ты повзрослела, Кира Артуровна?

Дома он бродил из угла в угол. Раз уже вечер свободен — самое время на радость Драгину заняться пояснительной запиской и прочими бумажками для встречи в пятницу. Но вместо этого Макс с маниакальным упрямством искал по всей квартире что-то, оставленное ею. Хотя бы носовой платок. Хотя бы след губной помады на полотенце. Ничего. словно не было ее минувшей ночью в его квартире. Лишь от подушки чуть-чуть пахло цветущим садом и ветром. И кружка, из которой она утром пила кофе. С тонкой коричневой пленкой на дне.

Голова ни черта не хотела соображать. В таком состоянии садиться за работу — только завтра все заново переделывать. И спать рано. И телевизор с ноутбуком — до омерзения противны. Макс встал на беговую дорожку, воткнул «капельки» в уши. Лучшее, что он может сегодня сделать — утомить себя до изнеможения. Старт — беговой дорожке. Старт — музыке в плеере. Поехали.

* * *

То, что происходило на следующий день, не укладывалось ни в какие разумные рамки. Кира не отвечали на звонки и сообщения. Драгин задрал в офисе всех, и продыха от него не было ни на минуту. Боря Зеленский дважды пытался уволиться, на что Костя парировал: «После пятницы — хоть умирай!». К шести вечера у всех был язык на плече и ничего не соображающие мозги. Но Константин Семенович, наконец-то, соизволил возвестить, что теперь все подготовлено как надо. Сотрудников как ветром сдуло. Константин с довольным видом смаковал остывший кофе.

— Ступай, отрок, — Костя зашуршал оберткой шоколада, который все в офисе дружно называли «гуталином». Скорее всего, и во всем Санкт-Петербурге таких извращенцев, которые едят шоколад с содержанием какао девяносто семь процентов — не больше десятка. — Вали домой, отдыхать. Завтра ты мне нужен свежий и прекрасный аки

полураспустившийся бутон. Будешь скромно и с достоинством улыбаться главе района — между прочим, если ты вдруг упустил этот момент — глава района у нас дама. И будешь отвечать на умные вопросы — ты это умеешь. Рубашку надень розовенькую — тебе идет.

Макс в очередной раз набрал номер. В очередной раз выслушал длинные гудки. И новых сообщений нет. Нет, мать их, сообщений! Что, на хрен, происходит?!

— Шановый, иди домой. На тебя смотреть тошно. И даже немного стыдно — что я вас так загонял. Но ты же понимаешь — я не только для себя стараюсь.

Макс молча, невидящим взглядом смотрел в монитор, в так и не закрытое окно «автокада».

— Хьюстон, Хьюстон, у нас проблемы? — Костя подкатился на кресле вплотную к столу Макса.

— У нас — нет. У меня — да.

— Рассказывай, давай.

Макс помолчал. И выдал со вздохом:

— Кира.

— Угу, — с умным видом кивнул Костя. — Я так и думал. А что Кира? Неужели еще сопротивляется? Слушай, ну ты просто напрочь потерял квалификацию! Она же явно неровно дышит в твою сторону!

Макс нахмурился. Да как объяснить-то все это непонятное, что происходит между ним и Кирой? И стоит ли?

— Ничего я не потерял, — буркнул неохотно. — У нас с ней было... позавчера.

— Ну, тогда ты должен быть сейчас совсем в другом настроении.

— Она пропала.

— В каком смысле?! — опешил Костя.

— В прямом. Вчера мы говорили один раз по телефону. Две минуты. Сегодня вообще... никак. Не отвечает. Ни на звонки, ни на сообщения.

— Ну, ты и лошарааа, — протянул Константин. — Это же надо было так облажаться, что девушка после секса тебя ни видеть, ни слышать не хочет. Бедная, бедная Кирюша...

— Ты о чем-нибудь, кроме секса, думать в состоянии?

— Согласно данным британских ученых, — голосом ученого же кота затянул Драгин, — мужчины думают о сексе примерно пятьдесят процентов своего времени. А я в последние сорок восемь часов думаю только о проектной документации и бизнес-плане, тем самым опровергая выводы британских ученых! МАлыш, МАлыш... — Костя сокрушенно покачал головой. — Позоришь ты мои несуществующие седины.

— Все нормально у нас было! — огрызнулся Макс. — Все было отлично!

— Так это с твоей стороны было отлично, — продолжал юродствовать Константин. — То, что тебе было хорошо, не означает автоматически, что и ей было хорошо. Ты же большой мальчик и должен понимать, что женский оргазм — штука сложная и...

— Ты, мать твою, доморощенный профессор сексологии! — рявкнул Макс. — Я большой мальчик и могу определить! Кире было хорошо! Очень хорошо. Два раза! Ой, блиин... — схватился за голову. — Вот до чего ты меня довел, а? Животное...

— Нормально все, — хохотнул Костя. — Я анамнез собираю. Ну, значит, утром накосячил. Надеюсь, минет наскорячка не предложил? Как с, прости, Господи, Яночкой?

— Ты мне друг или портянка? — Макс не выдержал и швырнул в товарища по кабинету точилкой. Драгин ловко увернулся. — Я ей предложил душ, завтрак и отвезти до работы.

— Я пытаюсь нащупать, где подвох, — Костя снова зашуршал оберткой шоколада.

— Я вчера ее сообщениями засыпал, — неожиданно и смущенно сказал Макс. — Знаешь... такие... ну, ты понимаешь...

— О, Боже... — Драгин расхохотался. — Макс, сколько мы с тобой знакомы — я в первый раз вижу, по-моему, как ты стесняешься. Да понял я, понял. Сам сто раз так делал. Девочки любят ушками. Так что все правильно сделал. А, впрочем... Покажи, что ты ей писал.

— Охренел?!

— Как доктору.

Макс нахмурился. А потом неуверенно протянул телефон.

— Ну-ка, ну-ка... — Костя двинул пальцем по экрану. — Дышите. Не дышите. Дышите. Не ды... Ооо... Огооо... Да ты романтик, мальчик мой. Романтик с фантазией.

— Дай сюда!

— Нет, погоди, я это хочу до конца дочитать! — Костя со смехом выпустил телефон из рук. — Нда. В общем, диагноз таков... — Драгин развел руки в стороны и потянулся. — Что-то случилось.

— Гений, мать твою! А то я и так не знаю!

— Не, я думал, может, Кира Артуровна, как это у девочек бывает — сама придумала, сама обиделась. Но судя по всему — просто не на что обижаться. Ты был идеален, пупсик.

— Костя... — предупреждающе. — Прекрати. Кира сказала, что у нее мама заболела. Вчера сказала. По телефону.

— Врет, — уверенно произнес Константин. — Что бы ни случилось с мамой — она бы нашла за день минуту, чтобы ответить тебе. Тем более, вы на такой... хм... высокой ноте распрощались. Нет. Там что-то другое случилось.

— Что?!

— А я почему знаю? — Костя оттолкнулся и покатился в другой конец кабинета. — Что-то. Что-то, что изменило ее отношение к тебе. Там в «Артемиде» такой серпентарий — что Козиков, что Камышина. Подарки, а не люди. Это то, о чем мы знаем. А мы можем еще чего-то или кого-то не знать.

«Лекс» — пронеслось в голове у Макса. Стало совсем тошно.

— Ты бы съездил к ней, вместо того, чтобы гадать, — Константин посмотрел на друга с жалостью.

— Я бы съездил, — Макс криво усмехнулся. — Да адреса домашнего не знаю. Представляешь? На работу — так в «Артемиде» уже никого нет сейчас. А днем ты меня сегодня даже в туалет под конвоем выпускал!

— Господи, какой я тиран! — довольно произнес Драгин. — Ладно, сейчас проверим «Артемиду», — Костя взял телефон и подкатил к своему столу. — Так, какой у них номер...

В «Артемиде» трубку не брали. Собственно, рабочий день в большинстве организаций уже закончился. Костя заодно набрал номер Кире, потом Влада. Кира трубку тоже не брала, у Козикова номер был отключен.

— Ну, завтра съездишь. После встречи в администрации.

— До.

— Макс! — Драгин вскочил на ноги. — Ты хоть понимаешь, что нам завтра светит? Не дури! Вот проведем завтра переговоры, «добро» получим — Бог даст — и все! Можешь делать все, что заблагорассудится!

— У нас встреча в одиннадцать, я верно помню? Времени куча.

— Макс... — Костя подошел к другу сзади, сжал ему ладонями виски. — Не дури, а? Пожалуйста. Нам завтра нельзя допускать ошибок. Ни одной, понимаешь? Такой шанс один раз выпадает — и нам надо его использовать на сто процентов. Максик... золотой мой... это же твое проектное решение. Это же вы с Борькой, гении мои, такое придумали! Ты ведь понимаешь, что если у нас все получится — мы получим в проектирование не дом. Не два. А целый квартал, Максим! Квартал! Ты проектировал кварталами? Нет. И самое время начинать. Макс, это же мы себя работой на пять лет обеспечим. Это репутация. Это высшая лига. Это другой уровень и другие деньги. Ну что я тебе это объясняю? Ты ведь и сам все понимаешь, правда? — Костя развернул его лицом к себе. — Правда ведь, шановный? Понимаешь?

— Понимаю, — кивнул Макс. — Я успею до.

— Макс! Ни одна баба не стоит того, чтобы...

— Костя, ты в секунде от того, чтобы лишиться партнера по бизнесу, — перебил друга Макс. Голос его прозвучал ровно.

Драгин несколько секунд смотрел внимательно. А потом махнул рукой.

— Я тебя только об одном прошу — не опоздай завтра в администрацию. И паспорт не забудь.

— Все будет нормально.

— Угу, — Константин отошел к окну. — Ты хоть отдаешь себе отчет, насколько серьезно ты влип?

— Я не влип.

— Конечно-конечно. Как тот ежик. Я не пукну. Я не пукну. Я не пукну, — тут Костя издал языком соответствующий звук. — Ой. Это не я.

— Король юмора. Лучший ученик Евгения Петросяна.

— Это у вас просто, Максимилиан Валерианович, чувство юмора в острой фазе влюбленности отключилось. Вот что ж ты так влюбился-то не вовремя, а, шановный? — Драгин демонстративно вздохнул. — Ни раньше, ни позже, а в самый разгар событий совсем другого характера.

Макс возмущенно фыркнул.

— Давай, давай. Скажи, что ты не влюбился, — подначил его Константин. — Это не ты!

— Иди ты в ж*пу!

— Еще язык мне покажи, — расхохотался Костя. — Как ребенок, честное слово.

А потом отвернулся к окну, засунул руки в карманы брюк и принялся фальшиво насвистывать марш Мендельсона.

Объект четырнадцатый: Троице-Измайловский собор

— Кого? Собаку? А как же я?... Малыш, ведь я же лучше?
Лучше собаки? А?

В пятницу утром город стал бел. Первый снег. Первый и невозможно ранний. На дорогах он уже растаял, и асфальт блестел привычно влажно. А вот на деревьях, газонах, парапетах набережных снег еще лежал. Сделав хмурый серый день сразу светлее.

В девять утра Макс был уже у дверей «Артемиды». И эти двери были открыты. Отлично.

— Доброе утро. Кира Артуровна в офисе?

— Доброе, — смешная девочка на ресепшене ударила головой о столешницу, выныривая из-под стола. — Нет, она уехала на показ квартиры.

— Куда? Адрес знаете?

Девушка растерянно покачала головой.

— Тогда я к Владиславу Юрьевичу зайду.

— Сейчас я доложу, — она попробовала быстро выбраться из-за стола, но Макс ее опередил.

— Спасибо, не нужно. Меня ждут.

Дверь директорского кабинета за смутно знакомым посетителем закрылась с мягким щелчком.

* * *

— Какие люди, — хмыкнул Козиков. Однако встал с кресла и руку протянул. Макс ожидал всего, чего угодно. Поэтому руку пожал — но с осторожностью.

Козиков снова рухнул в кресло, предварительно сделав Максу вялый приглашающий жест, и продолжил то, чем занимался до прихода гостя — принялся пить мелкими глотками прозрачную пузырящуюся жидкость из стакана. Похоже, минералку.

— Вот не надо было вчера на вино вискарь, — Влад отставил стакан и потер виски. — Голова сейчас треснет... Макс, ты давай без предисловий выкладывай — зачем пришел. Подозреваю, что ты все-таки не ко мне пришел.

Такое начало разговора было неожиданным. А, впрочем... Без предисловий — так без предисловий.

— Мне нужна Кира. В офисе ее нет. Секретарша не знает, где она. Ты в курсе?

Козиков поморщился и еще раз потер виски. Полез в лежащую на столе упаковку, добыл оттуда таблетку, которая через секунду зашипела в стакане с водой.

— Ни хрена этот хваленый «алка-зельцер» не помогает, — Влад пригубил из стакана, даже не дождавшись, пока растворится таблетка. — Кира... Кира... Знаешь, я ей чего только не обещал. Как только не врал... А ты только ручкой поманил — и она тут же сбежала к тебе. Несправедливо. Увел у меня девку.

Нет, страдающий от похмелья Козиков угрозы определенно не представлял.

— Кира — не лошадь, чтобы ее увести можно было. Это ее выбор. И, пожалуйста, сс

всем возможным уважением о Кире Артуровне.

Сказал это Макс вроде бы спокойно. Но предупреждение было услышано.

— Шустрые вы с Драгиным, — усмехнулся Влад. — Волчата молодые. От всего норовите кусок урвать — до чего дотянуться можете. Жаль, что вексель я предъявил. Скажи спасибо Кире Артуровне.

— В каком смысле? — нахмурился Макс.

— Она мне весь мозг съела. Я хотел придержать вексель. А она как узнала — жизни мне не дала, пока мы договор не подписали по Старой Деревне. Ушлый ты, Максим Валерьевич, — Козиков покачал головой. — Всех баб у меня в офисе поимел. Секретаршу тоже оприходовал? — хохотнул Влад и тут же поморщился.

— Влад... — Макс демонстративным жестом выложил руки на стол, поддернул манжеты. — Не хотелось бы переводить разговор из конструктивного русла в банальный мордобой. Я же попросил — со всем уважением.

— Ой, грозный какой, — снова поморщился Влад. — А чем я тебя обидел-то? Я тут не при чем. Обе твои бабы... прости, обе твои девушки тут вчера на весь офис тебя делили. Это я должен тебе за моральный ущерб предъявлять. Создаешь мне в офисе нерабочую атмосферу.

— Я? Обе мои девушки? — слова Козикова пролетали мимо ушей — словно тот внезапно перешел на китайский. Ни хрена непонятно. — О чем речь?

— Да Оксана с Кирой тебя вчера делили, — Влад допил воду с лекарством. — Шум и гам на весь офис, дым и пыль до потолка. Никак не могли решить — кому ты достанешься. Даже я краем уха слышал, да мне потом Оксана рассказала подробности. Вот жук ты, МАЛЫШ. Зачем тебе обе? Оставил бы мне одну хотя бы...

Главная деталь загадочного паззла внезапно встала на место. Вот, значит, как? Злость накатывала медленно, но очень уверенно.

— Где Кира?

— Понятия не имею, — отмахнулся Влад. — Она увольняется. Текущие сделки оформляет — и адью.

— Кто знает?

— Сама Кира Артуровна и знает, — усмехнулся Влад. — Или хочешь — подожди ее. Кофе будешь?

— Спасибо, — качнул головой Макс. — Дела еще. Оксана на месте?

— Вроде да, — Влад щелкнул кнопкой монитора. — Соседний кабинет. Ты ее только прямо на рабочем месте не приходи — прояви уважение.

Прощальный пассаж хозяина кабинета Макс комментировать не стал, руку жать — тоже, ограничился кивком. Максимум срочно нужна дополнительная информация. И тот, кто может знать — совсем рядом, за стеной.

* * *

— Здравствуй, Макс.

— И тебе не кашлять, Оксана.

Он прошел от кабинета до кабинета совсем немного — соседние двери практически. Но ртуть злости в несуществующем термометре в его голове за этот краткий промежуток

взлетела сразу на несколько делений.

— Что ты наплела Кире?

— То, что может стать правдой, — Оксана спокойно вышла из-за стола, но ближе подходить не стала — оперлась бедром о край поверхности. — Ты ведь даже не знаешь, от чего отказался...

Несколько секунд Макс рассматривал молодую женщину напротив молча. Приятные черты лица, аккуратно уложенные золотистые волосы, элегантный серый костюм. И такая грязь внутри, что подходить к ней ближе противно.

— Думаю, спрашивать: «Зачем?» — бесполезно, — медленно проговорил Макс. — Разумного ответа я все равно не услышу. Скажи мне просто — где сейчас Кира?

— Понятия не имею, — улыбнулась, сверкнув ровными зубами, Оксана.

Ну, надо же. Никто в этой гребанной «Артемиде» не знает, где Кира. Бардак тут у них.

— Позвони ей и узнай.

— Сам позвони.

— Она не берет трубку, когда я звоню.

Улыбка Оксаны стала совсем широкой. Радостной.

— Какой кошмар... — покачала головой.

— И, правда — кошмар, — покладисто согласился Макс. И в одно движение смел со стола кипу документов. Листы бело-черным снегом укутали сразу половину кабинета. — Ой, извини... Я такой неловкий, когда волнуюсь. Позвони Кире, пожалуйста. Чтобы я не волновался.

— Ты что творишь?! Я сейчас охрану позову!

— Нет у вас никакой охраны, — мягко и проникновенно произнес Макс. — Влад с похмелья болеет и ему не до тебя. Позвони Кире и узнай, где она.

— Не буду!

— Какая статуэтка красивая, — Макс аккуратно взял со стола изящный парусник. — Муранское?

— Поставь!

— Что-то руки у меня дрожат...

— Ты придурок! Ненормальный!

— Звони Кире.

Теперь уже очередь Оксаны несколько секунд молча смотреть на Макса. А потом она резко схватила телефон. А потом так же резко отняла его от уха.

— Она не берет трубку!

— Звони еще, — голос Макса обманчиво ласков. — Звони. Пока она не возьмет трубку.

С третьей попытки Оксана дозвонилась.

— Она на меня наорала!

— И я ее целиком и полностью одобряю, — невозмутимо кивнул Макс. — Где она?

— Угол Троицкого и Измайловского! Показывает объект!

— Точнее. Адрес.

И, дослушав ответ, разжал пальцы.

— Упс... Какой я неловкий...

Остатки стеклянного парусника захрустели под подошвами мужских туфель. Оксана открывала и закрывала рот как вытасенная на берег рыба.

— Да ты... — он был уже у двери, когда она снова подала голос. Почти криком. — Что

ты с ней носишься?! Что ты в ней нашел?! Ты знаешь, какая она?! Что у нее было?! Да она же шалава! Потаскуха! Шлюха! А ты с ней носишься, как с принцессой!

Его пальцы уже легли на дверную ручку. Макс медленно обернулся.

— Ты совсем не знаешь значения слов, которые произносишь, Оксана. Шалава, потаскуха и шлюха — это ты.

Дверь снова закрылась с мягким щелчком. Но перед этим Макс не удержался и опрокинул на пол ни в чем не повинный фикус. Лучше фикус, чем Оксану. Ударить женщину воспитание не позволило.

* * *

Знакомый серый «субарь» красовался аккуратно напротив Троицкого. И от сердца немного — но отлегло. А потом Макс увидел и саму Киру — она стояла в десятке метров от своей машины, рядом с другим автомобилем. И разговаривала с парой: мужчина и женщина. Видимо, супруги. Наверное, клиенты. Наконец-то ему повезло — не придется искать Киру по всему городу.

Макс, не торопясь, подходил к разговаривающей троице. Разглядывал Киру. Где ее пальто и костюм — «я-вся-из-себя-приличная-дама-риэлтор»? На ней джинсы, ладно облегающие ее аккуратную попу и длинные ноги. Короткая кожаная куртка, шарф укутывает шею и подбородок, руки спрятаны в карманах. Не риэлтор — студентка. Но ее клиентов это не смущало — все трое о чем оживленно переговаривались и улыбались. Макс остановился у Киры за спиной. Оказывается, можно злиться на человека и одновременно им любоваться. Потому что соскучился до жути, хоть она и коза.

На него обратили внимание собеседники Киры, женщина улыбнулась понимающе. Кира обернулась. Он не успел заметить выражение ее лица — если и было удивление, не поймал его. Потому что она снова резко обернулась к своим клиентам. Но те уже спешили завершить разговор и попрощаться. Видимо, основные моменты они уже обговорили. И Кире пришлось снова оборачиваться к нему. Но начинать диалог она явно не собиралась. Смотрела куда-то мимо, на Троицкий, лишь мазнув мимолетно взглядом по его лицу. Какие же у нее глаза темные.

— Ничего не хочешь мне сказать? — хорошо начал разговор. Спокойно.

Кира покачала головой. Вот ведь коза!

— Точно ничего? — голос Макса звучал мягко и вкрадчиво. — Например, почему ты два дня со мной не разговариваешь — не хочешь объяснить?

У нее дернулась щека. Полезла в карман за сигаретами, прикурила. Жутко хотелось вырвать у нее пачку и зажигалку из рук, выбросить все, встряхнуть, наорать. Поцеловать. Но нельзя. Надо все выяснить. Раз и навсегда!

— Ты же все и так знаешь, — она резко выдохнула дым в сторону. — Оксана звонила — а я-то думала, зачем? К чему это все, Макс? Она же тебе все сказала.

Не нужен этот разговор. Все и так понятно. А еще — очень больно. Даже смотреть на тебя — больно.

— Мало ли что я знаю, — он пожал плечами. — Я предпочитаю узнавать правду напрямую от людей. Мне интересно, почему ты вдруг решила со мной перестать разговаривать. Вот я и спрашиваю.

Спокойствие, с которым он начал разговор, быстро испарялось. Но пока еще держалось.

— Тебе обязательно надо, чтобы я произнесла это вслух? — она курила, глубоко затягиваясь. Такое ощущение, что ему назло. — Ладно, пожалуйста. Я не люблю групповух, Макс. Не практиковала и начинать не хочу. Тебе нравится Оксана, нравится заниматься с ней сексом — дело вкуса. Можешь ухаживать за ней, приглашать в гости, заниматься с ней сексом. Но я — пас. Я в этом не участвую. — Она поперхнулась табачным дымом, закашлялась. И добавила как-то без прежнего задора и даже почти жалобно. — Не хочу.

Жалость остро кольнула под ребрами. От ее агонически вздернутого подбородка. От дрогнувшего на последних словах голоса. От выступивших на глазах слез — от кашля ли?

Но — нет. Никакой жалости. Жалость Кире Артуровне не нужна. Она ей даже противопоказана. Все, что ей нужно — это хороший пендель.

— Значит, по твоему мнению, у меня был секс с твоей сестрой?

— А по твоему мнению — нет? — она даже умудрилась усмехнуться.

— Полагаю, что лучше тебя осведомлен в этом вопросе, — невозмутимо.

— Прекрати! — он пробил. Пробил все-таки ее с таким трудом возведенную стену спокойствия и отстраненности. Полетел в сторону окурков, а Кира наставила на него палец. — Прекрати мне врать! Я знаю. Я все знаю! У меня есть доказательства!

— Доказательства? — то, что Макс еще говорил, а не орал — это было настоящим чудом. Никак, Троицкий благотворно влиял. — Интересно, какие? На ютубе выложили запись, как мы с Камышиной трахаемся? Сколько просмотров? Как я там выгляжу? Ракурс удачный?

— ПРЕКРАТИ! — она сорвалась на крик. Руки чесались вмазать ему. Прямо по наглой архитектурской зеленоглазой роже с редкими бледными веснушками. — Откуда она знает про интерьер твоей квартиры?! Про гранитную столешницу, лаковые вставки на диване и спальню в японском стиле? Про подушки у окна с видом на Финский?! Откуда, я тебя спрашиваю?! На чай ее приглашал в гости?!

— Нет, не приглашал, — слегка озадачился Макс. И криком, и фактами. — Не было ее у меня в гостях. Мы и встречались-то раза три всего с ней, все время в присутствии других людей. Так что не знаю... — Макс потер лоб. — Хотя нет — знаю. Я с ребятами советовался по поводу интерьера. С дизайнерами знакомыми. А у них своя группа в фейсбуке. И я там постил фотографииквартиры — показать, что в итоге получилось. Кто угодно мог это видеть.

— Конечно-конечно! — Кира уперла руки в бедра. — И свои фото топлесс ты тоже там постил, да?

— Вообще-то, нет, — слегка опешил Макс. — А... зачем?

— Тогда откуда Оксана знает про родинку у тебя около пупка?! — проходящая мимо женщина с изумлением оглядела их, но Кире было плевать. — Откуда она это знает, объясни мне?! Хотя, нет, — махнула рукой. — Не объясняй. И так все понятно.

— А мне непонятно! — все-таки повысил голос Макс. — Не имею привычки выкладывать без толку свои фото куда попало, а уж тем более — полуголым. Странно это все...

— А, по-моему, все понятно!

— Помолчи, а! — рявкнул он. — Не умеешь думать — другим не мешай! А, хотя... — Макс прищелкнул пальцами. — Все ясно. Это Янка.

— У тебя все виноваты — даже твоя бывшая! Кроме тебя!

— Да потому что я не виноват! — ярость вместе с облачками пара вылетала изо рта. — Она меня задрала прошлым летом на Кипре своими фотосессиями. А потом их выкладывала вконтакте — как мы круто отдохнули. Фото в шортах и без майки там точно были!

— Откуда Оксана знает твою Яну?!

— Без понятия! Вполне возможно, что... — тут Макс слегка остыл. — Я сто лет вконтакт не заходил, все больше фейсбуком и твиттером пользуюсь. Вполне возможно, Яна у меня до сих пор числится в друзьях. Я вообще этот виртуальный соц. пакет не отслеживаю! Так что было бы желание — все это можно узнать. Было бы. Желание.

Последние слова он выделил. Нарочно. У Киры засосало где-то в районе желудка, там, где болталась только одна чашка кофе. Неужели... Неужели она ошиблась?

— Конечно. Все так просто. Фейсбук. Вконтакт. А ты — святой.

— Я не святой, Кира, — его голос вдруг прозвучал устало. — Но верить мне можно. В отличие от твоей сестры, от которой ты, как я понимаю, ничего хорошего не видела. Но тебе проще поверить ей, так? Видимо, в твоих глазах я доверия не заслуживаю. Кто я такой — чтобы мне верить?

В горле мгновенно набух огромный комок. Сказать что-то невозможно. А сказать надо. Извиниться надо. Потому что глубоко внутри что-то тут же радостно ему поверило. Поверило, и в коленях стало совсем мягко и слабо. Так, что стоять трудно стало. Стоять трудно, говорить невозможно. И все из-за тебя. Из-за тебя.

— Даже не знаю, — Макс низко опустил голову, покачал ею. — Видимо, я в юности много накуролесил, если сейчас... Столько ведь девушек было — красивых, умных, добрых. А я все выбирал чего-то. Ждал. Дождался! Из всех возможных вариантов я влюбился вот... — теперь он обличительно ткнул в нее пальцем. — Вот в ЭТО!

Колени чуть окончательно не подвели ее. Комок из горла ухнул куда-то вниз — добивая и без того зашедшееся в замысловатом риффе сердце.

— Что... Что ты сказал?...

— Нет-нет! — он даже отступил на шаг назад. — Забудь! Я этого не говорил.

— Но ты... — растерянно. Ошеломленно. — Ты сказал, что...

— Забудь, что я сказал! Потому что ты еще не заслужила, чтобы я тебе это говорил! Вот если бы... — тут его прервал звонок мобильного. Макс раздраженно поднес телефон к уху. — Да?! Все, я уже подъезжаю! Да, честное слово! Сейчас буду, не паникуй, еще есть время! — Все так же раздраженно Макс сунул телефон в карман. — Все, я поехал. У меня дела. А ты, Кира Артуровна... — его взгляд из-под нахмуренных бровей был сердитый и, одновременно, какой-то странно и удивительно нежный. — А ты подумай над своим поведением, как говорится. Крепко подумай. А как надумаешь чего толкового — звони. Может быть, я возьму трубку и тебя выслушаю. Я стараюсь выслушивать тех, кто дорог мне. И верить им. Мне надо только, — вздохнул. — Немного остыть. Все, пока. Опаздываю уже.

И он развернулся. И действительно пошел. Действительно. Пошел. Прочь. От нее.

Первое попадание пришлось в затылок, но вскользь. Зато второй снежок попал точно в шею. Холодный мокрый снег потек-посыпался за шиворот. Макс ошеломленно обернулся.

— Ты что творишь, мать твою?!

— Это ты что творишь?! — Кира в несколько стремительных шагов подлетела к нему. — Ты говоришь, что любишь меня, а потом спокойно разворачиваешься и уходишь?!

— Ну, ты же можешь после первого секса не разговаривать со мной?! А я, значит, должен заботиться о твоих чувствах?!

— Да что ты вообще знаешь — о чувствах?! — все. Ее понесло. Она потом пожалеет, совершенно точно пожалеет. Но его слова сорвали стоп-кран. — Нельзя бросаться словами, смысла которых ты просто не понимаешь!

— Угу. Не понимаю, — Макс дернул плечом. Поморщился. Мокрое и холодное бодро потекло между лопаток вниз. Совсем вниз. — Премного благодарен, Кира Артуровна! Твоими стараниями я пойду на прием к главе района в мокрых трусах!

— Не переводи разговор! — а потом растерянно: — Ты и в самом деле... торопишься?

— Нет, это я так шучу! Или вру — как обычно.

— А вот не надо из себя жертву изображать! — ее снова закусило. — Нечего бросать слова, о которых ты ничего не знаешь и не понимаешь!

— А ты, значит, понимаешь, да? — Макс подозрительно сощурился.

— Понимаю! — запальчиво. — Уж побольше твоего!

— Ну, так расскажи мне... — вкрадчиво. — Что такое... любовь... в понимании Киры Артуровны Биктагировой.

— На «слабо» меня берешь?

— Нет.

— Ладно! — все равно ее уже далеко унесло в сторону тех вещей, о которых она будет потом долго сожалеть. Какая теперь разница? — Ты спрашиваешь, что такое для меня любовь? Пожалуйста! — вдохнула глубоко, словно перед тем, как нырнуть. — Любовь — это всерьез, МАлыш. Любовь — это не на один день. В любви не бывает так, что сегодня я тебя люблю, а завтра я занят и не в настроении. Любовь — это обязательства, в том числе. Любовь — это дом, семья и дети, в конце концов! Вот так-то, пан архитектор, — и тут у нее словно кончился запал. И плечи опустились, и уголки губ. Зато не будет потом думать о том, что чего-то не сказала. Все. Все сказала. С избытком.

— По-моему, это ты меня «слабо» берешь, — после небольшой паузы ответил Макс.

— Вот уж нет!

— Да, да. Ты, определенно, считаешь, что я ко всему этому не готов.

— Конечно, не готов! — фыркнула Кира. — Ты же вольный стрелок, Макс. Ты, твой пентхаус, твоя работа. Что тебе еще нужно в этой жизни?

«Ты!» — так и хотелось заорать ему. Но вместо этого засунул руки в карманы пальто.

— Не хочу тебя расстраивать, Кира Артуровна, но психолог из тебя никудышный.

— Да ну?

— Ну да, — он одарил ее мрачным взглядом. — Я давно готов к серьезным отношениям и ответственности. Готов, в отличие от тебя с твоим вопиющим инфантилизмом и тягой убегать от проблем и разговоров. Вот ты точно не готова к такой любви, о которой говоришь. Я готов. А ты — нет. Ты проблемы с помощью швыряния снежками решаешь — это в лучшем случае.

И этот человек обвинял ее в том, что она перевирает его слова! А сам? Сам-то?!

— Готов, значит? К чему ты готов? Жениться на мне? — слова вылетели сами собой. И ей было уже плевать на ответ — выплеснуть собственные эмоции было важнее. Или все-таки ответ был нужен? Важен? Да не молчи же ты!

— Наверное, — кивнул Макс слегка растерянно. — Скорее всего. Если смогу тебя перевоспитать и заставить повзрослеть.

Нет, стоп-кран сорвало теперь — окончательно и бесповоротно. Кире стало все равно на последствия того, что она сейчас скажет. Инфантильной ее назвал? Получи!

— Да надо же... — нараспев произнесла Кира, словно со стороны слыша свой голос. — А я вот сейчас маме своей позвоню. И скажу, что ты мне предложение делаешь.

— Ты точно берешь меня на «слабо»!

— Я звоню маме!

— Да звони!

Но едва она поднесла телефон к уху, Макс вырвал у нее аппарат из рук.

— Раиса Андреевна? Добрый день, это Максимилиан МАлыш. Спасибо, приятно, что вы меня помните. Я к вам с просьбой. Нет, я ни во что не вляпался, товарищ капитан! — Макс немного нервно рассмеялся. — Кроме вашей дочери. Да, именно. Дело в том, что я уже которую неделю уговариваю Киру Артуровну выйти за меня замуж. — Тут Кира охнула и попыталась забрать у Макса телефон, но он быстро повернулся к ней спиной и продолжил разговор. — Прошу ее, умоляю, на коленях перед ней ползаю, — Макс снова ловко увернулся от рук Киры. — Говорю: «Люблю, жить без тебя не могу, выходи за меня». Что Кира? А Кира не хочет! Говорит, что не знает, не уверена, что я ей... Дура? Коза? А... Ой, погодите! Вот вы это ей самой скажите! — и всунул телефон в протянутую ладонь Киры, сладко улыбнувшись. — Твоя мама хочет с тобой поговорить, Кирюша.

Кира выслушала мать с каменным лицом. Молча. Одно лишь слово в финале разговора: «Хорошо». А потом, опустив руку с телефоном, шепотом и почти с ужасом:

— Ты что натворил?! Нас же теперь... — и она махнула рукой.

— А что? — Макс пожал плечами, поморщился мокрой спине, и не только. — Ничего такого, что бы не...

И тут с колокольни собора ударил звон. Макс резко поднес запястье к лицу. И смачно выругался.

— Все, Костян меня убьет! Я опоздаю! И жить мне осталось пятнадцать минут.

Кира смотрела на него молча. И лицо ее с совершенно округлившимися глазами такое было, что расцеловать хотелось до невозможности — прямо в приоткрытые в изумлении губы.

— Держи! — он сунул руку в карман, достал оттуда связку ключей и шлепнул в ее ладонь. — Я не знаю, до какого времени буду занят. Пять, шесть вечера, наверное. К семи должен быть дома точно. У тебя есть время до семи вечера — собраться с мыслями и подготовиться. Так что жди меня дома. Приеду — будешь у меня прощения просить и рассказывать, как ты меня любишь. — А, поскольку, Кира так и продолжала стоять и молчать, открыв рот, он сам зажал в ее ладони ключи, легко поцеловал в приоткрытые губы и шепнул: — Все, до вечера.

И ушел. Снова. Быстрым шагом. Потом бегом. Хлопнула дверь, золотисто-бежевое «вольво» резко тронулось с места и быстро влилось в поток машин. Секунда — и все, его уже не видно.

Стоящая недалеко от обочины перекрестка Троицкого и Измайловского проспектов девушка долго смотрела вслед уехавшей машине. Потом перевела взгляд на зажатые в ладони ключи. Потом — на синий с золотыми звездами круглый купол Троице-Измайловского собора. А потом запрокинула лицо к небу и широко и счастливо улыбнулась.

Объект пятнадцатый: «Суоменлахти»

А мы тут, знаете, всё плюшками балуемся.

Он опоздал. Влетел в приемную весь, что называется, в мыле. Секретарь встретила его не очень любезно, но двери отворила. Сначала — шкафа для верхней одежды, а потом кабинета.

Если бы взглядом было можно что-то сделать — с Максом бы именно «что-то» и случилось. То самое, что откровенно читалось в глазах замолчавшего Константина. Потом Драгинпрокашлялся.

— А это наш ГАП. Максимилиан МАлыш, автор проектного решения, которые мы предлагаем для шестьдесят седьмого квартала.

— Видимо, автору проектного решения судьба его детища и перспективы его воплощения в жизнь не слишком важны. У него явно есть дела важнее, — судя по интонации, ставить на место и устраивать разносы подчиненным вся из себя накрахмаленная дама на председательском месте умела, и еще как. От Драгина, кажется, начал валить дым. Макс сел за «переговорный» стол как мог непринужденнее.

— Прошу простить за опоздание. Предлагаемое нами проектное решение — результат работы бюро «Малыш и К» в течение последних двух лет. И его реализация — самое важное дело для нас с Константином Семеновичем. Просто неожиданно случилось так, что как раз сегодня утром... — тут Макс рискнул улыбнуться. — Сегодня утром мне пришлось экстренно объясняться в любви и просить руки у любимой девушки. А она у меня такая... с характером. Долго уговаривать пришлось. Вот. Потому и опоздал. Еще раз извините.

Костя казался на грани обморока. Хозяйка кабинета покатила в руках карандаш.

— Ну и как? Успешно? — спросила серьезно. А потом вдруг улыбнулась. — Да неужели еще остались в нынешнем молодом поколении такие романтики — которым любимая девушка дороже важного проекта? Сказала вам ваша избранница «да», Максимилиан?

— Да, — улыбка Макса стала шире. — Сказала. Надеюсь, и вы скажете «да» нашему проектному решению.

Тут глава района и вовсе рассмеялась.

— Ой, шустрые! На меня прекрасные зеленые глаза не действуют — возраст не тот.

— Так у нас есть еще более прекрасные предложения! — обрел голос Драгин. — Продолжим?

— Продолжайте, — милостиво кинула женщина.

* * *

— МАлыш, я тебя убью!

Макс прибавил шаг.

— А ну стой, кому я сказал! — Костя его все-таки нагнал и схватил за рукав. — Убью, гад!

— Если ты меня убьешь, кто будет тебе проектировать целый квартал? — рассмеялась Макс. На него накатила какая-то странная эйфория.

— Не расслабляться! — Костя больно ущипнул его за бок. — Выиграно одно сражение, а не вся война. Пошли, нас Решетов ждет.

И если бы только Решетов. Освободиться Максуду удалось только в половине седьмого. Бывают такие дни, последствия которых аукаются долгие годы. Это был как раз такой день.

* * *

Сначала он подумал, что ему показалось. Но чем ближе подъезжал, тем отчетливее становилось: окна его квартиры темны. Макс чуть голову не свернул, высматривая свои окна — когда подъехал совсем близко. В результате чуть не свернуло в кювет «вольво».

Ошибки нет. Угловые окна слева на двадцать четвертом этаже были темны. Как не было и знакомого серого субаря на парковке перед домом. Но Макс упорно прошел до конца — туда, потом обратно. Потом схватился за телефон. Абонент временно недоступен. Временно? Или... совсем?

Медленно сел на сырую скамейку. Как тогда, чуть больше полугода назад, в сыром марте он сидел на скамейке перед своим домом на Васильевском, точно так же гадая, куда делся серый субарь и его хозяйка. Все повторяется.

Макс устало прикрыл глаза. А с чего он взял, что так — можно? Что так вот — правильно? Наорать, наговорить гадостей, сквозь зубы буркнуть, что влюблен, швырнуть ключами и уйти? И что девушке такое вот обращение понравится? Что она стерпит, обрадуется, примет его такого всего из себя распрекрасного, с таким вот щедрым предложением с распростертыми объятьями? Да вот, похоже, что и нет.

Не обращаются так с любимыми девушками. Не бросают после признания в любви. Ключи от квартиры — это еще не все. К ним нужен человек. А человек удрал, потому что у него были важные дела. Ну и что? Доволен? Несмотря на опоздание, принципиальное «добро» на контракт они, похоже, урвали. Работы еще невпроворот, но главное — сделано. Ну и как — хорошо ли тебе, Максимилиан? Радостно ли?

Макс механически снова набрал ее номер. Глухо. Абонент — не абонент. Конечно, Киру можно будет найти. Завтра, например. Не иголка в стоге сена, зацепок много. Но — смысл? Все предельно ясно. Кира — девушка гордая. И решила, что не заслуживает такого обращения. И она права. Кто так в любви признается, МАльш?! Да и с чего он решил, что его тоже любят? Может, из двоих любит только... один? В конце концов, ответного признания он не услышал. Сам все решил за нее. Идиот.

Макс уткнулся лицом в ладони и какое-то время сидел так — на мокрой скамейке, под порывами промозглого ветра с залива. Его накрыло какое-то странное оцепенение. Наверное, надо пойти, сесть в машину. Позвонить Косте. Переночевать у него. Завтра найти Киру, забрать ключи. Или все-таки лучше пусть Костя заберет? Даже думать об это не хотелось. Вообще ничего не хотелось. Вот тут сидеть и понемногу примерзать к скамейке. И чтобы внутри застыло и перестало саднить.

Все-таки заставил себя подняться, доплестись до машины. Там неожиданно вспомнил, что в бардачке лежит запасной комплект ключей. Ну вот и не надо никуда ехать. Но мысль о том, чтобы подняться в пустую квартиру, была тошнотворно болезненной. Пусто. Ее нет. А он мечтал, как приедет домой. Как она встретит его. И как все будет. Все. Будет. У них. Вдвоем. Здорово.

Хрена там.

И все-таки он пошел к подъезду. Лифт полз как-то особенно медленно, словно для агонию возвращения в пустой дом. Макс привалился затылком к стене и прикрыл глаза. У него в баре еще остался вискарь. Вот то, что нужно. И вино было. И чтобы завтра плохо было как Козикову. При воспоминании об утре Макс поморщился. Утром еще все было нормально. Если бы они спокойно поговорили с Кирой. Если бы он плюнул на эту чертову встречу. Если бы не бросил ее там, на перекрестке Измайловского и Троицкого — то сейчас она была бы с ним. Была бы рядом.

Макс не сразу сообразил, что замок бунтует не потому, что он не той стороной вставляет ключ. Поэтому пару раз переворачивал ключ, но дверь все никак не поддавалась. А потом до него дошло, что дело в том, что закрыто изнутри. А потом дверь открылась. За дверью стояла она. Макс едва не выронил ключи.

Мало того, что Кира все-таки пришла. Мало того, что она сейчас стояла в прихожей его квартиры, глядя на него через порог. Так еще и ее вид поражал воображение. Это если сказать мягко.

Выглядела Кира как разворот журнала вроде «Playboy» или «Maxim». На ней была надета какая-то штука... наверное, это сорочка. Черт знает, что это такое и как называется. Но по сравнению с этим одеянием то платье, в котором она была в первый раз в «Бориске», казалось теперь верхом приличия, чуть ли не монашеским облачением.

Это — было прозрачным. Вытканные узоры накидывали на черную шкуровку слабый покров приличия, но среди вязи кружевных цветов кокетливо проглядывал сквозь прозрачную ткань левый сосок. Точно так же было весьма недвусмысленно заметно, что и нижней части белья на Кире тоже нет. Зато были чулки — и так же черные. Они начинались примерно на пол-ладони ниже того места, где закачивался подол черной, полупрозрачной и чертовски эротичной шкуровки. Ноги Кире при таком раскладе выглядели просто бесконечными. И, кстати, сама шкуровка длиной едва прикрывала то место, где соединялись эти две бесконечные идеальные ноги в черных чулках. А еще на ногах были шпильки. И в руках — бокал с вином.

В общем, Макс застыл столпом.

— Добро пожаловать домой, Макс, — негромко произнесла Кира. — Ну и ты, Малыш тоже заходи.

У него не получилось даже улыбнуться. О порог он запнулся. И понял, что лучшее, что может сделать — медленно сползти по стене на банкетку. Дверь пришлось закрывать Кире. Потом где-то выше и справа что-то стукнуло — это Кира поставила на полочку бокал. Потом по плитке процокали ее каблуки, она встала перед ним. Но, вместо того, чтобы поднять к Кире лицо, Макс притянул ее за бедра к себе, уткнулся носом в бесстыжее кружево, куда-то чуть ниже пупка, вдохнул глубоко. Прижался сначала губами, потом щекой. И понял, что, в общем-то, ничего сейчас не хочет. Совсем. Только вот так прижиматься к ее животу, чувствовать тепло и аромат ее тела. И все.

Пальцы ее легли ему на макушку, пробежались, взъерошили волосы.

— Макс... Максимка... Что-то случилось? — он молчал. Даже говорить не хотелось. Слишком хорошо. — Максим... У тебя неприятности? Та встреча, на которую ты торопился... Ты из-за нее такой? Все прошло... неудачно? Опоздал? Из-за меня? О, Господи, Максимка, ну прости меня! Я... Слушай, — Кира попыталась убрать его руки со своих бедер, чтобы присесть, но он лишь плотнее прижал ее к себе. — У вас все получится, обязательно!

Вы же такие умницы с Костей! Все получится, я уверена. Не в этот раз, так в следующий. Если хочешь, я помогу вам, если смогу, конечно. Макс! Поговори со мной! Не молчи!

— Все нормально прошло, — голос его звучал глухо, потому что он все так же прижимался к ее животу. Там было классно, там была тонкая ткань, а под нею — Кира. Его Кира. — Я думал — тебя нет. Я к дому подъезжаю — а окна темные. Машины твоей нет. Телефон недоступен. Я подумал... ты ушла. От меня.

— Ой, — ее пальцы снова взъерошили его волосы. Вздохнула. Голос стал чуть смущенным. — Я же... ну... встречу готовила. Вино, свечи, музыка, все дела. Как раз вот решила свечи зажечь. Но сначала верхний свет выключила. Наверное, в это время ты как раз и подъехал. Видишь, как я угадала?

— А машина твоя где?! — Макс не заметил, как стал говорить громче.

— Ну так я... в общем, готовилась. Весь день, — Кира хмыкнула. — Сначала в салон заехала — маникюр, педикюр, ну и там еще... разное. Да, я знаю, глупо и ты можешь смеяться, но мне это было важно! — Кира словно защищалась, хотя Макс молчал. — Потом еще в этот магазин заскочила — для взрослых, — Кира хихикнула. — Обновок себе купила. Слушай, там такое есть... — но потом себя оборвала. — В общем, пока промоталась, домой приехала — смотрю, а у меня бензин на нуле. Запас хода — километров десять, не больше. До тебя доехать хватит, а обратно — не факт. А на заправку если заехать — можно в очередь попасть, пятница, вечер. А время уже поджимало, мало ли — вдруг ты раньше освободишься? Я не хотела опаздывать. И вызвала такси.

— А телефон почему не отвечает?! — он все-таки поднял к ней лицо. И понял, что уже почти орет.

— Отключила. Чтобы нам никто не мешал. Мне никто не нужен сейчас. Кроме тебя. А ты знал, где я.

Макс прикрыл глаза. Как все просто. А он успел сочинить и прожить целую трагедию. Совсем как она пару дней назад.

— А я думал, ты... Что тебя нет...

— Так! — Кире все-таки удалось отцепить его руки от своих бедер. Опустилась на колени перед ним. Покачала головой. Погладила по щеке. — Максимка, нервы у тебя ни к черту. Надо лечить. — Приподнялась, достала бокал с вином. — Пей.

Макс послушно отхлебнул, но вкус не почувствовал.

— Я вино покупать не стала, это из твоего бара. Я же не знаю, какое ты любишь, — Кира смотрела на него. Не улыбалась, но глаза были такие мягкие, что от них внутри разливалось тело. — Давай, допивай.

Стукнул об пол пустой бокал.

— Слушай, по-моему, тебя повело от бокала вина, — Кира обхватила его лицо ладонями, вглядываясь в глаза. — Ты голодный, наверное, да? Черт, я протупила с этой романтикой. А надо было об ужине подумать! Я сейчас соображу что-нибудь, погоди.

— Не надо, — он подался вперед и прижался щекой к щеке. — Я не голодный.

— Правда? — спросила она недоверчиво.

— Правда. Костя заказал там в офис пиццу, суши, кучу еды какой-то. Ребята празднуют. В меня затолкали два куса чего-то. А потом я сбежал. К тебе.

— Молодец какой, — мурлыкнула Кира. Поднялась на ноги и потянула за собой. — Тогда пойдем.

— Куда? — встать не хотелось. Хотелось вот так сидеть рядом с ней, щека к щеке.

— Потанцуй со мной, — Кира отступила на шаг. Как-то неуловимо повела сначала бедрами, потом плечом. Не торопясь, поправила сползшую лямку. Так, чтобы он успел посмотреть. Но не очень долго. — Потанцуй со мной, Максим. Я что — зря готовилась? Там, — плавно взмахнула рукой в сторону, — свечи, вино и музыка. Пойдем. Будем танцевать, пить вино. И я буду рассказывать, как я тебя люблю.

Он не думал, что только от слов может так закружиться голова.

* * *

Кира щелкнула кнопками пульта, и комнату заполнили гитарные переборы. Спустя несколько секунд к ним присоединился хриплый мужской вокал. Она прихватила бутылку вина, стоящую на столике, отпила прямо из горлышка и протянула ему.

— Обойдемся без бокалов?

— Обойдемся, — кивнул Макс. Приложился к бутылке. Вино снова обрело вкус. А жизнь — смысл.

А потом его руки легли на ее талию, а ее, не выпуская бутылку — на его плечи. И они медленно поплыли на волнах тягучей мелодии и хриплого вокала.

— Знаешь... — Кира говорит ему прямо на ухо, прижимаясь к щеке щекой. Так, как Максу нравится. Так, как ему сейчас больше всего хочется. — Мне кажется, я влюбилась в тебя с первого взгляда. Вот прямо там, на заправке.

— Кирюш... — неожиданно перебил он ее. — А можно, я в процессе признания в любви буду тебя лапать? — его ладони скользнули с талии вниз, под возмутительно короткий подол. Пальцы сжались. — Ты же не думала, что я смогу удержаться, когда надевала это?

— Лапай на здоровье, — Макс почувствовал щекой ее улыбку. — Только с мысли меня не сбивай. И вообще, что это за признание в любви, если тебя при этом за задницу не лапают? Как-то не по-настоящему.

— Теперь все по-настоящему, — его ладони заскользили по аккуратным округлостям. — Продолжай.

— Продолжаю. Ты был такой... Знаешь, вроде бы должен был казаться по идее жалким и отчаявшимся, а выглядел все равно так, будто способен решить любые проблемы. Да так оно и есть, на самом деле.

— Почему ты уехала? Я расстроился.

— Правда?

— Правда, — серьезно кивнул Макс. — Вспоминал тебя потом несколько раз. Не мог забыть.

— Я... Я испугалась, наверное, — Кира еще раз приложилась к бутылке, угостила Макса. — Мне показалось, что ты... Что из-за тебя моя жизнь может измениться. Так оно и вышло. И я тоже тебя вспоминала. Тебя, твои зеленые глаза и пять твоих веснушек.

Он рассмеялся, прижимая ее к себе плотнее.

— Прямо вот так сразу посчитала?

— Угу. Потом, ближе к лету, их стало больше. Я вот подумала... — задумчиво. — Что мы встретились благодаря твоей... Яночке. Если бы она тебя не оставила на трассе — мы бы не встретились.

— Не факт, — не согласился Макс. — Мы бы все равно встретились. В «Суоменлахти». Здесь. Это никак не связано.

— Мне кажется, — Кира говорила тихо. — Что если бы не было той встречи на Московской трассе — мы бы... прошли мимо друг друга. Вот ужас, представляешь?

— Ужас, точно. Давай позвоним Яночке и поблагодарим ее. За наше знакомство.

За это предложение Макс получил укус в шею, рассмеялся и сделал резкий поворот в их медленном танце, так, что у Киры закружилась голова — от выпитого вина. От его близости. От счастья.

— Знаешь, Кир, кстати, о знакомстве. Мне мать рассказывала, как они с отцом познакомились. Она его шоколадкой угостила. Говорила, что он стоял такой несчастный, уставший. Ей его жалко стало, ну она подошла и угостила. А отец потом утверждал, что она его этой шоколадкой приворожила. Вроде бы, есть такое поверье — что девушка может с помощью еды приворожить понравившегося парня.

— Это ты к чему?

— Ты меня тоже приворожила! — уверенно сказал Макс. — Бутербродами.

— Их моя тетя делала!

— Ничего не знаю! Ты меня ими кормила — значит, ты и приворожила.

— Приворожила — так приворожила, — неожиданно покладисто согласилась Кира. — И не жалею. Как можно было пройти мимо такого идеального мужчины?

— Идеального? — фыркнул Макс. Снова провел ладонями вверх-вниз. — Вот это — идеальное.

— Ты — замечательный, — она не поддавалась на отвлекающий маневр. — Ты просто самый лучший.

— Ммм? — Макс увлеченно наглаживал упругие полушария.

— Ты очень умный. Я и сама это вижу, и от многих слышала — даже от Влада — что ты очень хороший специалист и талантливый архитектор.

— Возможно... — Макс принялся медленно гладить языком изящную ушную раковину.

— Не отвлекай меня!

— А ты не отвлекайся... — он переключился на мочку.

— Ну... в общем... А еще ты... какое бы слово подобрать... порядочный. Я точно знаю, что ты не способен на подлые и низкие поступки. Теперь знаю совершенно точно.

Макс не отвечал. Он был занят делом — и весьма увлеченно.

— А еще... — говорить становилось все труднее. — А еще ты очень привлекательный. И, наверное, сам знаешь об этом. У тебя глаза удивительно яркие. И пять веснушек на носу. И губы красивые, и скулы. А тело... плечи... руки... — она погладила по рукаву рубашки, едва не обронив бутылку. — У тебя роскошное тело, сладкий...

— Все, хватит! — Макс отобрал у Киры бутылку и в один глоток допил остатки вина. Пустая бутылка мягко упала на ковровое покрытие. — У сладкого сейчас что-то слипнется от комплиментов. Пойдем в постель, Кирюш.

— Нет, погоди! Я же главное не сказала.

— А что у нас главное? — замер он. От предвкушения.

Кира прижалась к нему всем телом. И зашептала на ухо.

— У тебя офигенный член, — ее рука как-то втиснулась между их телами и погладила его прямо через ткань брюк. — Он замечательный. Я от него кончаю.

Сразу ответить Макс не смог по нескольким причинам. А потом, когда дыхание все же

вернулось...

— А я думал, главное — то, что ты меня любишь...

— Это само собой, — медленные движения ее руки не прекращались. — Но по сравнению с твоим членом...

— КИРА!

Она обхватила его обеими руками за шею, крепко поцеловала в губы.

— Я. Тебя. Люблю.

— Наконец-то! И я тебя люблю. Все, пошли в постель!

* * *

— Эта штука снимается через верх или через низ?

— Ты невероятно романтичен.

— А, черт! — он снова проиграл сражение с пуговицами и начал стягивать рубашку через голову. Отшвырнув ее в сторону, взялся за ремень брюк. — Советую поторопиться.

— Как скажешь, — она пожала плечами. И так удачно, что лямки сползли — сначала одна, потом другая. А потом невесомое черное недоразумение скользнуло к ее ногам. А Кира прикрылась — скорее инстинктивно, чем от настоящего смущения. Грудь и лоно — обеими руками. Эффект получился обратный: Макс бросил возню с ремнем и притянул ее к себе — контраст обнаженного тела, прикрывающих его тонких рук и черных чулок оказался слишком убойным.

— С ума меня сведешь... — его голос царапался хриплыми интонациями.

— Стараюсь... — ее — ласкал горловым мурлыканьем.

— Снимай их, — рука скользнула по гладкому бедру.

— Не нравится?

— Нравится. Но ты без всего мне нравишься больше. Хочу тебя... совсем без всего... — разжал руки.

— Тогда... — Кира опустила на постель и принялась аккуратно спускать с ноги черный нейлон. — Советую поторопиться.

Предупреждение было излишним. Второй чулок смел уже Макс.

* * *

Эта сумасшедшая девчонка... его Кира... будила в нем какую-то совсем неизвестную ему часть личности. Потому что он снова об нее терся. Потому что ничего не мог с этим поделать. Только теперь между ними ничего не было. Только его напряженная плоть и ее нежная кожа. Нежная, влажная. И ее требовательное: «Ну Мааакс!». И как она выгибается и ерзает под ним, пытаясь прекратить эту сладкую пытку бытия по отдельности. Но еще не время. Еще немного, в последних вдохах поодиночке удерживать их обоих на обрыве сладкого, дрожащего безумия. Чтобы потом сорваться. Провалиться друг в друга. А пока — еще немного продержаться, балансируя на краю пропасти наслаждения.

Недооценил он Киру Артуровну. Если ей что-то нужно... А ей было очень нужно. В какой-то момент, неуловимый, она как-то особенно сильно извернулась, прогнулась и... И

он пропал. Провалился в нее.

Ее ноги мгновенно скрестились на его поясице, пальцы вплелись в короткие волосы на затылке. Выдохнула на ухо — жарко и довольно.

— Попался! Попааался... Мой, ты слышишь, ты — мой!

— Твой, — покорно и радостно согласился он, продвигаясь еще чуть вперед, подтягивая выше ее колени. Добиваясь идеального совпадения.

— Скажи еще! — требовательно.

— Твой. Целиком и полностью только твой, госпожа моя бухарская принцесса. А ты...

— Твоя! — так же покорно и радостно согласилась она. — Целиком и полностью только твоя, господин мой ясновельможный пан.

Они замерли на какое-то время. Вслушиваясь в стук сердца. Вглядываясь в глаза. Читая душу.

— Максим... Ты без команды двигаться не начинаешь?

— Я очень послушный.

— Тогда — начинай.

И они начали. И продолжили. И кончили. И все это — вместе. Сшитые накрепко гребанной красной нитью.

* * *

— Слушай... По-моему, ты поглупел. Уже не такой тяжелый. У тебя усох мозг, МАльш!

— Как я с тобой вообще не чокнулся... — проворчал Макс. А потом перевернулся на спину, привычно не отпуская ее, увлекая за собой. — А вот вы все в том же бараньем весе, Кира Артуровна. Ума не набралась. Разве что совсем чуть-чуть.

— Нет, вот сейчас я тебя точно стукну! — она со смехом приподнялась на локтях. Тела их от этого разъединились. И тут Макс понял. И вспомнил.

— Бей, — вздохнул. — Заслужил.

— Что это вдруг?

— Кир, я... — обхватил ее руками за талию крепче. — Я про презерватив забыл. Вообще. Совсем. У нас было... без него.

— Чтооо?! Ты поймел меня без резинки?!

— Нууу... Да.

— И что нам теперь делать? — запричитала Кира, — А если я забеременею? Тебе придется на мне жениться!

— Кира Артуровна... — Макс сильнее сжал вокруг нее руки. И констатировал со вздохом: — Вы — тролль.

— А то! — усмехнулась Кира довольно. Снова положила ему голову на грудь. — Ишь, моду завел. — И, после паузы, вдруг серьезно. — Я «чистая», кстати. Понимаю — поверить трудно, но я всегда была осторожна. Несмотря на... все.

— Я не сомневался, — спокойно ответил Макс. — Я тоже всегда был аккуратен. До... тебя. Слушай, Кирюш... Пообещай мне...

— Чего изволите?

— Пообещай, что если это случится, ты не будешь делать никаких глупостей.

Она несколько секунд морщила лоб.

— О каких глупостях идет речь?

— Ты прекрасно поняла. Я о возможной беременности. И об... — запнулся, но продолжил. — Аборте. Пообещай, что ты этого не сделаешь.

Умеет же пан МАльш ошарашить. Достался ей любимый — не как у всех.

— Только не говори мне, что ты мечтаешь о детях! Не поверю.

— Пока не мечтаю, — Макс категорически отказывался сбиваться на легкомысленный тон и отвечал серьезно. — Нам с тобой надо сначала друг с другом научиться жить. Без ежедневного членовредительства. А уж потом о детях думать. К тому же, это требует серьезной подготовки — финансовой, организационной.

— Вот видишь!

— И все это — чушь. Если на другой чаше весов — уже созданная жизнь.

Ей оставалось только сопеть ему в грудь. Это даже не порядочность. Это какой-то запредельный уровень мужского благородства.

— Не переживай, — Кира наконец-то справилась с комком в горле. — Я не забеременею.

— Почему? — странно, но в вопросе прозвучала больше обеспокоенности, чем облегчения.

— Потому что у меня со дня на день должна начаться менструация, — немного смущенно ответила Кира. Надо привыкать. Привыкать говорить со своим мужчиной в том числе и на такие интимные темы. — А, судя по тому, как ты интенсивно меня... хм... только что... Не исключено, что это случится прямо завтра. Пойдешь в магазин за прокладками!

— Пока лучше за прокладками, чем за памперсами, — все-таки рассмеялся Макс.

— Я пошутила про прокладки! — Кира почувствовала, что еще немного — и она все же начнет краснеть. И решила быстро сменить тему и подразнить заодно. — Слушай, герой-любовник, а мы что, и в самом деле... поженимся?

— Какие варианты, Кир? У нас нет выбора. Я уже пообещал твоей маме жениться на тебе.

— Ну да. Конечно. Ты пообещал моей маме.

— Ой, ну надо же! Мы надулись? Кирааа... — Макс потерся носом о ее щеку. — Ты без меня можешь?

— Не могу! — сердито.

— И я без тебя не могу. Видишь, у нас и в самом деле нет выбора.

— Логика у вас, пан МАльш...

— Безупречная! Кирюш... — его голос звучал немного неуверенно. Ладонь скользнула по спине, замерла на пояснице. — Только я думаю... А ты хочешь вот прямо настоящую свадьбу? Фата, лимузин, куча гостей, выкуп, кукла на капоте, ресторан?

— Вообще-то, до недавнего времени я не думала вообще ни о какой свадьбе... — Кира отвечала тоже немного нерешительно. — Нет, так не хочу. Пошлость какая, фу.

— Ты ж моя прелесть! — Макс крепко стиснул ее. — Давай просто распишемся в обстановке умеренной торжественности и махнем в длинный-длинный медовый месяц куда-нибудь на острова! Ага?

— Ага, — улыбнулась Кира. Еще в начале недели ничего не предвещало того, что в пятницу вечером она будет обсуждать со своим женихом свадьбу и медовый месяц. Как все быстро происходит в ее жизни. Быстро и правильно.

— Какая ты у меня умница, Кирюша... — Макс вздохнул довольно. — Только что же у

тебя имя такое... — вдруг выдал непоследовательно. — Никак не приласкаешь толком. Кира — и все, практически.

— Мне нравится, когда ты называешь меня «Кирюшей», — подсказала она.

— Угу. Кирочка?

— Нет! Ни Кирочки, ни Кирюни! Кира или Кирюша. Мне достаточно. У тебя имя тоже кстати... Не подарок. Трудно, знаешь ли, шептать в порыве страсти «Максимилиан».

Он рассмеялся.

— Мне нравится, когда ты называешь меня «Максимка». Или Максим. Или просто Макс. Но не Масюша, пожалуйста. И не Максик.

— Поняла, — рассмеялась Кира. — Буду называть тебя просто мужем. Эй, ты, муж!

— Нееет... — простонал Макс. — Только не «муж»!

— О-па... Уже передумал жениться? Вот ты непостоянный.

— Я постоянный! Мне слово не нравится.

— Еще и капризный.

— Ну, дурацкие слова, согласишься? — упорствовал он. — Что «муж», что «жена». Мне не нравится. Муж — объелся груш.

— На тебя не угодишь, шановный, — усмехнулась Кира. — А как же тебя представлять при знакомстве, если что? Знакомьтесь, это Максимилиан МАльш, мой... кто? Ммм... супруг?

— От слова «суп»! — фыркнул Макс.

— Ой, не могу! — Кира рассмеялась. — Вот уж не думала, что у тебя с этим проблема. Благоверный?

— Благоверный? — он задумался. — Вот это мне нравится. Благоверным буду.

— В общем, как ни крути, вариант один. Ты — мой МалЫш.

— А ты — моя Малышка.

— Инфантильно!

— В самый раз для пани МАльш.

Кира не сразу осознала серьезность заявления.

— А кто тебе сказал, что я... возьму твою фамилию?

— А почему нет?

— Потому что... сейчас вообще модно оставаться при своих фамилиях после брака.

— А мне плевать на моду, — зевнул лениво Макс. — Мне очень важно, чтобы ты носила мою фамилию. Тебе так же важно оставить фамилию твоего отца?

Вопрос был задан прямо и с выделением главного. В лучших традициях Макса МАльша. Важна ли ей фамилия, доставшаяся от отца, которого она видела только на фотографиях?

— Ладно, — с напускным недовольством проворчала Кира. — Можешь считать, что убедил. Хотя это звучит ужасно: Кира Артуровна МАльш.

— Я же говорил, что у меня безупречная логика. И звучит все просто отлично. Кирюш... — он еще раз зевнул. — Ты простишь меня, если я сейчас отрублюсь? День выдался просто мега-насыщенный. У меня глаза сами собой закрываются.

— Не прощу. Иди хотя бы зубы почисти.

— Началоось. Стоило только предложение девушке сделать — сразу принялась воспитывать. Я не в силах никуда идти. Завтра.

— А мне никто предложения не делал! — злорадно припомнила Кира. — Меня перед фактом поставили.

— Тебе нельзя давать возможности думать. Тебе это вредно.

— Бессовестный!

— Угу. Я бессовестный и я тебя люблю. Давай спать.

— Дяденька, отпустите меня хотя бы в туалет!

— Опять? — Кира возмущенно зашипела, а Макс со смехом разжал руки. — Давай быстро.

Когда ее, вернувшуюся после туалета и душа, привычно прижали к боку и проворчали про холодные ноги, Кира счастливо улыбнулась. Шепнула «Я люблю тебя» прямо в упрямый шершавый подбородок, уткнулась носом под ключицу и заснула быстрее Макса.

Объект шестнадцатый: Александрийский столп

Это я шалю. Ну, то есть балуюсь.

Утро субботы прекрасно тем, что ты просыпаешься сам. Не потому, что звонит будильник. Не потому, что тебя кто-то будит. А потому, что ты выспался. Что может быть прекраснее?

Макс лениво открыл один глаз. Прищурился от яркого солнца. А вот спящей на соседней подушке Кире солнце несколько не мешало. Темные, почти черные волосы на белой наволочке. Обнаженное плечо. Макс приподнялся на локте, разглядывая все, что было доступно — темноволосый затылок, угол острой лопатки, плечо с совой в обрамлении замысловатых узоров. Легко коснулся контура орнамента и задумался. А хотел бы он, чтобы этой татуировки не было на ее плече? Чтобы Кира никогда не встречала Лекса, и не было этой гнусной истории? И не появилась сова на ее плече? Хотел бы Макс этого?

И вдруг понял, что нет. Не хотел бы. Вот если бы встретил сейчас каким-то случаем Лекса — морду бы начистил без размышлений. За все хорошее, как говорится. Но специально — искать, ворошить прошлое — не будет. Прошлое должно остаться в прошлом. А у них с Кирой впереди — будущее. Их общее будущее. Много-много их совместного будущего.

Прижался к своему будущему всем телом. Вздохнул удовлетворенно. Есть вещи, идеально созданные друг для друга. Например, субботнее позднее утро, утренний же стояк и голая любимая девушка рядом. Идеально.

Макс прикоснулся губами к тату. Это часть Кире, без него это была бы не его Кира. И оно идет Кире, и вообще, Кира идеальна вся. И эта татуировка тоже идеальна.

— Доброе утро.

— Доброе, — спросонья голос у нее с особенно приятной хрипотцой. Макс отодвинулся, давая ей возможность повернуться лицом. И она повернулась. Посмотрела сквозь ресницы — даже без туши они у Кире длинные и черные.

— Не смотри на меня так, Макс.

— Как — «так»? Как, по-твоему, должен смотреть влюбленный мужчина на голую любимую девушку в своей кровати?

— Понятия не имею, — она вдруг отвела взгляд. А потом совсем отвернулась. — На меня так никогда не смотрели.

— Кира... — он потянулся к ней. Легко коснулся губами — скула, кончик носа, уголок рта. — Кирюша...

— Когда ты так на меня смотришь... — она снова повернулась лицом к нему. — У меня просыпаются странные желания.

— Какие, например?

— Например... варить тебе борщи и печь ватрушки. Гладить твои рубашки. Встречать тебя вечерами с работы. И прочая подобная чушь.

— Почему чушь? — Макс придвинулся совсем близко, чтобы глаз уже не отвела. — Нормальные желания. У меня как раз несколько рубашек неглаженных в шкафу скопилось.

— Макс...

— Доброе утро, любимая.

И только после поцелуя она смогла ему ответить тем же.

— Доброе утро, любимый.

А любимый все целовал и целовал ее. Лицо, шею, плечи, ниже... Прервался. Выдохнул.

— И вам, девочки мои любимые, доброе утро. Прекрасно выглядите.

Кира звонко прыснула.

— Перестань!

— Не мешай нам, женщина.

А потом он замолчал — к обоюдному удовольствию. Но когда его поцелуи опустились в район пупка, Макс был остановлен.

— Максимка, иди ко мне... — она легко потянула его за волосы.

— Чуть позже.

— Макс, пожалуйста... — пришлось уже просить. — Не надо...

— Как это «не надо»... — Макс увлеченно нацеловывал ей кожу ниже пупка. — Очень даже надо. У тебя такой живот красивый.

— Максим...

— Тшшш... Все будет хорошо.

— Не надо, — тут она всхлипнула. — Пожалуйста.

Вот на это он среагировал. Оторвался, тяжело дыша. Приподнялся на руках, заглянул в глаза.

— Кирюш, ты чего? Девочки же любят куни. Я не великий умелец, но буду стараться, обещаю.

— Не надо, — повторила она.

— Почему? — Кира успела забыть, какой он может быть невозможно упрямый. Но звуки вдруг перестали складываться в слова. И она просто отвернулась.

Макс смотрел на ее повернутое в сторону лицо, на тонкий профиль на белой подушке, на разгорающийся на скуле румянец.

— Ой... Ой-ей-ей... Кажется, караул. Кирааа... Ты что... Тебе ни разу не делали куни?

Она отвернулась еще резче, совсем носом в подушку. Румянец стал и вовсе темным.

Его затопила какая-то незнакомая до этого момента нежность. Нежность на грани с душевной болью почему-то.

— Кирюшка... — уткнулся лбом в нарисованную сову. — Горе ты мое луковое... А еще хвасталась. А сама даже вон... — вздохнул, обнял крепко за плечи. — Какой же ты у меня ребенок неиспорченный.

Она всхлипнула в подушку.

— Да не переживай ты так. Сейчас испорчу. Вот прямо не сходя с этого места испорчу.

Она вздрогнула. И через секунду Макс с облегчением понял, что она смеется.

— Ты невозможный тип, МАльш!

— О, да. И ужасно испорченный, — он снова принялся целовать ее.

— Максим...

— Тебе будет хорошо.

— Давай вечером, — жалобно.

— Сейчас! — он уже точно знал, что в некоторых моментах Кире просто нельзя давать спуску. И надо дожимать. Сейчас был именно такой момент.

— Ну, пожалуйста...

— Какой, к черту, вечер?! — Макс второй раз прервался на том же самом месте. —

Почему не сейчас?

— Ну... — она шмыгнула носом. — Сейчас светло. Все видно. И вообще...

— Кира, если у тебя есть легкие огрехи в эпиляции интимной зоны и тебя это смущает, то я могу закрыть глаза, — весело хмыкнул испорченный тип.

— Нет там никаких огрехов!

— Тогда будь хорошей девочкой — раздвинь ножки и покажи.

Она задохнулась — откровенной непристойностью предложения, хрипотцой в голосе, поволокой в зеленых глазах. А больше всего — своим острым желанием выполнить его просьбу. И сопротивляться этому желанию сил просто не было.

Макс действительно не был большим мастером по этой части. И действительно очень старался. В какой-то момент стало казаться, что ничего не получится. А потом он вспомнил, что у него есть два союзника. Две его замечательные девочки — правая и левая. И они не подвели. Кончила у него Кира Артуровна. Как миленькая кончила.

* * *

Ее ресницы поднимались медленно — так, словно каждая была из металла. И поднимать их было тяжело.

— Кира, не смотри на меня так.

— Как — «так»? — ее улыбка была совершенно нездешней. И сама она была словно еще не совсем тут.

— Когда ты на меня так смотришь, у меня просыпаются странные желания.

— Какие, например?

— Чтобы ты варила мне борщ и пекла ватрушки. И встречала меня по вечерам с работы — примерно как вчера. И еще я хочу увидеть тебя... беременной. Моим ребенком.

— Ого. Ну... — Кира прокашлялась. — В принципе, нет возражений. Ни по одному из пунктов.

— Вот и отлично, — он поцеловал ее в нос. А она поморщилась. — Что не так?

— Ты пахнешь... — и смущенно добавила. — Мной.

— Разве это плохо?

— Нет. Наверное, нет.

— Ну, вот видишь — как все здорово получилось. А ты боялась...

— Вы — тролль, Максимилиан Валерианович, — с удовлетворенным вздохом констатировала Кира, уткнувшись носом ему в грудь.

— Ничего подобного, — возразил Макс, удобнее перехватывая ее руками. — Кира, пока ты вся из себя такая расслабленная... У меня к тебе есть три вопроса интимного характера.

— Целых три? — хмыкнула Кира. — Ты такой серьезный с утра — жуть просто. Спрашивай.

— Спрашиваю. Первое. Если мы вчера... без презерватива... а ты говоришь, что сейчас не время, и ты не забеременеешь...

— Ну-ка, ну-ка, смелее, — весело подбодрила его Кира.

— Кто из нас тролль — это еще вопрос! — огрызнулся Макс. А потом вздохнул. — Просто никогда не думал, что без резинки так... офигенно. Можно, я и сейчас тебя тоже... без всего?

Кира просканировала его нарочито внимательным взглядом. А потом милостиво кивнула.

— Можно.

— Премного благодарен! — фыркнул Макс. Но следующий вопрос задал серьезно. — Кирюш... Не подумай, что я лезу в твою прошлую жизнь. И что это имеет для меня принципиальное значение. Скорее, я переживаю, что... — удивительно, но он казался смущенным. — В общем, ты такая узкая. Очень просто. И в первый раз, и во второй. Тебе не было больно?

— МАлыш... — Кира неверяще округлила глаза. — Ты идиот?

— Кира!

— Я оба раз кончала с тобой! Какое «больно»? Ты не можешь сделать больно... — он уже точно знал, что обожает эти мурлыкающие интонации в ее голосе. — Ты такой специальный человек, чтобы доставлять мне удовольствие. Макс МАлыш — это секс-машина... — напела она.

— Спасибо, польщен, — буркнул Макс. — Но, возвращаясь к моему вопросу. Кир... У тебя давно секса не было?

— Давно, — она перестала улыбаться.

— Очень давно? — надо бы остановиться в этом допросе, но не мог. Почему-то не мог.

— Очень, — ответила Кира негромко. Но взгляд в этот раз не отвела. И он был ошарашен ответом, который прочитал в ее глазах.

— Кирюш... — неверяще. — Ты что... С тех самых пор... Это же сколько лет прошло?!

— А я не могла сначала, — она говорила спокойно. Потому что видела его глаза напротив. Потому что чувствовала его руки. Потому что знала — все гадкое осталось позади. Потому что была уверена — он поймет. — Вот просто физически не могла. Такое отвращение было — я даже в общественном транспорте не могла ездить. Если час пик и ко мне мужчины прижимаются — чуть ли не тошнило. Вот такая обратная реакция... после всего. В другую сторону. Я пешком стала ходить. Потом дядя Паша мне «опель» свой старый выдал — пожалел меня, дуру, которая через весь город на своих двоих. Потом вроде полегче стало.

— Кир... — он убрал темную прядь с ее лба. — Тебе сколько лет тогда было — девятнадцать, двадцать?

— Ну, примерно.

Макс покачал головой.

— Я как вспомню себя в этом возрасте... трахал же все, что движется. А ты... пешком... Бедолага ты у меня.

— Я у тебя идиотка, — мягко усмехнулась она. — Но я над собой работаю. Я пару лет назад решила проверить и попробовать, как оно.

— Ну? — ревновать было глупо, но он именно ревновал. Глупо и непоследовательно ревновал.

— Противно было, — поморщилась Кира. — Противно — и все.

— А со мной не противно?

— Дурачок, — она дунула ему прямо в нос, заставив поморщиться. И снова замурлыкала: — Макс МАлыш — это секс-машина...

— Да-да, это я. У секс-машины остался последний вопрос.

— Неужели последний? И мы, наконец-то, займемся сексом?

— Совершенно необузданная и ненасытная женщина, — демонстративно вздохнул Макс.

— Жалуешься?

— Офигеваю от собственного везения, — улыбнулся Макс. — Я вот думаю, что пора внести разнообразие. А то, что это все одно и то же: я сверху, ты снизу.

— Неа, — Кира лениво покачала головой. — Даже не мечтай. Прыгать на тебе я просто не в состоянии. Не сейчас.

— А как же утренняя зарядка?

— Можно, я свой комплекс упражнений сделаю в исходном положении «лежа на спине»?

— Нельзя! — он ловко повернул ее спиной к себе. — На спине ты уже лежала. Теперь лежи на боку.

Кира хотела что-то возразить, но не успела. Вместо этого с губ ее сорвался томный выдох пополам со стоном. Она так и дышала все это время. Под каждое его движение выдыхала жарко, шумно. Словно дышала его движениями, их наслаждением. А он, приподнявшись на локте, целовал ее затылок, плечо, шею и самое вкусное — место, где одно переходит в другое. И смотрел — насмотреться не мог. На нее — такую разверстую всю: приоткрытые в сбитом дыхании губы, дерзко торчащие вверх маленькие аккуратные груди, распахнутые бедра. Ему даже видно то место, где он сам входит в нее. Видно собственную руку, которая придерживает Кирино бедро, закинутае на его. Все видно так ярко, откровенно, бесстыдно. Невозможно прекрасно. Как она доверчиво и без остатка открывается и отдается ему. В голове гудит стремительный ток крови, в груди становится тесно, словно там бьется надрывно не только его сердце — но и ее тоже. В такт этим хриплым выдохам под каждое его движение.

Левая его рука смещается с бедра туда, между. Правая накрывает грудь. И ее руки тоже приходят в движение — перехватывают его запястья. Чтобы не вздумал убрать. Чтобы гладил и ласкал дальше. Держит его. Приказывает. Просит. Умоляет.

В момент оргазма ее пальцы сжимаются так сильно, что потом у него останутся синяки — на тыльной стороне запястья, где кожа тонка и виден голубой разлив вен. Но она не будет за это извиняться, а он — сожалеть.

* * *

Первым заговорил он. Отведя влажную прядь, на ухо:

— Кира МАлыш — это секс-машина... Это секс-машина — таки вам говорят...

— Бессовестный плагиат! — рассмеялась она.

Ответом ей стало громкое урчание живота любимого мужчины.

— Однако, пора завтракать, — ответно рассмеялся и Макс. — Пока мы не свалились в голодный обморок от активных физических упражнений на пустой желудок.

— Очень удобно падать в обморок, лежа в кровати.

— И все-таки я настаиваю на том, что надо поесть, — Макс сел на кровати. — Сейчас в душ схожу — и будет завтрак.

— Нет уж! — Кира села рядом, подтянув зачем-то простынь к груди. — Я иду первая в душ. А потом буду готовить завтрак!

— Ого... — Макс округлил глаза.

— Да-да, — Кира похлопала его по плечу. — Можешь сделать заказ.

— Офигеть... — и, скороговоркой: — Хочу овсянку с черникой.

— Вот как? Значит, пан МАльш желает на завтрак овсянку с черникой. А ингредиенты есть?

— Есть, — довольно кивнул Макс. — Хлопья в шкафу внизу, слева от плиты. Черника в морозилке. Молоко в холодильнике.

— Отлично. Я пошла, — простынь легла в сторону, а Кира, нагая, одетая только в татуировку, пару серебряных сережек, одно серебряное кольцо и много солнечных лучей, отправилась к арочному проему, отделяющему спальню от остального пространства квартиры. На половине дороги остановилась, оглянулась через плечо.

— Нет, вы посмотрите на него! Пялится, бессовестный!

— Ага, — улыбка Макса по яркости могла соперничать с солнечным светом. — Пялюсь, — подпер для удобства щеку рукой. — Как не пялиться, когда такая красота?

Кира фыркнула, гордо вздернула подбородок и пошла дальше, совершенно бесстыже вертя задом.

* * *

Когда Макс вышел из ванной, по всей квартире гремел рок. Кира Артуровна в серой короткой футболке и серых с черными буквами скромных трусиках пританцовывала у плиты, прихлебывая что-то из кружки. Приподняла крышку у кастрюли, помешала ложкой, и снова закрыла. Его она заметила, только когда Макс прижался сзади.

— Ой, — Кира нащупала рукой пульт и убавила громкость отличных шведских колонок. — Извини. Громко?

— Сейчас нормально.

— Скоро все будет готово, — Кира снова потянулась к плите. А Макс совершенно неприлично заржал: он разобрал надпись на ее трусах. Через всю попу красовалось черными буквами «Вдуй мне!».

— Кира, у тебя все белье такое?

— Что — не нравится? — она обернулась. — Перед оцени.

Там значилось: «Полапай нас!». Макс ухмыльнулся. Ну как тут отказать? Но в этот момент что-то пропищало, и он вздрогнул от неожиданности.

— Что это?!

— Таймер, — пожала плечами Кира. — Каша готова. Сейчас чернику достану.

— Таймер? — Макс нахмурился. — У этой плиты есть таймер?

Кира несколько секунд смотрела на него, а потом расхохоталась.

— Скажи честно, что ты на ней готовил?

— Омлет. И пельмени варил.

— Бедная, бедная девочка... — Кира погладила темную стеклокерамическую поверхность. — Ну, ничего, я тебя спасу от этого ужасного человека!

— Девочка?! Бедная девочка? Это ты про плиту?

— Ну, у тебя же есть свои собственные девочки, — невозмутимо ответила Кира. — И у меня будут свои девочки. А вот и вторая. Ты туда хотя бы заглядывал? — Кира кивнула в

сторону матово блестящего никелем духового шкафа.

— Заглядывал.

— Включал?

— Эээ... Нет, — сознался Макс.

— Зачем тебе такая навороченная духовка, если ты ею не пользуешься?

— Для тебя старался! — быстро нашелся с ответом Макс.

— Да? — она уперла руки в бедра. — А что же ты со мной не посоветовался, дорогой, когда духовку покупал?

— По-моему, с тебя хватило выбора дивана, — снова шустро сориентировался Макс. — Я пожалел тебя, дорогая.

Тут уж Кира не нашлась с ответом и капитулировала в морозилку — за черникой. Когда она наклонилась, Макс залюбовался ее попой, обтянутой трусами с провокационной надписью. И решил, что не пойдет одеваться. Не хотелось терять ни минуты чудесного зрелища — Кира Артуровна в этих одежках с хулиганскими надписями, хлопчущая на его кухне. На их кухне. Словом, завораживающая картина, и поэтому он будет завтракать в полотенце. Не голый же?

Они ели овсянку с черникой и болтали обо всем подряд — погода, вид за окном, играющая фоном музыка. При этом под столом он гладил своей стопой ее. А когда прекращал — тогда она принималась гладить своей ногой его.

Потом Кира отнесла тарелки в раковину, принялась наливать из кофеварки кофе. Макс сидел, привалившись к стене, лениво думая, что он обнаглел в край и ведет себя ну уж не как гостеприимный хозяин. Хотя какого черта — хозяин? Вон хозяйка имеется: пританцовывает на кофейно-бежевой плитке и выглядит так, словно была тут всегда — в этой «полапай-нас» футболке и «вдуй-мне» трусах.

Когда Макс уже совсем было решил оторвать свою прикрытую полотенцем задницу от стула и достать из холодильника масло и сыр, а из шкафчика — печенье, зазвонил телефон. Кирин телефон. Она обернулась от кофеварки, поставила кружку на стол. Но он уже поднес ее телефон к уху.

— Доброе утро, Раиса Андреевна. Да, Кира у меня. Все в порядке. Накормила меня завтраком, сейчас моет посуду. Невероятно хозяйственная она у вас. А, ну да, — рассмеялся. — Теперь уже у меня. Ага, хорошо, понял. Сейчас спрошу, — он прижал телефон к плечу. — Кирюша, твоя мама спрашивает, во сколько мы к ней в гости приедем?

Кира смотрела на него без улыбки. Потом сделала какой-то неопределенный жест рукой, который Макс интерпретировал как: «Решай сам» и снова отвернулась к кофеварке. Ну, сам — так сам.

— К четырем нормально будет? А то у нас еще есть кое-какие дела. Ну, все, договорились. К четырем будем.

Кира поставила на стол две чашки с кофе. Села напротив и принялась молча пить кофе. Молчала и улыбалась. И ему тоже хотелось немножко помолчать и улыбаться ей поверх чашки с кофе. Но тут снова зазвонил телефон. На этот раз — его.

Они посмотрели на аппарат оба. И офигели тоже оба. Но схватить первой успела Кира.

— Как это понимать?! — Кира обличающее повернула телефон к Максусу. На экране было фото блондинки с крупными губами и подпись «Яна-минет».

— Вот черт! — он попытался взять трезвонящий телефон, но Кира быстро убрала руку.

— Что, пришло время утреннего минета?! Мне уйти?

— Кира! Я с ней виделся последний раз полгода назад, в марте.

— Тогда какого х*ра она тебе звонит?!

— Не знаю!

— Ладно, — она вдруг выдохнула и сказала гораздо тише. — Сейчас узнаем. — И, уже в телефон: — Да? Совершенно верно, это телефона Максима. Нет, он не может подойти. Он принимает душ. Что-то передать? Кто я? — Кира поднесла к губам кружку и отхлебнула кофе. — Я — его невеста. Еще есть вопросы? Странно, — пожала плечами и положила телефон на стол. — Бросили трубку.

— Да? — неопределенно ответил Макс, уткнувшись в кружку. Вот Яночка, вот же дрянь. И что ей вспомнилось спустя полгода? В самый неподходящий момент? И сам он хорош!

— А скажи мне, милый, неужели у тебя все девочки так записаны в телефоне? «Яна-минет»? «Лиза-анал»? «Кира-не дам»?

— Перестань! Не там никакого «Лиза-анал»! Можешь сама посмотреть! Кира Артуровна Биктагирова есть!

— Какого хрена ты не удалил ее номер, если вы расстались? И неужели все то время, пока вы были вместе, она у тебя в телефоне так и значилась?!

— Нет. Это я потом переименовал контакт, — Макс не помнил, когда ему было в последнее время так неловко.

— На всякий случай, — язвительно кивнула Кира. — Зачем удалять? Запасной аэродром.

— Да я сейчас удалю!

— Я сама удалю все, что мне не понравится! — ханский темперамент показывал себя во всей красе. А потом Кира покачала головой. — Нет, это надо придумать! Яна-минет. Неужели так хороша в этом деле, что забыть не мог?

— Да не особо... — а потом вдруг, неожиданно для себя, сказал другое: — Хотя, если честно, да. Очень хороша. Качественно и с душой к делу подходила.

— Ах, вот кааак...

Макс понял, что сейчас что-то будет. Только вот с каким знаком? Но от следующей фразы все равно опешил.

— Я тоже хочу у тебя отсосать.

У него мгновенно окаменело лицо. Глаза стали холодные. Видно, как сжалась челюсть. Слова произнес, почти не разжимая губ. Бесцветным голосом.

— А я этого не хочу.

Да что же она творит?! К чему это все? Нелепый звонок, случайный, ничего не значащий для него — это очевидно. А она тут же готова сорваться в прошлое, которое тоже не должно уже ничего значить. И испортить их первое настоящее такое чудесное утро. Нельзя. Неправильно. И ее любимый этого просто не заслужил.

— Да, ты прав. Я тоже этого не хочу, — Кира резко подвинулась вместе с табуретом к нему, так, что Максусу пришлось шире развести колени, чтобы дать ей место. — Я другое хочу сделать.

— Что? — его лицо немного расслабилось, но напряжение еще читалось.

— Не бойся... это не страшно... — ее губы так близко, пахнут кофе и черникой. — Я всего лишь немножко поглажу тебя. Пальцами.

Только тут Макс сообразил, что полотенца его лишили. И через секунду —

действительно. Пальцами. Самыми кончиками. Он шумно выдохнул.

— Тишшш... — теперь она шептала ему на ухо. — Не бойся. Это приятно. Я немножко поглажу тебя. Здесь. И здесь. А вот здесь приятнее всего, да?

— Да... — выдохнул он. У него час назад бы потрясающий секс. А сейчас, под ее пальцами, ощущение такое, что два года на сухом пайке. Ломит там все, и хочется гораздо большего, чем эти легкие прикосновения.

— Сильнее можно? — это нарочито невинные интонации добивали его. Едва смог кивнуть. И охнуть, когда ее ладонь сжалась. Потом двинулась вверх. И вниз. А он затылком прижался к стене. — Я еще немного так... и вот здесь... хорошо?

Ни кивать, ни издавать связные слова он был уже не в состоянии. Промычал что-то, не открывая глаз. И бедрами вверх. Все, что смог.

— Вот и умница, — продолжала мурлыкать она. — Тебе нравится. И мне нравится. И... ооо... оказывается, ты умеешь быть влажным и без меня, — ее пальцы медленно и нежно размазывали выступившие капли по гладкой горячей коже. — А знаешь, что мы сделаем дальше?

— Что? — невероятно, но он смог выдохнуть это слово.

— А дальше я... — ее ладонь снова принялась ритмично двигаться. — Дальше я встану на колени перед тобой и сделаю все то же самое — но губами. Языком. Ртом. Сначала потихоньку, а потом, когда ты перестанешь бояться и привыкнешь — сильно. Так, как сейчас рукой. Хорошо? Позволишь?

В ответ он смог только простонать ее имя. Она расценила это как согласие. Скрипнул по плитке отодвинутый табурет. Она опустила на колени. И реализовала все свои и его фантазии.

Незадолго до финала Макс попробовал проявить джентльменство. Сжал ее плечо, выдохнул что-то смутно. Но Кира не отреагировала. А он хотел, что она поделила его наслаждение. И почему-то был уверен, что и она хочет того же. И потому не стал больше париться по этому поводу, а отдался ей окончательно. И отдал ей все.

* * *

— Кирюш... — его пальцы запугались в темных волосах. Она по-прежнему на полу, щекой прижимается к его бедру. — Ты... как?

— А ты как? — она подняла лицо. Легко прикоснулась губами к родинке. — Не страшно было?

— Тролль... — он улыбнулся умиротворенно. — Мой любимый тролль. Кирюш, пойдём в постель, а?

— Мы практически только что оттуда.

— Ну и что? Я даже сидеть не могу толком — сейчас свалюсь с табурета, — он протянул ей руку. — Пойдем. Полежим часик в постели. Пообнимаемся. И я буду тебе рассказывать, как я тебя люблю.

— Ладно, — Кира аккуратно вернула полотенце в исходное положение. Встала на ноги, и он вслед за ней. Прижалась. — Только можно, когда ты будешь рассказывать, как любишь меня, ты засунешь руку мне в трусы?

— Это обязательно, — улыбнулся Макс. — Какое же это признание в любви, если рука

— Кир, такое подойдет? — Макс держал в руках бутылку вина.

— А? Чего? — Кира оторвалась от сосредоточенного изучения сроков годности на торте. — Ага, нормально. Годится.

— Кира... — он потянул ее за рукав.

— Да? — она поставила упаковку с тортом в корзину, в компанию к бутылке вина.

— Поцелуй меня.

— Вот прямо здесь, в секции кондитерских изделий?

— А что такого?

— Ничего, — она пожала плечами. Легко коснулась щеки губами. — Все? Можем идти на кассу?

— Нет. Поцелуй по-настоящему.

— По-настоящему? — ее глаза искрились смехом, но губы она упрямо поджимала. — А минет тебе не сделать прямо тут? По-настоящему?

— Нет, минет дома. А сейчас — поцелуй. В губы.

— Малыш сегодня шалит, — хмыкнула Кира. — Ладно, как скажешь.

Приподнялась и поцеловала в губы. Без языка, но крепко, по-настоящему, не стесняясь.

— Теперь доволен?

— Угу, — Макс поднял корзинку. — Пошли на кассу.

Раньше он этого не понимал. Более того, его это бесило. Вся эти нежности на публике. Так хочется полизаться — занимайтесь этим дома. Когда Яна пыталась его обнять или поцеловать в общественном месте — его это безумно раздражало.

А сейчас вдруг понял — зачем. Затем, что хочется. Просто хочется, чтобы тебя поцеловали. А чтобы другие косились неодобрительно. Или завистливо. И чтобы все знали — это его девушка. А он — ее. Вот. Знайте все.

И когда, расплачиваясь на кассе, он почувствовал, как Кирина ладонь легла ему на поясницу, под футболку — расплылся в совершенно идиотской улыбке. Некстати, не место для этой ласки, совершенно — и от того особенно приятно. Кассирша приняла улыбку на свой счет, а Макс не стал ее разубеждать. Забрал пакет, другой рукой сжал твердую узкую ладошку — и они пошли.

— Слушай, а давай завтра купим кольца.

— Какие кольца? Что, на твоей «вольво» уже поршневые износились?

— Кира, иногда тебя хочется шлепнуть!

— Это непедагогично! — она ловко увернулась. — Не понимаю, к чему такая спешка. Времени еще много. Мы даже... с датой определились. Зачем нам сейчас кольца?

— Нет, погоди, — он остановился, не дойдя до дверей супермаркета. — Скажи мне, что делает двух людей парой? То, что так скажет какая-то чужая нам тетя в ЗАГСе? Штамп в паспорте? Или это решаем мы — что мы друг для друга?

— Ну... — ее голос прозвучал нерешительно. — Наверное, мы сами. Решаем.

— Ну вот! А мы же решили? Решили. Давай купим кольца и будем их носить. Кто нам указ, кроме нас самих?

— Чудной ты все-таки, пан архитектор, — Кира улыбалась. Но, несмотря на иронию в голосе и глазах, Макс бы уверен, что ей нравится его идея. — Ладно, давай купим кольца.

* * *

Пока золотистое «вольво», не торопясь, катило сквозь город в сторону Приморского, сидящая в машине девушка с удовольствием слушала импровизированную лекцию по достопримечательностям родного города в исполнении любимого мужчины. И город раскрывался иначе. И по-другому светило сквозь облака тусклое питерское солнце. А когда они проезжали мимо Дворцовой, ей вдруг показалась, что ангел на вершине колонны помахал ей рукой — другой, без креста.

* * *

— Нравится?

— Симпатично, — Кира любовалась простым кольцом из переплетений золота и платины. — Но надо еще посмотреть.

— Тебе нравится кольцо? — переспросил Макс с нажимом.

— Да. Вполне.

— Девушка, — он обернулся к сотруднице за прилавком. Положил на витрину руку. — Такое же мужское кольцо в пару к этому есть?

Та наметанным глазом прикинула размер и кивнула.

— Вот, пожалуйста.

Предложенное кольцо идеально подошло безымянному пальцу. Макс протянул девушке банковскую карту.

— Мы берем. Оформляйте.

— Эй! Я же сказала, что надо еще посмотреть!

— Кира, это десятый ювелирный салон. Сколько можно смотреть?

— А сто диванов посмотреть и ничего не купить — это можно?

— Так, — вздохнул. — Я все понял. Твое ханство, ну и злопамятная же ты. Вы оформляйте, оформляйте, — кивнул сотруднице салона. — А я пока уговорю свою невесту окончательно.

Не то, чтобы целующиеся парочки в ювелирном салоне были явлением невозможным. Но все-таки — редким. И поэтому сотрудница салона немного полюбовалась, и только потом приступила к своим непосредственным обязанностям.

* * *

Вечером того же дня, у окна с видом на Финский, среди россыпи разнокалиберных подушек, на виду у выглянувших по такому случаю из-за облаков звезд они обменялись клятвами и надели на безымянные пальцы друг другу обручальные кольца. И больше их не снимали.

Эпилог: Стрелка Васильевского острова

Подумать только, восемь лет назад ты появился на свет — вот таким крошкой...

— Почему ты мне позволил? — надула губы невеста.

— Я слабо представляю, как тебе можно что-то запретить, — весело хмыкнул жених. —

А что тебя не устраивает?

— По-моему, — вздохнула она. — Нас принимают за парочку геев.

Молодой мужчина заливисто расхохотался, запрокинув голову. А потом прижал девушку к себе.

— Знаешь, только слепой примет тебя за парня. По-моему, ты тут — самая стильная невеста.

Ветер гулял по стрелке Васильевского острова. Одно из самых популярных мест для свадебных фотосессий не пустовало в это субботнее утро. И стоящая у парапета набережной пара действительно весьма сильно отличалась от остальных, приехавших после ЗАГСа сюда, на стрелку Васильевского, чтобы разбить на счастье бокалы и выпустить в хмурое питерское небо голубей.

На невесте был черный костюм. Узкие брюки со стрелками, пиджак с атласными лацканами. Черными были и лаковые ботиночки. А вот пышнейшее кружево из ворота и рукавов пенилось белоснежным. Темные волосы украшала ослепительно-белая орхидея. Жених отдал предпочтение серому — светло-серый костюм, темно-серая шелковая рубашка и того же оттенка замшевые туфли.

Безымянные пальцы этих не совсем обычных новобрачных украшали, как и положено, обручальные кольца. Только в отличие от остальных пар, эти двое в ЗАГС так и пришли. И на предложение обменяться кольцами переглянулись, улыбнулись и дружно ответили: «А мы уже!», чем немало удивили повидавшее многое сотрудницу органа исполнительной власти. А уж когда невеста вдруг заявила, что передумала насчет фамилии, а жених невозмутимо похлопал ее по руке и предложил сотруднице ЗАГСа продолжить церемонию, потому что таблетки скоро должны подействовать — дама при исполнении и вовсе нахмурилась. Но церемонию продолжила — к ее немалому облегчению, без дальнейших нарушений протокола.

— Ты тоже вполне ничего, — она поправила ему традиционную белую бутоньерку. — Завидую себе — ты точно тут самый красивый жених. Но, знаешь, наверное, все-таки тебе стоило топнуть ногой по поводу платья.

— Ты согласилась взять мою фамилию и бросила курить. Считаю, что ты честно заработала свое право выходить замуж в чем тебе заблагорассудится, — невозмутимо парировал жених.

— Вы так щедры, господин, — едва слышно фыркнула невеста. А потом вздохнула. — И все равно тебе следовало проявить твердость.

— Признайся, ты просто сама хотела в глубине души белое пышное платье, — он улыбнулся и тронул пальцем темную прядь. — Признайся честно — хотела быть вот такой куклой? — кивнул в сторону соседней свадебной компании.

— Вот уж нет! — она бросила туда мимолетный взгляд. — Главное украшение невесты

на свадьбе — что?

— Букет? — он изогнул бровь.

— Жених! А у меня он самый красивый, — она прижалась щекой к его плечу. — И я тебе торжественно обещаю, что в наш медовый месяц я возьму с собой только белое: белый купальник, юбки, блузки, платья, белье и все остальное — будет только белое.

— Единственная белая вещь, которую я хочу видеть на тебе в наш медовый месяц — это...

— Что?

— Белого цветка в волосах будет вполне достаточно, — шепнул он ей на ухо. — Вся остальная одежда любого цвета будет лишней.

Она тихо рассмеялась. Он поцеловал кольцо на ее безымянном пальце. И тут их приватную идиллию нарушил энергичный голос.

— Все фотографии — одно и то же! — Константин поправил висящий на шее аппарат. — Проявите фантазию, новобрачные.

— Скажи мне, кто нам посоветовал этого фотографа? — спросил Макс у своей свежеиспеченной законной супруги.

— Никто, — Кира улыбнулась. — Он самозванец. Костик, иди к нам.

— Зачем это? — проявил подозрительность самозванный фотограф, свидетель и лучший друг жениха в одном лице.

— Целовать буду, — пообещала новобрачная.

— Пусть только вон тот отвернется! — Костя поспешил присоединиться. — А то шановный еще и ревнивый оказался.

— Обойдешься, — фыркнул Макс. — Нечего чужих жен целовать.

Но Кира все-таки коснулась щеки лучшего друга мужа легким поцелуем. Однако Константин Семенович — воробей стрелянный, на мякине не проведешь. И спустя пару секунд он выудил из кармана пиджака подsunутое туда самой стильной в этот день на стрелке Васильевского острова невестой.

— Что это? — Костя распялил на пальцах нечто белое и кружевное.

— Это, дружок, подвязка невесты, — назидательно произнесла Кира.

— На кой оно мне?

Невеста рассмеялась. Ехидно улыбнулся жених.

— Кто поймает букет невесты — тот следующим выйдет замуж. А кто поймает подвязку невесты — тот женится, — слегка нараспев произнесла Кира.

— Я ее не ловил!

— Тогда как она у тебя оказалась?

— Твоя жена играет нечестно! — Константин обвинительно нацелил белые кружева на друга.

— Обычное дело, — пожал плечами Макс. — Кире Артуровне результат важнее, чем методы.

— Ну и семейка у вас! — сокрушенно покачал головой Костя. — С явными криминальными наклонностями.

А потом размахнулся и резко бросил «подкидыша» в сторону реки. Но встречный ветер с Невы был иного мнения, и легкое кружево, сделав пару замысловатых пируэтов в воздухе, изящно опустилось на плечо в темно-синем пиджаке.

Супруги МАлыш дружно расхохотались.

Санкт-Петербург — Варшава. В Киру влюбились все — пан Валериан, пани Малгожата, Анджей. Макс не успел оглянуться, как пани Малгожата утащила Киру по магазинам, а отец уже обсуждает с ней перспективы открытия офиса в Питере. А уж о чем Кира с Анджеем шушукались на дикой смеси русского, польского и английского — он вовсе предпочитал не вслушиваться.

Варшава-Москва. Знакомство с дядей Киры, его женой и детьми — Кириными двоюродными братом и сестрой. Без эксцессов, коротко, но душевно.

Москва-Иркутск. Желу Макс практически не видел — чертова Лялька узурпировала. Зато сполна наобщался с матерью и сводной сестрой, недавно подарившей мужу второго ребенка. В полной мере осознал, что у них с Кирой есть от силы года два. А потом — сожрут живьем.

И, наконец, собственно, медовый месяц.

— Пришло время завтрака, — молодой мужчина в белом махровом халате подкатил доставленную в номер тележку с заказом к постели. — Просыпайся.

— А что у нас на завтрак? — темноволосая девушка подняла голову с подушки.

— Как обычно. Фрукты.

Это заурядный ответ был встречен многозначительным «Оууу». Она села на кровати. Сначала подтянула простынь к груди, потом передумала и опустила ее. И заморожено наблюдала, как мужская рука перебирает фрукты в вазе. Никаких яблок или апельсинов. Это Гоа. В вазе — пестрое буйство цветов и форм. И вкуса.

Наконец, выбор сделан. Оранжевый фрукт ложится в ладонь, в другую — нож.

— Манго? Банально.

— Вкусно, — поправляет он, невозмутимо очищая плод. Вскоре в руке оказывается щедрый ломоть красно-оранжевой мякоти. Темные глаза внимательно наблюдают за тем, как эти пальцы оказываются рядом с небольшой, но весьма аппетитной женской грудью. Губы в губы.

— Начинаем.

Розовато-бежевого соска касается оранжевая фруктовая плоть. Воздух со свистом проникает в легкие. Мякоть манго томительно медленно втирается в нежную кожу. Губы в губы.

— Наверное, достаточно.

Дерзкий язык нежно и уверенно слизывает сок и остатки манго. Хриплое дыхание взрывается стоном.

Он держит ее, пока она дрожит.

— Манговый оргазм — самый вкусный.

Тонкие женские пальцы к виску.

— Я люблю тебя.

— Когда ты приедешь?

— Не раньше субботы.

— Кирааа...

— Миленький, это не моя вина. Пан МАлыш запланировал еще несколько важных встреч.

Макс смог лишь горестно вздохнуть в трубку.

— В конце концов, это была идея твоего отца! — напомнила она.

— Которую ты с радостью поддержала!

— Не думала, что мне это так понравится, — довольно произнесла Кира. — Туризм — это так интересно...

— А муж дома голодный, необласканный...

— Коханный мой, один звонок Раисе Андреевне — и она примчится к тебе с пирогами и поцелует в лоб.

— Это не то!

— Какой же ты балованный и капризный.

— Да, я такой, — произнес Макс довольно. — Меня избаловали. Постарайся закончить дела быстрее, кохана моя.

— Обязательно постараюсь. Тем более, у меня есть для тебя подарок.

— Какой?

— Сюрприз, милый, сюрприз...

* * *

— Ты сидишь?

— Почти, — Макс отодвигает жалюзи, прижимая телефон к уху. За окном — чудо. К ним забрело чье-то чужое, неприличное, не по-питерски яркое солнце.

— Сядь.

— Сел.

— Нехорошо врать, — слышится от двери. Он оборачивается.

На пороге — Кира. Так же, как он, прижимает телефон к уху.

— Сядь, — повторяет она то ли в телефон, то ли уже прямо ему.

— Сел, — он действительно садится в кресло, за свой рабочий стол. Смотрит на нее выжидательно.

А Кира проходит несколько шагов. Останавливается у его стола. Опускает руку с телефоном. И произносит, глядя ему в глаза:

— Я беременна.

Телефон выскальзывает из его рук, падает, прокатывается под столом — и прямо к ее ногам в лаковых туфельках на десятисантиметровой шпильке.

Она поднимает его телефон. И, встревожено глядя на его резко побледневшее лицо:

— Максимка... У проектировщиц валерьянка есть? Ты погоди, я сейчас сбегаю к Эльмире, у нее точно должно быть... Или у Бори...

— А ну стой! — кресло за его спиной с грохотом падает. А Макс резко вскакивает на ноги. — Стой, кому говорю!

— Ты погоди в обморок падать, — скороговоркой. — Я сейчас сбегаю, накапаю тебе

чего-нибудь.

— КИРА!

Она замолкает на полуслове.

— Иди ко мне.

Подходит. Вглядывается в глаза. И прижимается к щеке. Его руки привычно: левая — затылок, правая — поясница. Тихим выдохом:

— Правда?

— А то.

— И... кто?

— Ребенок, — с тихим смешком.

— Мальчик? Девочка?

— Понятия не имею.

— Ясно, — он тепло выдыхает ей в висок. — А... когда?

— В середине марта.

— Как — март?! — Макс ошарашено отодвигает жену от себя, чтобы посмотреть в лицо. — В каком смысле — в марте?! Кира, ты что?! Я же не успею! У меня проект детской в черновиках. Я же еще не... А как же... Нет, март — это рано... — растерянно.

— Рано? — голос ее серьезен и совершенно противоречит усмешке в углу рта. — Ну, если что — ты не торопись. Я подожду. Могу до апреля походить. Или до мая. Ты только срок обозначь, милый. Чтобы я настроилась — сколько мне беременной ходить.

— Издеваешься? — вздыхает он и снова прижимает ее к себе. — Ладно. Я понял. Март — значит, март. Я успею. В принципе, с детской я определился концептуально.

Кира МАЛЫШ негромко стонет в шею мужу.

* * *

— Чем тебе не нравится Магдалена? Нормальное польское имя.

— Проще надо быть, пан Малыш! И люди к вам потянутся!

— Мне не надо «люди». Мне надо имя дочери придумать.

— А мне не нравится Магдалена! — Кира отправила в рот светло-зеленую виноградину. — Давай... Динара?

— Чего?!

— А что? Нормальное татарское имя.

Лежащий на диване Макс ответил на это возмущенным фырканьем, которое прервали засунутой ему в рот ягодой винограда. А после того, как проглотил, он выдал:

— Я придумал! Идеально!

— Молодец. Давай, осчастливливай нас светочем своего гения.

— Дочка родится в марте, так? Значит, назовем Мартой!

— Вот она — безупречная логика пана МАЛЫША! — прыснула Кира. — В марте — Марта. В мае — Майя. В августе — Августа.

— Конечно! — отозвался Макс. А потом повернул голову, устроенную на коленях супруги, прижался губами к ее животу и произнес негромко: «Марта, привет». Оттуда отцу ответили бодрым толчком — скорее всего, это была пятка. Или локоть — в данном случае сказать точно сложно. — Вот видишь? Она откликается! Значит, точно Марта!

— Она тебе всегда откликается, — проворчала Кира. — Это с мамой мы можем не разговаривать — мама ведь все равно никуда не денется. А вот папе мы всегда отвечаем.

— Потому что папа прав, — назидательно ответил Макс. — Кирюша, согласишься, я придумал идеальный вариант? Марта Максимилиановна МАльш. Прекрасно звучит.

Кира хотела возразить. Но не придумала, чем. Ей и в самом деле нравилось, как это звучит. И Макс это понял.

— Она родится ровно в середине месяца марта. Мы назовем ее Мартой. У нее будут мои зеленые глаза и твои темные волосы. И еще у нее будет твоя улыбка.

Мама Марты Максимилиановны МАльш снисходительно улыбнулась.

* * *

Марта Максимилиановна МАльш родилась пятнадцатого марта. У девочки оказались и в самом деле папины зеленые глаза и мамины темные волосы. Про улыбку сказать было пока сложно. Но и в этом сомневаться не стоит. Ведь хорошие архитекторы никогда не ошибаются в своих проектах.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

notes

Дарбука — восточный барабан в форме кубка.

ГАП — Главный архитектор проекта.